Константин Ривкин

АДВОКАТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга написана московским адвокатом Константином Ривкиным, известным как по своему участию в ряде резонансных судебных процессов (дело ЮКОСа, дело Оборонсервиса и др.) и долголетней работе в органах адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы, так и по его научно-публицистическим статьям, посвященным вопросам истории и современного состояния отечественной адвокатуры.

- Константин Ривкин
  -
  - От автора — немного о себе
  - Адвокатская поэзия
    - Стража и лажа
    - Марш квалификационной комиссии
    - Генри Марковичу Резнику
    - Три рифмы
    - К 60-летию адвоката Роберта Зиновьева
    - К 70-летнему юбилею адвоката Г.С. Каганера
    - Посвящение адвокату Е. Левиной
    - Переписка в стихах с адвокатом Владимиром Красеовым
      -
    - Стихи разных лет на другие темы
    - О зимней дачной романтике
    - Послание к промелькнувшему
    - Как прекрасен этот мир
    - Исповедь нерадивого солдата
    - Письмо из дома
  - Адвокатская полемика
    - Несметные сокровища
      -
      - 1. О взаимном непонимании
      - 2. Необходимая оборона
      - 3. Удары ниже пояса
      - 4. Оценивая противника
      - 5. Что в итоге?
    - О соблюдении КПЭА вне рамок адвокатской деятельности
      - I. Экспансия Кодекса за рамки профессии
      - II. О чем говорит история
      - III. Неочевидная очевидность

        - IV. Кино, да и только
        - V. Есть ли гарантии от злоупотреблений?
        - VI. Поможет ли нам заграница?
        - VII. Избирательное морализаторство
        - VIII. Даешь Демона!
    - Пассивная защита — тактический прием или нарушение закона?
    - Назначение адвокатов и сопутствующие дисциплинарные нарушения: история и современность
        -
        - I. Немного истории
        - II. Нарастание проблемы «карманных адвокатов»
        - III. АИС АПМ и дисциплинарная практика
    - Наступательность как средство защиты
    - Исторические параллели и адвокатские перпендикуляры
        -
        - 1. О корпоративной критике
        - 2. О сопротивлении
        - 3. Адвокат и политические страсти
    - Адвокат — существо политическое
    - Адвокату допустимо участвовать в ОРМ, но только в случае крайней необходимости
    - Росадвокатнадзор:
    - Отказ от защиты при нарушении доверителем своих обязательств
    - Нравственный ориентир адвокатуры
  - Интервью разных лет
    - У прокуратуры есть свой закон — секретный
    - Подкаст «совещательная комната», посвященный 20-летию начала «дела ЮКОСа»
    - Если на вас едет бульдозер
    - Станет ли свидетель Сердюков обвиняемым?
    - Интервью журналу «Бизнес-курс» (Омск), выпуск от 1 апреля 2015 года
  - Об авторе
  - Фотографии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Константин Ривкин Адвокатский калейдоскоп: Стихи, статьи, интервью, фотографии

«Проблемы в адвокатуре делятся
на актуальные, вечные и мнимые».

Г.М. Резник

Дорогие читатели!

Я благодарна автору за возможность написать несколько слов о нем и о представленном сборнике. Это честь для меня! Очень люблю эпиграфы, как и К. Ривкин: они определяют основную идею и не дают мысли затеряться, заставляя к ней вернуться. В качестве такового я взяла слова Г.М. Резника о проблемах в адвокатуре, но эта цитата верна вообще для любых проблем. Она вечная! Теперь к любой проблеме я подхожу прежде всего с оценкой, к какой категории она относится, и только потом определяю пути ее решения. Спасибо Генри Марковичу!

Когда я читала рукопись, наполненную историческими параллелями, философскими оценками, реальными примерами, ироничными высказываниями, а главное, искренним отношением к происходящему, смотрела прежде всего на дату опубликования. Она определяла значение написанного именно в тот период. Время — это то, что определяет приоритеты и высвечивает актуальность проблемы, не зря же его называют мерилом существования. Действительно, именно время — самый мудрый для нас советник. Я вспоминала адвокатуру и себя в тот период и свое отношение к написанному тогда, соотносила с собой в 2023-м и своей оценкой проблем тех лет. А потом поняла, что для меня важнее всего отношение к автору — Константину Ривкину. Интеллигентному, разностороннему, хорошо знающему и понимающему историю, досконально профессиональному, но, главное, небезразличному ко всем явлениям в адвокатуре.

Я доверяю автору сама, учу на его примере молодых — он образец. Благодарю судьбу за то, что могу быть с ним рядом. Поймала себя на мысли, что для меня важнее искренняя любовь Константина Евгеньевича к адвокатуре, которая вызывает уважение, а не полемика, с чем я согласна, а с чем — нет.

Не оспаривая ваши позиции, не удержусь и все-таки скажу, что, если пьяный Афоня со статусом адвоката плавает в фонтане, мне жаль, но это его проблема, а если он из фонтана кричит, что

он адвокат, это меня задевает и задевает все сообщество. Уверена, что вы со мною в этом согласитесь. Но есть один тезис, который я оспорила бы. Так, К.Е. Ривкин пишет, что «сложно предписывать защитникам суперкорректное поведение в ответ на издевательство над законом и здравым смыслом», а сам автор демонстрирует безупречное, тактичное поведение, при этом наступательное и бескомпромиссное. Поэтому, обращаясь к молодым коллегам, я всегда советую: что бы ни происходило вокруг, вы должны быть вежливыми, сдержанными и предупредительными. Вы — Адвокаты. Это важный элемент профессионализма.

Этот замечательный сборник можно было бы назвать «Трансформация взглядов в адвокатуре» или «Ступени в адвокатуре»: он очень четко отражает, что волновало адвокатуру в разные периоды — в 2005, 2011, 2018, даже в 2021 годах, уже ставших историей российской адвокатуры. Читая эти страницы, я вспоминаю накал страстей и по-прежнему пытаюсь найти для себя золотую середину в оценках «за» и «против». Но этим и ценен сборник: он показывает, как, обсуждая, решая, формировалась адвокатура XXI века и в чем же «неочевидная очевидность».

Спасибо автору за служение адвокатуре, умение владеть пером, самоиронию и за этот сборник, который разделил проблемы на актуальные, вечные и мнимые.

Светлана Володина, президент Федеральной адвокатской палаты РФ

От автора — немного о себе

Из книги «Ходорковский[1], Лебедев, далее везде. Записки адвоката о “деле ЮКОСа”, и не только о нем»[2]

Глава I

Вместо тезауруса. § 1. Немного о себе

Несомненно, что про хвори и недуги интереснее, а главное — полезнее, узнать мнение не постоянного читателя журнала «Здоровье», а опытного практикующего врача, хотя в жизни встречаются оба варианта процесса познания медицинских премудростей.

Поэтому, как представляется, чтобы судить о том, насколько автор владеет той или иной тематикой и можно ли доверять его умозаключениям на различные темы, хорошо бы ознакомиться для начала, хотя бы коротко, с его биографией. Исходя из сказанного, в данном разделе в весьма сжатом виде будет представлен жизненный путь автора или, говоря словами одного из героев произведений писателя Юлиана Семенова, — самодонос.

Я родился и вырос в Москве. Несмотря на то что мои родители — технари по образованию (мать — строитель, а отец до пенсии трудился в атомной энергетике), их чадо тянуло больше к гуманитарным предметам. Не знаю, сказалось ли здесь чтение детективов, но первым моим местом работы после окончания средней школы была Прокуратура РСФСР, где я устроился секретарем в канцелярию, откуда и ушел затем отдать долг Родине в рядах Советской армии. Тяга к юриспруденции не ослабла и после возвращения домой, поэтому я поступил в Московскую высшую школу милиции МВД СССР. «Вышка» в те времена давала очень неплохие профессиональные знания, особенно по таким дисциплинам, как уголовный процесс, уголовное право, криминалистика, а потому ее выпускники очень быстро адаптировались на практике, имея хорошую теоретическую подготовку и затем получая навыки работы следователем или оперативником. Сейчас это Университет МВД РФ, с тех пор сильно выросший как своей учебной базой, так и в плане расширения специализации сотрудников, которые готовятся для подразделений московской полиции.

Забавно, но, когда на последнем курсе у нас появилась следственная специализация, я был уверен, что после выпуска буду работать кем угодно, но только не следователем по так называемым хозяйственным делам. Не хотелось ковыряться в огромных массивах всяких бухгалтерских документов и дышать пылью. Однако по иронии судьбы уже с момента прихода на студенческую стажировку и до настоящего времени я занимаюсь только делами, касающимися экономической преступности, — сначала как следователь, затем как научный работник, а сейчас уже в качестве адвоката-защитника. И ни разу об этом не пожалел.

Зародившееся в вузе стремление к науке не ослабевало и позже, и тогда я, поднакопив на следственной работе опыта, наблюдений и идей, поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР. А потом около десяти лет преподавал криминалистику на кафедре Юридического института МВД РФ.

Криминалистика, если дать короткое определение, — это наука о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений. Ее изучают в учебных заведениях все будущие оперативные работники, следователи, прокуроры и судьи. Она также нужна и адвокатам, практикующим по уголовным делам. Если взять категорию дел экономической направленности, то в криминалистике можно почерпнуть знания о типичных для них судебных экспертизах, особенностях проведения следственных действий (допрос, обыск, очная ставка, выемка и т. д.), методиках расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности.

Кандидатскую диссертацию я посвятил исследованию одного из видов косвенных доказательств по актуальным на практике хозяйственным делам. В сфере научных изысканий внимание привлекали процессы, происходившие в перестроечные времена в кооперативном движении, во внешнеэкономической и банковской деятельности, в налогообложении.

Однако после необходимой выслуги лет погоны пришлось снять и сменить профессию. Хорошо помню, как начальник кафедры, взяв в руки мой рапорт, сказал: «Очень сожалею, но отношусь с пониманием. Троих детей надо кормить». Последние слова очень хорошо объясняют причину принятого мною непростого решения.

Особых раздумий по поводу того, куда идти, не было. Так уж сложилось, что оставляющие службу оперативники чаще всего идут в частные охранные предприятия, а следователи — в адвокатуру. Как-то отложилось в памяти, что один из лучших моих учеников, узнав о дальнейших намерениях пойти в

адвокаты, в кругу сослуживцев недовольно высказался так: «Он перешел на другую сторону баррикад». Такую оценку чьих-либо действий в схожих случаях приходится и сейчас слышать не так уж редко. Я с этим не согласен, поскольку в нормальном государстве, где властвует закон, обе противоборствующие стороны должны честно служить правосудию и добиваться справедливого и обоснованного разрешения дела. По этому поводу прекрасно высказался авторитетнейший дореволюционный судебный деятель А. Кони: «Состязательное начало в процессе выдвигает как необходимых помощников судьи в исследовании истины — обвинителя и защитника. Их совокупными усилиями освещаются разные, противоположные стороны дела и облегчается оценка его подробностей»[3].

Что же касается реалий сегодняшнего дня, то я приведу мнение известного в юридических кругах человека, которого пресса окрестила «прокурором, ставшим одним из самых авторитетных адвокатов современности», — Юрия Костанова, в советское время прошедшего путь от следователя до ответственного работника Прокуратуры СССР. Когда бывшие коллеги стали ему говорить, что он «поменял знамена», перейдя в адвокатуру, ответ был таков: «Знамена я не менял… Более того, я считаю, что в настоящее время знамена поменяла прокуратура. Сегодня там работать стыдно. Я вижу, что они делают, и меня это, мягко говоря, не устраивает»[4].

Кстати, упомянутый выше мой ученик, проработав какое-то время следователем, пришел затем в науку, где и успешно трудится до сих пор. Некоторое время назад, когда мы с ним случайно встретились на одной научно-практической конференции, он стал интересоваться моим мнением о целесообразности своего поступления в адвокатуру. Видимо, правильный выбор позиции на баррикадах приходит только с накоплением необходимого багажа жизненного и профессионального опыта…

Сдав вступительный экзамен и получив статус адвоката, я пришел в 1996 году на работу в одну из юридических консультаций Московской городской коллегии адвокатов. Это самая известная и многочисленная коллегия, где трудились и трудятся многие мэтры российской адвокатуры. Про нее недавно мне пришлось услышать такую шутку: «В городской коллегии работают самые красивые женщины и самые умные мужчины». Не знаю, согласны ли с этим представительницы прекрасного пола, но точно могу подтвердить, что в ходе реформирования института адвокатуры, начало чему положил принятый в 2002 году закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», ряды

МГКА поредели за счет создания новых адвокатских образований, куда ушла часть таких мужчин.

Одно такое образование — бюро, реорганизованное затем в коллегию, — создал работавший вместе со мной известный столичный адвокат Георгий Каганер. Я вошел в число нескольких человек, сформировавших эту структуру, которая была названа по имени ее создателя — «Каганер и партнеры». Небольшой коллектив быстро получил известность и завоевал авторитет среди клиентов. Достаточно сказать, что после возникновения «дела ЮКОСа» эта крупнейшая в стране нефтяная компания, если можно так сказать, «зашла» в наше небольшое адвокатское образование, насчитывавшее всего семь человек, с двух сторон: адвокат Каганер был приглашен защищать одного из сотрудников службы безопасности ЮКОСа Алексея Пичугина, а мне поступило предложение войти в команду защитников Платона Лебедева. В дальнейшем к работе по «делу ЮКОСа» по мере необходимости мы привлекали и других адвокатов нашей коллегии — Татьяну Симонову, Александра Головина, Виктора Губанова.

Здесь остается лишь добавить, что, придя в адвокатуру, я не изменил своему пристрастию и продолжил специализироваться на делах экономической направленности. Приходилось защищать людей, обвинявшихся в растратах, присвоении, мошенничестве, уклонении от уплаты налогов, незаконном предпринимательстве, контрабанде. При этом некоторые из клиентов занимались бизнесом в топливно-энергетической сфере экономики.

Целый ряд проведенных дел был связан с работой существовавшей в то время налоговой полиции. Дела сколь непростые, столь и интересные. Не могу сказать, что это исключительно моя заслуга, но все они без исключения завершились полной реабилитацией подзащитных…

Адвокатская поэзия

Стража и лажа

(одноактная пьеса в стихах на судебную тематику)

Действующие лица:
Судья, он же Ваша Честь.
Прокурор.
Адвокат по назначению.
Мужчина на передней скамейке, он же Петров.

Занавес открывается, зрители видят зал судебного заседания. Распахивается дверь сбоку, и входит человек в черной мантии. Все встают.

Судья:

Начинаем заседанье,
Всем послушать заклинанье:
Про права по УПК
Вы прочли наверняка.
Убежден, отводов нет,
Пристав вышел в туалет.
Прокурор и адвокат —
Все на месте, очень рад.
Секретарь сидит моя,
Представляюсь: я судья.
Все формальности улажу,
Дело предстоит про стражу.
А теперь прошу садиться,
В документы погрузиться.

Обращаясь к мужчине на передней скамейке:

К протоколу пара слов —
Как фамилия?

Мужчина:

Петров.
Я хочу сказать о том…

Судья:

Не спешите, всё потом.
Есть ли дома малолетки
Иль еще какие детки?
Русский вам язык родной?
Жалоб нету на конвой?
Вижу справку от «лепилы» —
Ты здоров как бык, мой милый!
Ну, тогда мы без затяжки
Смотрим в деле все бумажки.
Если верно я пойму,
Тут один вердикт — в тюрьму.

Петров:

Но позвольте, Ваша Честь,
Я скажу вам то, что есть!

Судья:

Вы откроете свой рот,
Как тому придет черед.
И пока я не кивну,
Соблюдайте тишину!
А про то, какой вы вор,
Нам расскажет прокурор.

Прокурор:

Это страшный расхититель,
Вымогатель и грабитель,
Непорядочный подрядчик,
Взяткодатель и растратчик.
Он украл незнамо что —
То ли лайнер, то ль пальто.
За него следак возьмется,
Зуб даю, и разберется!
Я за делом надзираю,
Нарушений нет, я знаю.
Но что важно, Ваша Честь,
Доказательств тут не счесть:

Матерьял подшит в тома,
А томов аж целых два!
Строчки можно разобрать,
И везде стоит печать —
Цвета синего мастика.
Это важная улика!
Подпись здесь и до конца
Надлежащего лица.
Есть запрос про госнаграды,
Что еще к аресту надо?

Судья:

Вот представлена нам сразу
Доказательная база.
Ею суд удовлетворен,
Восхищен и покорен.
Но продолжите сюжет,
Что совсем тут шансов нет —
На свободе паразит
Обязательно сбежит,
С очевидцев выжмет соки
И сожжет дотла вещдоки.

Прокурор:

Мысль я вашу понимаю
Аргументы сочиняю.
Напрягаю интеллект,
Вот вам списочный комплект.
У злодея преотличный
Найден паспорт заграничный.
Но не действует сейчас.
Это раз.
В гараже нашли лопату,
Карту старого Арбата.
Он хотел прорыть туннель
Из Москвы и прям в Брюссель.
Через Турцию сперва.
Это два.
И притом сей тип ужасный
Говорит, что непричастный,
Будто в день убийства он

Посещал «Иллюзион» —
Там сидел как член жюри.
Это три.

Судья:

Подождите, прокурор,
Вы божились, это вор.
А теперь вопрос стоит —
Он убийца и бандит?

Прокурор:

Эти мелкие детали
Роли в деле не играли.
Есть Петров иль Иванов —
Всех в тюрьму без лишних слов!
Нужно долго не мудрить,
А решенье выносить.
Хоть спляшу, хоть сяду, ляжу,
Место хищника под стражей.
Вон как вылупил глаза —
Вот четвертый довод «за».
А еще имеет, гад,
Детородный агрегат.
Что же ждать нам от такого?

Судья:

Хватит, веско ваше слово.
Не могу вообразить,
Что тут можно возразить.

Петров:

Но позвольте, прокурор,
Что вы мелете, позор!
Дайте хоть открыть мне рот —
Все совсем наоборот!

Судья:

Позже будем слушать лажу,
Все равно пойдешь под стражу.

Прокурор:

Да и я в твою пургу
Верить просто не могу.
Пишут — крал мазут и жесть,
Значит, так оно и есть.

Судья:

Ну и мне все ясно тоже —
Нет проблемы здесь, но все же,
Тут с меня вы не взыщите,
Надо слово дать защите.

Адвокат:

В этом деле важно очень
Рассказать…

Судья:

Короче!

Адвокат:

О грубейших, без сомненья,
Всех ошибках обвиненья
И отсутствие причины
Отправлять в СИЗО мужчину.
Есть прописка, дача в Сочи…
Сын и дочь…

Судья:

Короче!

Адвокат:

Ну тогда прошу учесть —
Поощрений целых шесть!
Службу раньше на границе,
Насморк, боли в пояснице,
Геморрой и ИБС,
Простатит и энурез.
Никогда он не был пьяным
И играл на фортепьяно.
Мой клиент не мог стать вором,
Быть мечтал он прокурором!..
А еще имею справки,
Что не крал он ни булавки,
Ни часы, ни телогрейки,
Ни рубля и ни копейки.
Приобщить прошу всё к делу
И заканчиваю смело.
Верю в право и закон,
Суд наш, Страсбург и ООН!

Прокурор — адвокату (*негромко*):

Болтовней своей, чудак,
Только держишь автозак.
Завершай-ка тары-бары,
Едет пусть клиент на нары.
Дело к вечеру идет,
Арестанта шконка ждет.
Конституцию про нашу
Будет думать у параши.

Судья:

Суд наслушался сторон,
Совещаться хочет он.
Все обдумать важно тут…
Ждите ровно пять минут.

(Размышляет вполголоса):

Три затяжки, туалет,

Секретарша… кофе… Нет,
Если быстро управляться,
Надо мне минут пятнадцать.

Петров:

Ну, когда же, вашу мать,
Мне позволят слово взять?

Судья (удивленно):

Весь процесс прошел прекрасно,
Неужели вам не ясно?
Если что не для души —
В апелляцию пиши.
Ну да ладно, к протоколу
Излагай свой сказ веселый.
И не скромничай ты, брат,
Признавайся в чем винят.

Петров:

Благодарен, дали слово
И признание готово.
Я приехал ровно в пять,
Чтоб проводку починять.
А завхоз велел дождаться —
Будет зал освобождаться.
Я уселся в стороне,
Скоро стало ясно мне,
Что электрика Петрова
Принимают за другого.
Я пытался разъяснить —
Не давали рта раскрыть.
В суд приехал работягой,
А теперь мне путь в тюрягу?
Где, судья, здесь ваша честь,
Мозг и совесть у вас есть?

Судья:

Да, случилась вдруг накладка,

Но тебе не будет сладко.
Меня ты счел за дурака,
И поэтому в УК
Статью коварную найду —
«Неуважение к суду».
Я до подмышек оскорблен —
К аресту ты приговорен.
А что такое честь моя,
Не смыслишь в этом… ничего.
Коль будешь дальше очень смелым,
Приговорю тебя к расстрелу.
Перед законом все равны —
Бухгалтеры и паханы,
Врачи, завхозы и банкиры,
Строители, певцы, кассиры.
И если члены у них есть,
Всегда найдется за что сесть…
А ты наказан будешь строже —
В тюрьме электрик нужен тоже.

Конвой надевает на Петрова наручники и уводит.

Занавес

Марш квалификационной комиссии

(исполняется двумя голосами на мотив «Песни бюрократа» из фильма «Забытая мелодия для флейты»: первые три строчки каждого куплета — женское меццо-сопрано, последняя — мужской баритон)

Мы не пашем, не сеем, не строим,
Мы не ходим, как в армии, строем.
Мы служаки божественной миссии —
Квалиф*И*кации*О*нной комиссии.

Мы терзаем с утра кандидатов,
Тех, кто хочет вступить в адвокаты,
По билетам нещадно гоняем,
Хоть и сами их толком не знаем.

Завершив лотерею с билетиками,
Будем кляузы слушать про этику
И устроим теплейшие проводы,
Если нет надлежащего повода.

Пишут нам из тюрьмы сердобольные,
Сообщают, что всем недовольные:
Им судья срок назначил огромный,
Но во всем адвокаты виновны.

Уйма время уходит на это,
Ни зимы мы не видим, ни лета.
Через раз заседаем по средам,
Но хоть кормят хорошим обедом.

Подобрались здесь разные люди —
Адвокаты все больше и судьи.
И не зря в корпорации нашей
Мы и сеем, и пишем, и пашем.

Генри Марковичу Резнику

Знает он суть законов многих,
Убедить может мудрым словом,
Защитит и больных, и убогих,
И Пасько, и «Гуся», и Орлова.

Я желаю здоровья отменного,
Славы, мудрости и почета,
Мир в семье бы царил непременно
И пусть тянет порой на работу.

Чтобы солнце всегда светило,
Душу грел гонорар в карманах,
А отрицательным в жизни было —
Лишь реакция Вассермана!

Три рифмы

К 60-летию адвоката Александра Асниса

Об одних говорят прозой,
Над другими смеются в баснях,
Третьим дарят стихи и розы,
Среди них — Александр Аснис.

Зазвучали фанфары и лиры,
Растекаются речи и страсти,
А виновник такого пира —
Юбиляр Александр Аснис.

Под конец со стыдом говорю —
Не найду я рифму третью,
Но клянусь, сотворю, подарю
На банкет к твоему столетью!

К 60-летию адвоката Роберта Зиновьева

Знаменит он как римский патриций —
Кого хочешь спроси на Руси,
Он известен в военной юстиции
И собою прославил ФАПСИ.

Атлетической мощной фигурой,
Коль ему позволяло здоровье,
Осчастливил он адвокатуру —
Дорогой ты наш Роберт Зиновьев.

Пишет мудро и едко, как Гоголь,
Не боится разумного риска,
Одевается со вкусом, как щеголь,
Пьет чуть-чуть — лишь элитные виски.

Защищает клиентов с отвагой,
Своей грудью коллегу прикроет,
Он открыл нам Мурси*и*ю и Прагу,
И еще пол-Вселенной откроет.

Я тебя горячо обнимаю
И хочу избежать многословья.
За тебя я бокал поднимаю,
Дорогой ты наш Роберт Зиновьев!

К 70-летнему юбилею адвоката Г.С. Каганера (1940–2017)

В далекие годы однажды весной
В стране под названием СССР
На свет появился отрок младой,
Назвали Георгий, в миру — Каганер.

Подрос, стал учиться на славу,
Как вождь подзабытый велел.
Потом потянуло на право,
Поскольку налево не смел.

Пошел на юриста недаром,
Затем в адвокаты попал,
Не лез за крутым гонораром
И микст в детдома отдавал.

За годы на службе закону
Сражался за правду и честь.
Им соли поедено тонны,
А выпито сколько — не счесть!

Сегодня мы чествуем мэтра,
Тостуем его одного.
Гостей ровно полкилометра
Пришло, чтоб поздравить его!

Здоровья, удачи желаю,
Чтоб счастлив всегда был твой дом
И розы повсюду стояли,
И бюст перед Мосгорсудом!

Посвящение адвокату Е. Левиной

Ко дню рождения коллеги, входившей в команду защитников М. Ходорковского (*) и отличающейся любовью к домашним животным

В день рожденья Елены Левиной
За нее мы безумно рады
И желаем — известности Ленина
И успешности, как у Падвы.

Просыпаться всегда с бодрой песнею
И красою блистать словно в сказке.
А на случай ухода на пенсию
Состоянья — как у Дерипаски!

Чтобы только от радости плакать
И пьянил бы лишь воздух московский.
Чтоб всегда в Вас нуждалась собака,
А порой — Михаил Ходорковский(*).

Переписка в стихах с адвокатом Владимиром Красеовым

К следующему стихотворению необходимо пояснение.

Мой коллега, адвокат Владимир Краснов, в период нашей совместной подготовки надзорной жалобы в Верховный суд РФ умудрился угодить в больницу.

И чтобы «совместить бесполезное с неприятным», взял с собой для работы соответствующие материалы.

Направляя мне по электронной почте свой фрагмент жалобы, он сопроводил его такими стихами:

Нежданно оказавшись на больничной койке,
Точнее, сидя рядом с ней,
Продолжил я копаться в Верховного Суда «помойке»,
Чтоб доводов набрать в опроверженье ей.

Из глубины больничных коридоров,
Под шум и запах местного «кафе»
Пишу я Вам, чего же боле,
Ведь хворь нашли в ногах, не в голове.

Так появилось то, что посылаю —
Судебный акт, увы, не отличает правовая стать.
Коллег прошу сие дополнить, хворого «пиита»
не ругая,
Ну а закончить хочется мне рифмой слова
«Мать».

В. Краснов

Такое действо, конечно, не могло оставаться безнаказанным, и ответная реакция последовала незамедлительно:

Из глубины больничной лазарета,
Промеж клистирной и дверями туалета,
Как гром с небес в начале лета,
Раздался голос негодующий поэта.

«Хоть я, как Байрон, мучаюсь ногою,
Как Врубель — не в порядке с головою,
К тяжелому не годен я труду —

Нагажу я Верховному Суду!

Когда меня отпустят ночью глюки,
Я погружусь в познание науки
И, зачерпнув премудрости со дна,
В судью метну я горсточку г…на!»

Всю ночь, мешая хворым людям спать,
Поэт твердил упорно: «мать!» да «мать!»…
И эхо вместе с этой «матью»
Звенело грозно в утке под кроватью.

К. Ривкин

Поздравление к 55-летию подзащитного по делу нефтяной компании ЮКОС Платона Лебедева

За мученья годами в застенках,
За сраженья с судейскою мафией
Ставит время за подвиг оценки —
Две пятерки в его биографии.

Стихи разных лет на другие темы

К юбилею моего учителя — известного ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки РФ, профессора В.П. Лаврова (1932–2021)

Годы быстры, как пуля в баллистике,
Но еще два десятка пройдут,
И науку криминалистику
Как звезду в его честь назовут.

Соберемся мы вновь в этом зале,
Юбиляр будет юн как всегда,
И провидцы уже подсказали,
Что же будет в науке тогда.

Все забудут труды Ганса Гросса,
Юрген Торвальд утратит почет.
Классик только Лавров — без вопросов!
Ну и Белкин, быть может, еще.

А пока, кто прогноз разделяет —
До краев свою рюмку налей.
И пусть тост мой в стихах прославляет
Этот славный для всех юбилей!

Стихотворение было написано к юбилею моего друга, однокашника по Академии МВД СССР Владимира Александровича Мазурского, отмечавшего это событие в Доме культуры железнодорожника (ДКЖ).

* * *

Стихотворное напутствие, провозглашенное в столице нашей Родины городе-герое Москве в год 2014, октября первого дня.

В чествование Владимира — мужа, отца, деда, прадеда, следователя, прокурора, начальника от юстиции, железнодорожника и прочая, прочая, прочая.

Сильна Владимирами Русь,
Как ни Володя — свой он в доску,

И я напомнить не боюсь —
Страной счас правит Вовин тезка.

А что, Володя, в возраст свой
Ты мудрый, чуткий, смелый, ловкий.
Вполне под силу, друг ты мой
Проделать с тезкой рокировку[5].

Считай, все схвачено уже,
И дни рожденья вместе с нами
Отметишь впредь не в ДКЖ,
А за кремлевскими стенами.

Возглавит дочь Верховный Суд,
Внук станет боссом у Газпрома,
Жена прикупит дом, сад, пруд
Размером с три аэродрома.

И я помочь готов всегда
Без званий, должностей, салютов,
С окладом просто ерунда —
Всего сто долларов. В минуту.

О зимней дачной романтике

Январский день мне улыбнулся,
Манил в мечты и сказки он,
Но тут с крыльца я на…бнулся,
И был в реальность возвращен…

В молодые годы одному моему другу понравилась девушка, которая работала продавщицей в магазине неподалеку.

Стихотворение написано от ее имени.

Послание к промелькнувшему

Я очень жутко извиняюсь
И не сердиться попрошу.
Я кое в чем сейчас признаюсь
И кое-что сейчас скажу.

Тебя однажды я видала
В людском потоке суеты
И глаз влюбленных не спускала,
Когда мелькнул и скрылся ты.

Тут сердце трепетно забилось.
О, счастье милое мое!
Ты в «Детский мир» ко мне явилось
К отделу «Нижнее белье».

Ты приходи ко мне, желанный,
Ворвись и в явь, родной, и в сон.
Тебе, Андрюша, я достану
Десяток импортных кальсон!

Как прекрасен этот мир (после окончания школы)

Мы вышли в путь, пусть крепче держат ноги
И ясность полная пусть будет в голове.
И мы дойдем, опорожнив в дороге
«Останкинского» кружку или две.

А зажевав все это воблой,
Мы между делом посетим сортир.
Устроимся как можно поудобней
И скажем: «Как прекрасен этот мир!»

Исповедь нерадивого солдата (армейское)

В этот день, сырой и мрачный,
Дождь пошел и ветер дул,
И к тому же неудачно
Угодил я в караул.

И не то чтобы жалею,
И не то чтобы стыжусь.
Не помру, не околею,
Не сгорю, не утоплюсь.

Но стоять один средь леса
Под дождем и на ветру —
Никакого интереса:
Вдруг действительно помру?

Автомат на шее виснет,
И вода за ворот льет.
Я одной захвачен мыслью —
Что же смена не идет?

То присяду я на траву,
То на полпути засну
И в ближайшую канаву
Ненароком заверну.

Два часа длинны ужасно,
Как удел нелегок мой!
И кричу во тьму напрасно:
Мама, я хочу домой!

Письмо из дома (армейское)

Вечер пришел, как обычно.
Бросив без дела скучать,
Все мы, толкаясь привычно,
Письма бежим получать.

Белый конвертик почтовый…
Сколько содержится в нем!
Матери нежное слово
Греет домашним теплом.

Вскрою письмо торопливо,
Жадно сжимая в руке,
И, улыбнувшись счастливо,
Сяду читать в уголке.

Я не замечу, что рядом
Кто-то, прижавшись к стене,
Смотрит задумчивым взглядом,
Видно, завидуя мне.

Друг, не суди меня строго,
Так уж угодно судьбе.
Как ни далека дорога,
Письма придут и к тебе.

* * *

За прибалтийским влажным летом,
Пришедшим быстро, как во сне,
Явилась, красочно одета,
Вдруг осень в нашей стороне.

И, не замеченная нами,
Пахнув дыханьем сентября,
Играла солнечными днями,
Как снисхождение даря.

А мы, слепые в суматохе,
Внезапно замирали вдруг
И замечали только крохи
Печальных перемен вокруг.

Адвокатская полемика

Несметные сокровища (Трактат об адвокатской словесности)

А кого судьи велят поставить к суду, и исцу и ответчику, став перед судьями отвечати вежливо и смирно и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорити и межь себя не браниться.

(Из «Соборного уложения». 1649 год)

Владение языком в многовариативных его проявлениях есть обязательное условие успешной работы адвоката в рамках судопроизводства, строящегося на основах устности и гласности. Однако, черпая сокровища из кладовой русского языка, экспериментатор-защитник должен оценивать искрометные формулировки в прогностическом плане, поскольку они могут подтолкнуть судью к инициированию дисциплинарного разбирательства в отношении адвоката.

При этом согласно Кодексу профессиональной этики адвоката представитель адвокатского сообщества не вправе допускать в процессе рассмотрения дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случаях их нетактичного поведения. Однако, как показывает судебная практика и производные от нее дисциплинарные материалы, столь нужных единых подходов к оценке действий адвокатов нет.

1. О взаимном непонимании

Сначала о ситуациях безобидных, в основе каковых, скорее всего, лежит либо непонимание сути сказанного, либо властно навязываемое судом мнение, опирающееся на собственные представления судьи об истинной сущности прозвучавшего.

Например, в Мещанском районном суде г. Москвы на одном весьма нашумевшем процессе судья довольно резко прервала известного питерского адвоката Ю. Шмидта, когда он в ходе своей речи для аргументации сказанного привел популярную пословицу *Дорого яичко ко Христову дню*. Сложно представить, какие именно ассоциации в этот момент возникли в голове у

служительницы Фемиды, но итогом стало вынесение защитнику замечания. Изумленный Шмидт, вероятно уже не без опасения, сменил пасхальное изречение на более нейтральное и бытовое — *Дорога ложка к обеду*, и такая замена вполне удовлетворила строгого судью.

Не так давно в Архангельском областном суде председательствующий, который в целом вел себя подчеркнуто корректно, на слова автора этих строк, сказанные в ходе выступления, среагировал незамедлительно и настойчиво попросил избегать выражения *противная сторона*. Пришлось, исходя из предписаний суда, проявившего, по замечанию журналистов, «языковую чуткость», сменить *противную* сторону на *противоположную*, предварительно объяснив, что имеется в виду не качественная характеристика оппонентов, а место их расположения относительно защиты.

Это очень показательный случай навязывания стороне в процессе своих собственных представлений о допустимой к употреблению лексике. До сего дня кому-то кажущееся устаревшим или неблагозвучным выражение *противная сторона*, безусловно, считается синонимом прилагательного *противоположный*, и именно это значение указано первым в авторитетнейшем «Словаре русского языка» С. Ожегова. В настоящее время в договорных отношениях противная сторона *(counterparty — англ.)* воспринимается как одна из сторон договора, противостоящая той, чьи интересы отстаиваются. Прилагательное *противный* действительно более распространено в гражданском праве, и это не вызывает у цивилистов никакого неприятия. Можно указать на положения действующего Гражданского кодекса РФ о сделках, совершаемых с целью, заведомо **противной** основам правопорядка или нравственности; массе законодательных актов и судебных решений, в которых говорится о **противном** случае; международно-правовых документах, упоминающих доказывание **противного**.

Ничего крамольного и уничижительного нет на самом деле и в сочетании **противная сторона**, которое еще относительно недавно применялось отечественным законодателем в законе «О Конституционном суде РСФСР» («Сторона вправе… задавать вопросы противной стороне»), ранее — в УПК 1922 г. («Ходатайства разрешаются судом… причем предварительно должны быть заслушаны заключения противной стороны»), а сейчас иногда встречается в арбитражных решениях. Используют его в различных вариациях и составители действующих конвенций, распространяющихся на Российскую Федерацию.

Сам я этим словосочетанием пользовался неоднократно,

порой автоматически, и, что интересно, никогда у имеющихся таким образом в виду прокуроров это не вызывало возражений. Однако порой усматривали некую крамольную двусмысленность в рассматриваемом выражении представители судейского сообщества.

Забавный пример привел в своей книге мемуаров адвокат Г. Падва, рассказывая о событиях середины прошлого века. Его коллега, выступая в суде, несколько раз произнес общепринятое тогда обозначение *противная сторона*. Неожиданно судья прервал его словами: «Что вы такое говорите: “Противная сторона, противная сторона”, — для суда обе стороны одинаково противные».

2. Необходимая оборона

Безусловно, далеко не всегда удается примирить разные взгляды на стилистические и терминологические изыскания. Порой доходит до откровенной перепалки и ругани с последующими жалобами на защитников в адвокатские палаты.

В подавляющем большинстве случаев некорректное поведение адвоката — это **реакция на действия прокурора или судьи.** В монографии «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве» ее автор Ю. Гармаев откровенно пишет: «Одной из самых важных детерминант незаконной деятельности профессиональных защитников были и остаются противоправные и аморальные действия недобросовестных работников правоохранительных органов и судей. Часто допускаемые адвокатами правонарушения являются ответной реакцией на злоупотребления должностных лиц».

Напомним, что в положениях Кодекса профессиональной этики адвоката идет речь о **недопустимости умаления чьей-либо чести и достоинства**. А как быть, если такие качества у представителя другой стороны вообще отсутствуют?

Сошлюсь на данные, приведенные на сайте Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС). В одном случае о неэтичном поведении судьи городского суда говорилось, что та грубо разговаривала с заявительницей («Пошла вон!», «Закрой дверь!»), в беседе с другими людьми судья говорила о ней: «Это быдло надо поставить на место».

Представляется, что здесь правомерно говорить о **допустимости контрдействий**, обусловленных **крайней необходимостью,** по аналогии с правовым институтом, знакомым как уголовному, так и административному праву. Его присутствие мы наблюдаем и в ч. 4 ст. 6 Кодекса

профессиональной этики адвоката, где оговаривается возможность разглашения сведений, составляющих адвокатскую тайну. Применительно к другим коллизиям следует заметить, что в дисциплинарной практике Совета АП Москвы рассматривался ряд случаев, когда была установлена правомерность покидания адвокатами места производства процессуальных действий в знак протеста против поведения соответствующих должностных лиц.

В качестве весьма наглядного примера разных подходов к оценке поведения адвокатов полезно напомнить конфликт, в итоге разрешенный Европейским судом по правам человека. Адвокат И. Кабанов в интересах своего подзащитного направил в судебные органы жалобу, где, в частности, им использовались следующие выражения: «…Судьи А. и В. привыкли “совместно окучивать ниву правосудия”», «…[Судья А.] мог бы отклеить свою заднюю часть от кресла и доставить ее в помещение Приморского районного суда» — и ряд других. Председатель Архангельского областного суда пожаловался в Совет АП Архангельской области, ссылаясь на то, что допущенные высказывания являются оскорбительными и не совместимыми с Кодексом профессиональной этики адвоката. По этой причине Кабанов был лишен профессионального статуса.

В результате тщательного исследования обстоятельств дела ЕСПЧ 3 февраля 2011 г. принял решение «Кабанов против Российской Федерации». Приводим выдержки из этого решения:

— доверие, которое суды в демократическом обществе должны внушать обвиняемым, когда речь идет об уголовном разбирательстве, и общественности в целом, находится в зависимости от защиты авторитета правосудия;

— особый статус адвокатов обеспечивает им центральное место при отправлении правосудия как посредникам между обществом и судами;

— хотя комментарии являлись грубыми, они касались способа, которым судьи рассматривали дело, в частности, отстранения адвоката от исполнения обязанностей защитника Р. в ходе разбирательства уголовного дела и отказа судей принять меры по его надзорной жалобе;

— наказание было несоразмерно суровым для заявителя и могло оказать сдерживающий эффект на осуществление адвокатами своих обязанностей в качестве защитников;

— нарушение прав заявителя… вызвали у него страдания и разочарования вследствие отсутствия беспристрастности суда и нарушения его права на свободу выражения мнения;

— национальные власти не достигли справедливого равновесия между необходимостью обеспечения авторитета

правосудия и необходимостью защиты права заявителя на свободу выражения мнения.

Насколько нам известно, поскольку ЕСПЧ признал факт нарушения прав заявителя, И. Кабанов был восстановлен в статусе адвоката.

3. Удары ниже пояса

В целом следует заметить, что адвокатским сообществом выработан подход, заключающийся в том, что несоблюдение деловой манеры общения с использованием жаргонных и ругательных выражений допустимо в исключительных случаях и лишь при дословном цитировании доказательств по делу. Впрочем, и с дословным воспроизводством сказанного возникают иногда определенные сложности.

Большой мастер изящной правовой словесности, известный московский адвокат Б. Кузнецов однажды столкнулся с тем, что его доверитель, журналист А. Черкизов, сочтя своего собеседника гр-на Л-ча излишне назойливым, послал того в числе группы иных присутствовавших лиц по хорошо известному в России трехбуквенному адресу. Как затем выяснилось, оскорбленный гражданин был дока по части разного рода обращений в суд, и мимо этого знаменательного повода он, естественно, пройти не мог. Так появилось дело о компенсации морального вреда, где адвокат для отстаивания интересов клиента избрал метод физиолого-морфологического разбора выражения, употребленного журналистом. Ниже на основе книги Б. Кузнецова «Записки адвоката-камикадзе» приводятся некоторые выдержки из родившегося на свет процессуального документа, оглашенного в суде в качестве возражения на иск.

«Защита не исключает, что направление движения по указанному ответчику направлению в группе лиц могло не причинить истцу моральный вред или он может быть существенно снижен, так как речь идет о затрагивании не индивидуальных, а групповых интересов, кроме того, опыт хождения в указанном направлении у российских граждан достаточно велик еще с советских времен и не вызывает негативной реакции вследствие естественной психологической адаптации к этому направлению движения, которое сначала указывалось ЦК КПСС и Советским Правительством, а в постсоветское время другими должностными лицами, в том числе занимающими высшие посты в органах исполнительной и законодательной власти.

…Л-ч известен в Москве многочисленными жалобами и

исковыми заявлениями, которые он подает в суды и правоохранительные органы по различным поводам и без них. Ему неоднократно отказывали в исках, не удовлетворяли его жалобы, тем самым судьи, следователи и прокуроры неоднократно на протяжении значительного промежутка времени посылали Л-ча в официальных документах в том же направлении, куда его послал А. Черкизов, правда, без упоминания названия, указанного в п. 1 настоящих возражений. Я не сомневаюсь, что между собой, а также про себя те же должностные лица посылали Л-ча с упоминанием названия мужского полового члена, указанного в п. 1 настоящих возражений…

Вывод: по мнению защиты, судебным решением Л-ч должен быть еще раз послан в том же направлении в явной форме без ссылки на конкретный адрес и без употребления слова, указанного в п. 1 настоящих возражений».

Несмотря на очевидную нестандартность предмета спора и попытки адвоката Б. Кузнецова изложить свои доводы в максимально понятном и в меру эпатажном формате, на свет родилось обращение судьи в АП г. Москвы, которое было нейтрализовано президентом палаты Г. Резником, убедившим обратившегося в праве адвоката на интеллектуальную издевку над оппонентом и принесшим извинения за «неэтичное поведение собрата по профессии».

Каюсь, пишущий эти строки также не всегда соблюдал должный этикет и в пылу горячности либо на суде, либо сразу после заседаний в интервью прессе позволял себе выпустить пар и «заклеймить позором и нехорошими словами» представителей противной (теперь уже в содержательном смысле) стороны. Моральной индульгенцией для этого служили слова П. Сергеича, сказанные в его популярной до нынешних дней книге «Искусство речи на суде». «Резкое выражение никогда не будет поставлено в вину искреннему оратору, — писал опытный мастер, хотя и с оговоркой, — но резкость не должна переходить в грубость».

Так, к примеру, когда со всей очевидностью выявленная на суде беспардонная фальсификация документа, приписанного доверителю, была разоблачена и предана гласности, но, несмотря на это, прокурор снова использовал фиктивное доказательство в прениях сторон, нашей реакцией стало сочтенное в такой ситуации уместным упоминание в адрес гособвинителя известного сравнения «…что-то там про божью росу». В другом процессе, после того как представитель генпрокуратуры устроил очередное форменное издевательство над приглашенными защитой специалистами и свидетелями из числа иностранных граждан, автор этих строк в обращении к суду по поводу

происходящего счел возможным помимо прочего сообщить, что один из наших зарубежных гостей, присутствовавших в зале суда, назвал прокурора «факером» (одна из самых мягких вариаций перевода с английского — «негодяй»), и на наш взгляд — взгляд человека, не искушенного в тонкостях английского языка, это, вероятно, довольно точная характеристика данного государственного обвинителя.

4. Оценивая противника

> *С давних пор, любезный и благодушный читатель, среди прочих имеется пословица: когда слышат постыдные или поносные слова, то говорят: «Заткнись ты, болван».*
>
> ***Й. Викрам, городской писец в Бургхейме, XVI век***

В современных условиях, когда в судах царствует обвинительный уклон, а из адвокатов пытаются сделать декоративное украшение к инквизиционному судопроизводству**, сложно предписывать защитникам суперкорректное поведение в ответ на издевательство над законом и здравым смыслом**.

Именно по этой причине все чаще встречаются экстравагантные способы доведения до судебных инстанций своего мнения, поскольку традиционная форма изложения желаемых (а главное — законных) результатов не приносит. Так, один из московских адвокатов некоторое время назад изложил свою позицию по делу в стихотворной форме и потом признавался, что это был едва ли не единственный случай в практике, когда члены судебной коллегии его внимательно выслушали.

В январе 2008 г. Московский городской суд отменил обвинительный приговор районного суда по жалобе адвоката О-ш, но при этом в адрес АП г. Москвы еще ранее поступило частное определение с требованием наказать ее за неуважение к суду. Как оказалось, в первоначальном варианте кассационной жалобы О-ш в числе прочего широко использовала нелитературные выражения, в вульгарной форме обозначающие продукты человеческой жизнедеятельности («не излучать дерьма больше, чем есть внутри»), а также совокупный комплекс ягодичных мышц («секретарь Г., крутившая ж…ой перед всеми

подсудимыми»). Адвокатесса объяснила свои действия эмоциональным стрессом и шоком, вызванным неправовым разрешением уголовного дела, а также наследственной артистичностью, передавшейся ей от родителей. Несмотря на это, Совет АП г. Москвы привлек О-ш к дисциплинарной ответственности.

В то же время мы полагаем, что при наличии оснований **защита вправе оперировать достаточно жесткими выражениями в составляемых процессуальных документах.** Так, только в одном заявлении об отводе судьи Хамовнического суда В. Данилкина, рассматривавшего дело по обвинению М. Ходорковского (*) и П. Лебедева, оглашенном на процессе в июле 2010 г., были использованы такие определения, как «цинично-абсурдное, безмотивное и систематическое отторжение всего доказательственного материала, собранного адвокатами», «издевательский по отношению к закону и нашим подзащитным характер действий председательствующего». Говорилось также, что судья «руководствуется какими-то иными порядками и нормами — например, времен инквизиции и средневекового варварства либо времен сталинских репрессий, участие в которых покрыло несмываемым позором многих судей и прокуроров». Констатировалось, что «гремучая смесь революционной ненависти и карьеризма предопределяет по настоящему делу позицию стороны обвинения, а вслед за ней — и суда».

Насколько обоснованны были такие выражения, судить в первую очередь тому, кто присутствовал на процессах над М. Ходорковским(*) и П. Лебедевым и наблюдал за тем, что иначе как судебную вакханалию сложно охарактеризовать. Кстати, никаких претензий по поводу формулировок, содержащихся в вышеприведенном заявлении об отводе, подписанном всеми участвовавшими в деле защитниками, не поступало.

По нашему глубокому убеждению, следует различать институциональное уважительное отношение к судебной власти и уважение к конкретному судье, которое **следует рассматривать как опровержимую презумпцию.**

Совсем недавно, в марте этого года, квалификационная комиссия АП г. Москвы в своем заключении, вынесенном в ответ на обращение судьи Тимирязевского суда г. Москвы, изложила позицию, где было определено: «Практика адвокатской деятельности свидетельствует о том, что заявление отвода судьям, как правило, является последним доступным процессуальным механизмом защиты прав и законных интересов доверителей в судебном разбирательстве. Использование такого механизма означает утрату доверия к субъекту, принимающему

самые значимые для подсудимого процессуальные решения в уголовном судопроизводстве». Надо ли говорить, что с утратой доверия у защитника теряется и имманентная уважительность к конкретному судье (судьям).

При этом в зависимости от степени несоблюдения судьей регламентированного законом порядка отправления правосудия и конкретной ситуации оценка его поведения может быть изложена не только в отводе, но еще и в возражениях на действия председательствующего, заявлении, ходатайстве. В этих случаях для таких процессуальных документов **вполне допустим «повышенный градус накала»** при изложении доводов, обосновывающих порочность поступков и решений суда. И измерять этот градус в каждом определенном случае предстоит в прогностическом плане — экспериментатору-защитнику, в применении к самому себе — участнику разбирательства, почувствовавшему себя уязвленным, в конечном счете — представителям адвокатского сообщества, уполномоченным на ведение дисциплинарного производства.

5. Что в итоге?

Менее всего хотелось бы, чтобы обозначение проблем, к которым мы пытаемся привлечь внимание коллег по корпорации, было воспринято как призыв к бездумному употреблению неисчерпаемых богатств русского языка в качестве орудий в боях с нашими процессуальными противниками. И без того жаргонизмов, выражений с бранной стилистической окраской и заимствований из иностранного лексикона в судебных речах и документах сейчас предостаточно.

В таких условиях, дабы снизить потенциальные риски без ущерба для выполнения профессиональных обязанностей, крайне важно **выработать критерии допустимости тех или иных форм внутрисудебного общения.**

Опубликовано в «Новой адвокатской газете» в 2012 году

О соблюдении КПЭА вне рамок адвокатской деятельности Нужно ли нам инквизиторское око дисциплинарной власти?

Под маркой адвокатской этики сегодня создаются, как правило, совершенно абстрактные образы идеального адвоката… Претворять подобные идеалы в жизнь можно только силой, и даже если это претворение будет успешным, его результаты будут скорее вредоносными.

Из монографии «Теория адвокатуры». М.: Грантъ, 2002

I. Экспансия Кодекса за рамки профессии

Живший еще до нашей эры китайский мыслитель и успешный реформатор Шан Ян адресовал потомкам завет: «Если выгода не будет десятикратной, законов не меняют». В очередной раз это высказывание вспомнилось после прошлогоднего внесения изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката (далее — КПЭА), распространивших дисциплинарную ответственность на поведение адвокатов за пределами их профессиональной деятельности. Думаю, что инициаторы такой новеллы до сих пор реально не представляют себе, какой «ящик Пандоры» они распахнули.

Напомню, что в новой редакции п. 5 ст. 9 КПЭА звучит так: «В любой ситуации, в том числе **вне профессиональной деятельности** (выделено нами. — *К.Р.*), адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

До VIII Всероссийского съезда адвокатов, состоявшегося 20 апреля 2017 г., обращения в органы адвокатского самоуправления в части действий адвокатов за рамками их непосредственной

работы относились к разряду ненадлежащих поводов для возбуждения дисциплинарного производства, и поэтому заявителю из адвокатской палаты поступал отказ в реагировании. Уже возбужденные дисциплинарные дела прекращались, если обжалуемые поступки не имели отношения к профессиональной деятельности адвоката и такое обстоятельство выявлялось в ходе разбирательства.

Одним из эпизодов дисциплинарного процесса, инициированного территориальным Управлением юстиции г. Москвы, явился случай, когда некий адвокат был приглашен на телевидение под предлогом дать интервью о некоторых аспектах действующего законодательства. Началась съемка, и наш коллега уже после первого заданного ему вопроса понял, что интервьюера интересуют вовсе не правовые проблемы, а обстоятельства развода адвоката с женой — довольно известной медийной особой. Возмущенный таким обманом, адвокат покинул студию, перед этим доходчиво и не слишком стесняясь в выражениях объяснив журналисту, что он о нем думает и по какому широко известному в нашей стране адресу тому следует незамедлительно отправиться. Производство по обращению органа юстиции было прекращено, поскольку квалифкомиссия, а затем и совет палаты пришли к выводу, что описанное поведение адвоката не подпадает под действие КПЭА. Однако в наши дни дисциплинарным органам пришлось бы разбираться с данным случаем, как и с иным эпизодом, касавшимся нелицеприятной оценки тем же адвокатом своей жены в ответ на вопрос, заданный одним из представителей СМИ, когда наш коллега выходил из здания Мосгорсуда.

Насколько нам известно, до некоторого времени в адвокатском сообществе существовало устойчивое неприятие идеи распространения дисциплинарной ответственности за рамками профессиональной деятельности адвокатов, поскольку было вполне очевидно, что в противном случае квалифкомиссии и советы палат погрязнут в разгребании «грязного белья». К сожалению, победила иная точка зрения, и плоды стремления создать образ «адвоката будущего», безупречного в морально-нравственном отношении, мы теперь будем пожинать, как говорится, по полной программе.

Нетрудно предположить, что вскоре, прознав про новые возможности воздействия на лиц, с которыми у них имеются конфликты, в адвокатские палаты со своими претензиями побегут обиженные жены, брошенные любовницы, недовольные кредиторы и обруганные соседи. Какую-то часть жалобщиков составят очевидцы неблаговидного поведения нарушителя

морального кодекса строителя комм… простите, идеального адвокатского сообщества, наблюдавшие адвоката «выпившим», ходившим в неположенном месте по газонам, не надевшим во время прогулки намордник на свою собаку, паркующим автомобиль под запрещающим знаком, несвоевременно оплачивающим коммунальные услуги и тем более приводившим к себе в гости девушек, обладающих «пониженной социальной ответственностью».

II. О чем говорит история

Возможно, читателю сказанное покажется плодом буйной фантазии автора. Отнюдь. Те, кто ратовал за состоявшееся уже расширение ответственности адвоката, в качестве одного из весомых доводов ссылались на практику наших предшественников — присяжных поверенных[6]. Литературные источники действительно свидетельствуют о том, что дореволюционным советам присяжных приходилось обстоятельно разбираться со случаями внутрисемейных конфликтов, азартных игр на деньги, невыполнения обязательств по заключенным сделкам, уклонения от выплат на содержание детей, бранной ругани в общественных местах, драки присяжных поверенных в клубе и даже дуэли между членами сословия. К примеру, адвокат был наказан за допущенную им неосмотрительность в связях: «Совет подверг дисциплинарному взысканию помощника присяжного поверенного, отправившегося с неизвестными ему людьми в неизвестную квартиру для игры в карты, где и был обыгран, признав, что, совершив это, помощник выказал непростительное легкомыслие и неразборчивость при выборе своих знакомств, что и имело следствием крайне печальные для него последствия; Совет не может одобрить такого безразличного отношения к выбору места и повода для знакомств».

В одном из решений дисциплинарный орган, провозгласивший по общему правилу невозможность «вторжения в семейную область», все же допустил, что в некоторых случаях даже интимная супружеская жизнь, подвергшаяся огласке, может стать предметом внутрикорпоративного надзора.

В то же время уже тогда отношение к вопросу о пределах действия дисциплинарной ответственности было неоднозначным. Известный исследователь истории адвокатуры Е. Васьковский спорил с другим теоретиком, присяжным поверенным К. Арсеньевым, полагавшим, что «адвокаты должны быть привлекаемы к дисциплинарной ответственности за “нечестные”» действия, влекущие за собой «потерю права на доверие со

стороны общества». Е. Васьковский же считал, что «с этим выводом вряд ли можно согласиться. Он равносилен следующему положению: никакие, даже самые интимные, отношения адвоката не изъяты из ведения дисциплинарной власти. Поссорится и разойдется адвокат с женой — сословный Совет может войти в обсуждение честности его образа действий; возникнут у адвоката недоразумения с приятелем — Совет вправе потребовать от него учета в поведении. Словом, над адвокатами будет тяготеть иго ничем не ограниченной, невыносимой опеки, и за каждым их шагом станет следить инквизиторское око “дисциплинарной власти”.

В свою очередь, в посвященной этическим проблемам работе «Вечные вопросы адвокатуры» (1886) присяжный поверенный Даниил Невядомский предостерегал: «…Мы далеки от того, чтобы идеализировать нашу присяжную адвокатуру; как и все человеческое, она не может быть идеальной. Адвокат также дитя земли и также сын века; в этом качестве своем он силою вещей должен носить в себе зачатки общих всем недугов». Он же ставил перед читателями весьма жесткие риторические вопросы: «К чему фарисейство? Разве не знаем мы многих первоклассных адвокатов, нравственность которых была далеко не безупречна?» Без сомнения, автор приведенных высказываний хорошо сознавал, что говорил о своих коллегах. Стоит только упомянуть, что современники едва ли не самого знаменитого российского адвоката Ф. Плевако рассказывали не только о его победах в судах, но и том, что он регулярно «устраивал гомерические попойки на зафрахтованных пароходах».

А однажды спустил с лестницы своего дома купца, пришедшего пригласить мэтра заняться его делом. Известным фактом является длительное сожительство Ф. Плевако с замужней женщиной, родившей затем несколько незаконнорожденных детей, с которой он познакомился, оказывая ей правовую помощь. Даже страшно подумать, какого числа присяжных поверенных, кем мы сейчас так гордимся, можно было бы не досчитаться, если бы их внеслужебное поведение было сочтено морально ущербным, наносящим вред авторитету адвокатуры и подлежащим возмездию со стороны «дисциплинарной власти».

Любопытно, что один из авторов, уже в эти дни специально исследовавший вопросы ответственности наших предшественников и выделивший в отдельную категорию «дисциплинарные правонарушения в отношении положительного образа (имиджа) присяжной адвокатуры», особо отметил, что семейные прегрешения, а также азартные игры, как и ряд иных

подобных деяний, наказывались лишь в случаях их общественной огласки[7]. По сути, действовало правило: не пойман (публично) — не вор. Трудно признать, что такой подход является безупречным, особенно в морально-нравственном плане, в связи с чем невольно вспоминается предписание из популярного произведения Леонида Филатова: «Действуй строго по закону, то бишь действуй… втихаря».

III. Неочевидная очевидность

Возвращаясь в век XXI, важно заметить, что инициаторы внесения коррективов в КПЭА аспект публичности в провинностях адвоката предлагают оценивать несколько по-иному — с оговоркой, «что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения». Правда, кому сие должно быть очевидно — получающей тумаки супруге, слышащей из-за стены ее крики соседке, вызванному наряду полиции или пишущему представление вице-президенту, — не вполне понятно, и к этому мы еще вернемся.

Позволительно предположить, что не только нам далеко не все понятно в части применения анализируемых новшеств, поскольку вскоре после дополнений в КПЭА в Комиссию ФПА РФ по этике и стандартам поступили запросы адвокатских палат Смоленской и Московской областей, касающиеся поведения адвокатов, умаляющего авторитет адвокатуры и выходящего за рамки непосредственного оказания юридической помощи доверителю. В итоге родилось Разъяснение от 16 февраля 2018 г. № 02/18, утвержденное Решением Совета ФПА РФ от 16 февраля 2018 г., на котором необходимо остановиться подробнее.

Вероятно, полагая, что многократное провозглашение одного и того же утверждения обращает его в непреложную истину, Комиссия дважды повторила оговорку, уже и без того сейчас содержащуюся в п. 5 ст. 9 КПЭА, о необходимости для квалификации деяния как проступка и возложения дисциплинарной ответственности наличия **условия, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения**. А чтобы ни у кого не возникло в дальнейшем сомнений в простоте использования на практике нового подхода, в Разъяснение включено заклинание следующего содержания: «Приведенное регулирование не содержит какой-либо неопределенности, исключающей правильное и единообразное применение указанных норм…»

Можно только порадоваться за тех, кто демонстрирует подобную убежденность, однако наши предшественники не были

столь самоуверенны, и их сомнения и колебания дошли до нас в порой весьма противоречивых решениях Московского и Санкт-Петербургского советов присяжных поверенных, собранных и систематизированных в числе прочих А. Марковым в его работе «Правила адвокатской профессии в России» (1913). К примеру, питерские коллеги своим общим собранием, состоявшимся 1 марта 1909 г., «единогласным постановлением признали несовместимым азартную игру с званием присяжного поверенного и большинством голосов постановили, что за азартную игру в клубах и общественных местах Совет имеет право подвергать членов сословия ответственности в дисциплинарном порядке вплоть до исключения их из сословия». Куда более снисходительным был Московский совет, указавший, что он «…не находит возможным предписывать присяжным поверенным совершенное воздержание от игры;

столь же невозможным находит Совет и классифицировать игры на азартные и неазартные и указывать, какие игры для присяжных поверенных допустимы и какие нет. Не говоря уже о том, что такая нормировка заставила бы ведаться с целой массой не поддающихся исследованию индивидуальных условий, так как то, что рискованно при одних условиях для одного, может быть нерискованным для другого или при других условиях, — указанная нормировка явилась бы таким видом опеки, который совершенно несовместим с достоинством полноправного сознательно действующего человека». Такой осторожный подход в Москве отстаивался последовательно, и в ином решении по аналогичному поводу мы читаем: «Совет уже неоднократно высказывался о нежелательности для сословия азартной игры вообще; но, высказывая свой принципиальный взгляд по этому поводу, Совет, однако, не находит возможным с дисциплинарным кодексом вторгаться в сферу частной жизни товарища и как бы создавать опеку; иное дело, когда речь идет не о самом факте игры, а о тех действиях, которые, проистекая из игры, роняют, как в данном случае, честь и достоинство звания, — тогда надзирающая власть Совета должна вмешаться, должна высказать слово осуждения».

О какой ясности и едином подходе можно было бы говорить, когда проблемы, вставшие в рассматриваемой сфере перед адвокатским сословием, получали разрешение далеко не сразу и зачастую лишь на уровне Правительствующего сената?

IV. Кино, да и только

В многообразии и жестокости

этических запретов проявляются крайняя моральная неразборчивость и ханжество.

Гилберт Кит Честертон, английский христианский мыслитель

У автора этих строк, имеющего десятилетний опыт работы в дисциплинарных органах адвокатского самоуправления, все же остаются сомнения в однозначно продекларированной «определенности». Чтобы продемонстрировать их сущность, призовем на помощь героя известного фильма «Афоня», купавшегося во время своего отдыха, согласно озвученному в комедии милицейскому протоколу, в нетрезвом виде в фонтане городского сквера. В целях нашего небольшого эксперимента позволим себе допущение, что Афоня имел статус адвоката.

В самом простом случае, который, вероятно, имели в виду авторы Разъяснений, Афоня нырял в фонтан с адвокатским значком на лацкане пиджака и оглашал окрестности громкими криками: «Я адвокат!» Здесь вопросов не возникает, поскольку принадлежность пловца к адвокатскому сообществу очевидна (значок), плюс это следует из его поведения (признательные возгласы).

Усложним задачу. Афоня плещется в фонтане молча, размахивая красной «корочкой» — своим адвокатским удостоверением. При этом гражданам, находящимся по одну сторону фонтана, удается прочитать, что там написано, а сидящим по другую сторону — нет. Как здесь быть с очевидностью принадлежности?

Кстати, а что делать квалификационной комиссии, если в палату поступит (как в фильме — в ЖЭК) обращение из правоохранительного органа, сотрудники которого после доставления к ним мокрого и в беспомощном состоянии Афони обнаружили у него в кармане удостоверение, подтверждающее причастность к адвокатуре? Наверное, пытаться установить, кто в данное время гулял у фонтана и точно знает, что там занимался водными процедурами именно адвокат? Или уяснения этого факта полицией уже достаточно?

Мы умышленно ранее упомянули фигуру вице-президента адвокатской палаты, правомочного инициировать дисциплинарные производства, поскольку иные перечисленные в п. 1 ст. 20 КПЭА лица вряд ли столкнутся с не устраивающим их поведением адвоката за пределами его профессии, хотя

полностью исключить такое нельзя. Поэтому снова встает вопрос о том, чье именно обращение должно в нужной степени побуждать вице-президента к действиям — обиженной жены, общественности из жилкооператива, председателя садового товарищества либо участкового инспектора? А как быть, если жена жаловаться на притеснения не хочет, а в палату пишет всезнающая теща?

Не менее важно и понимание количественных и сущностных критериев репутационной угрозы нашей корпорации, каковыми следует руководствоваться. К примеру, какого количества скандалов с соседом по даче и по какому поводу достаточно, чтобы возбуждать дисциплинарное производство?

Тут же следует задуматься, как быть в подобных коллизиях с таким оценочным критерием, как ущерб авторитету адвокатуры или подрыв доверия к ней? Не так давно в одном из блогов в Интернете применительно к ситуации, когда некое лицо оскорбительно высказалось в адрес адвоката — пожилой женщины, было предложено к голосованию несколько формализованных вариантов реакции на такой поступок, в большинстве своем вполне легитимных. С существенным отрывом среди тех, на кого в полной мере распространяется предусмотренная КПЭА позитивная ответственность, победило предложение «набить морду», причем в число за него проголосовавших вошли и адвокаты, довольно известные и уважаемые в нашем сообществе.

Невольно хочется спросить: если в публичном месте некто грубо обидит спутницу адвоката, то что будет более способствовать повышению авторитета адвокатуры — мгновенный хук справа или подача в суд искового заявления о защите чести и достоинства?

Думается, что репутационные риски нужно искать совсем в другом направлении, дабы не давать поводов адвокатской прессе констатировать сколь очевидные, столь и печальные вещи: «Не добавляют авторитета корпорации и сотрясающие ее последние годы скандалы, связанные с прекращением статуса адвоката за критику корпоративной либо судебной власти, а равно и за высказывания альтернативного подхода к профессии»…[8]

V. Есть ли гарантии от злоупотреблений?

Еще несколько соображений, вызванных сообщениями в электронных СМИ о том, что недавно в Ямало-Ненецком автономном округе за уклонение от алиментных обязательств адвокат в судебном порядке был наказан 40 часами обязательных

работ. По смыслу новой редакции КПЭА, он может быть также привлечен к дисциплинарной ответственности как бросивший тень своим неблаговидным поведением на все адвокатское сообщество. А как поступать, если адвокат не афишировал возникшие внутрисемейные проблемы, но случай предан огласке и активно обсуждался в соцсетях исключительно благодаря тому, что о нем прознало и сообщило в публикации правовое интернет-издание *Legal Report*? Здесь неминуемо встает вопрос о недопустимости объективного вменения как элемента субъективной стороны подобных деликтов: откуда грешащему коллеге знать, есть ли в данный момент среди окружающих те, кто осведомлен о его принадлежности к адвокатуре, и напишут ли об этом на следующий день газеты?

Уже упомянутый Е. Васьковский делал оговорку: «Но если кто-либо путем публичного скандала сам разоблачит свою частную жизнь и тем подвергнет ее обсуждению общественного мнения, тогда положение дела изменяется. Тогда возникает вопрос: не пятнает ли образ действий этого лица достоинства и чести того сословия или той корпорации, которой оно принадлежит?» А как быть, если скандал инициирует и раздувает пресса, что сейчас нередко бывает?

Боюсь, что дисциплинарной оценке приведенных примеров не сильно поможет ссылка на отсутствие неопределенности, а если при этом учесть, что реальная жизнь столь неожиданна и многогранна…

Предвижу возражения на свою критику расширения ответственности адвокатов, состоящие в том, что и иным группам лиц, объединенных по профессиональному признаку (например, врачам, сотрудникам аппаратов судов), предписано и вне рабочего времени вести себя надлежащим образом[9]. Но дело в том, что такого рода предписания сконструированы всего лишь как единичные нормы-принципы, по сути представляющие собою декларативные пожелания, и не более того.

Совсем другое дело — адвокатская корпорация, вооруженная как кодифицированным нормативным инструментарием, так и организационной структурой дисциплинарного разбирательства и санкционного воздействия со всеми ее достоинствами и недостатками, включая региональную специфику палат и личностную — их руководителей. Неслучайно по итогам обстоятельной работы по изучению отечественной адвокатской деятельности Международная комиссия юристов в отчете за 2015 г. под названием «Становление сильной адвокатуры в Российской Федерации» отметила: «…Меры дисциплинарной ответственности не применяются достаточно строго и

последовательно, что может привести к непоследовательному и производному толкованию того, какое поведение составляет дисциплинарный проступок». Здесь же содержится и следующее предписание: «Необходимо строго соблюдать гарантии защиты от злоупотребления дисциплинарным производством в отношении тех адвокатов, которые действуют в соответствии с профессиональной этикой».

Приведенные тезисы выступают в качестве еще одного довода в пользу того, что в обстановке, когда отдельные решения органов адвокатского самоуправления об избавлении от членов корпорации вызывают серьезные сомнения в их обоснованности, **расширять сферу применения дисциплинарного преследования по меньшей мере преждевременно**.

VI. Поможет ли нам заграница?

Другим контрдоводом наших оппонентов, скорее всего, станет ссылка на международную практику, допускающую в ряде стран расширение пределов действия этических норм, что становится темой для обсуждения юридического сообщества, особенно относительно поиска разумного баланса между приватностью частной жизни и правоограничениями[10]. К примеру, Кодекс поведения итальянских адвокатов предусматривает, что его правила подлежат применению к поведению в частной жизни адвокатов, если они ставят под сомнение свою репутацию или пятнают профессию адвоката. Кодекс казахских адвокатов гласит, что поведение адвоката должно отвечать требованиям закона и принципам нравственности как при оказании юридической помощи, так и в быту и личной жизни.

Однако мы не найдем таких же четких положений, если внимательно рассмотреть Генеральные принципы этики адвокатов, одобренные правлением Международной ассоциации юристов; Хартию основополагающих принципов адвокатской деятельности, принятую на VI Петербургском международном юридическом форуме; Кодекс поведения шведских адвокатов; Правила надлежащего профессионального поведения для адвокатов Финляндии и целый ряд иных документов подобного свойства. Существует также «Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества», принятый Советом Коллегии адвокатов и юридических обществ Европейского сообщества 28 октября 1988 г. во Франции (Страсбург), на который призваны ориентироваться разработчики этических установок в государствах, входящих в ЕС. В нем также нет аналогичных

императивных предписаний. Судя по нормативно закрепленным результатам внедрения целеполаганий «Общего кодекса», здесь можно говорить о весьма существенной дискреции, когда в одних случаях, подобно вышеприведенным, кодексы прямо допускают их возможное применение к бытовой жизни, а в иных ситуациях таких указаний не содержится либо они весьма ограниченны. К примеру, в Кодексе поведения адвокатов Дании специально оговорено, что возможная экспансия дисциплинарной ответственности допустима только применительно к вопросам финансового характера или бизнеса.

Но что представляется весьма важным, в «Общий кодекс» включено предостережение следующего свойства: «Считается невозможным и нежелательным как применение данных правил вне их общего контекста, так и их применение в отношении какого-либо другого комплекса правил, заведомо с ними не согласующегося». Хочется заметить, что процитированное созвучно мнению представителя школы французской адвокатуры Андре Дюпена, еще в позапрошлом веке писавшего: «Человек должен выполнять в обществе различного рода обязанности: семейные, сыновние, отцовские, супружеские и специальные, основывающиеся на принадлежности какой-нибудь профессии. Каждая из этих обязанностей имеет свою санкцию, а также свой особенный трибунал. То, что относится к семье, подлежит только домашней юрисдикции; политическая честь подведома суду общественного мнения; уголовные законы преследуют преступления; каждая корпорация может иметь свою дисциплину и своих особых судей. Смешивать эти различные обязанности значило бы производить смуту в обществе». Сказанное представляется актуальным и для современных реалий, включая предостережение о смуте.

Опасения состоят еще и в том, что, как уже не раз показывала отечественная юридическая практика, позаимствованные на Западе правовые институты при попытках внедрения их в отечественную действительность либо не работают, либо обращаются в свою противоположность. Наглядный пример — введение с 2002 г. судебного контроля за заключением обвиняемых под стражу вместо ведомственного прокурорского. Но вот к какому выводу вскоре пришел Уполномоченный по правам человека в РФ в своем ежегодном отчете за 2003 г.: «… Правоприменительная практика стала характеризоваться неуклонным ростом числа лиц, заключенных под стражу, теперь уже по решению суда… Складывается впечатление, что изменение процедуры заключения под стражу не только не усилило процессуальных гарантий защиты прав личности, но,

напротив, сделало лишение обвиняемого свободы правилом». А включенное в закон предписание обязательного санкционирования судом обысков у адвокатов уже получило у наблюдателей оценку как формальность, требующая лишь небольших дополнительных временных затрат у их инициаторов[11].

Поэтому, как представляется, к иноземным заимствованиям, в том числе и в сфере адвокатской деятельности, следует относиться очень осторожно.

VII. Избирательное морализаторство

Возвращаясь к анализируемой тематике, несложно спрогнозировать, что по итогам планируемой реформы адвокатура существенно вырастет в количественном отношении, в нее вольется значительное число юристов, не знакомых с традициями и правилами нашей работы, а поэтому существенно увеличится нагрузка на дисциплинарные структуры адвокатских палат. Соответственно, за бытовые и публичные прегрешения будет наказываться мизерное число нарушителей моральных устоев, естественно, по избирательному принципу, хотя бы потому, что заявители-доверители, суды и управления юстиции завалят квалифкомиссии другими делами. Стоит ли овчинка выделки?

Конечно, нельзя исключить, что в составе наших дисциплинарных органов найдутся любители покопаться в личной жизни коллег. Очень хочется верить, что таких будет немного. Но в любом случае следует быть готовыми к тому, что члены квалификационных комиссий и советов палат станут участниками сцен, подобных показанной в фильме Э. Рязанова «Гараж», когда собрание кооператива проголосовало за проведение личного обыска одной из несогласных. Может, полезно вспомнить прозвучавшие в тот момент слова авторитетного профессора, адресованные представительнице администрации: «Вы в своем уме?»

А чтобы окончательно развеять иллюзии у сомневающихся, приведу выдержку из вердикта стоящей на страже морального облика своих служителей православной церкви, история которой насчитывает намного больше веков, чем сословие присяжных поверенных в России. По результатам одного из разбирательств Дисциплинарно-каноническая коллегия решила: «Признать, что личные взаимоотношения протоиерея Игоря П. с N, в той мере, в какой они широко не афишировались или не выходили за пределы нравственных норм, не подают повода к применению 39-

го правила Святых Апостол. Отметить, что при оценке действий мужа N и их значения в рассматриваемом деле следует руководствоваться нормой церковного судопроизводства… Обратить при этом внимание на заявление супруги протоиерея Игоря П., свидетельствующей об отсутствии предосудительных отношений между ее мужем и N» (Решение Общецерковного суда Русской православной церкви от 17 ноября 2010 г. по делу № 02-02-2010).

Все ли ратующие за дисциплинарную оценку действий, совершаемых за пределами профессиональной деятельности адвокатов, осознают, что и в нашем сообществе теперь будет допустимым выяснение степени предосудительности отношений адвоката А. с гражданкой Б. и позиции по этому поводу ее мужа В., а также супруги самого адвоката Г.?

VIII. Даешь Демона!

Не совсем понятно, почему требование особой честности приурочивается исключительно к адвокатской профессии? — быть честным есть долг каждого гражданина, это повинность общечеловеческая, а не специфическая адвокатская.

Присяжный поверенный Д. Невядомский

Если действительно пытаться создавать положительный образ российского адвоката, в том числе посредством контроля за его внеслужебным времяпрепровождением, то хорошо бы всерьез задуматься над формированием отрядов внутрикорпоративной полиции нравов, которая займется просматриванием прессы и Интернета, рейдами по пивным барам, кафе и ресторанам, проверкой игорных и прочих злачных заведений, посещением мест проживания адвокатов, а также вылавливанием адвокатских «афонь» из фонтанов, прудов и водоемов. Предлагаю начать с создания в структуре ФПА РФ еще одного департамента и назвать его Департамент морали и нравственности (сокращенно — ДЕМОН) со своими подразделениями на местах.

Но если говорить серьезно и о самом главном, то, как представляется, основная ошибка сегодняшних «радетелей

адвокатского целомудрия» (выражение из лексикона одного из присяжных поверенных) заключается в том, что они почему-то решили, что авторитет адвокатуры способны подорвать один или даже несколько ее членов, совершивших неблаговидные поступки. Это все равно что судить обо всех преподавателях по преступлениям Чикатило, о музыкантах — по злодеяниям Ионесяна («Мосгаза»), о юристах — по Вышинскому и о военных — по генералу Власову. Интересно, что предложенную нами логику, похоже, разделяет и Совет ФПА РФ, если судить по аргументу, приведенному в обращении к адвокатскому сообществу от 2 февраля 2017 г. «О защите авторитета адвокатуры»: «Еще неуместнее публичные нарекания на все сословие, поскольку вина одного не может падать на всех, и неосновательность подобного обобщения очевидна для любого члена сообщества». Но тогда хочется спросить: почему же в рассматриваемом случае демонстрируется иной подход, игнорирующий обозначенную очевидность?

Невольно вспоминается известное выступление Ф. Плевако, когда он с легкостью убедил присяжных заседателей в том, что имеющая тысячелетнюю историю Россия не погибнет безвозвратно по причине кражи старушкой двадцатикопеечного чайника. **Хочется верить, что и адвокатура прекрасно могла обойтись без того, чтобы разбирать склоки и дрязги, выходящие за пределы профессиональной деятельности ее членов.**

И самое последнее. В Европе в XVI веке в некоторых странах адвокатам было запрещено танцевать, так как считалось, что такого рода телодвижения неподобающи слугам юстиции. На рубеже XIX–XX веков во Франции всерьез обсуждалось, допустимо ли адвокату кататься на велосипеде, поскольку при этом он должен был облачаться в «неприличный велосипедистский костюм».

Сегодня эти запреты могут вызвать только улыбку. Так стоит ли снова изобретать велосипед?

Опубликовано в «Адвокатской газете» в 2018 году

Пассивная защита — тактический прием или нарушение закона?

Исходя из функций, возложенных на адвоката законодательством, он должен действовать весьма активно, отстаивая права и интересы доверившихся ему лиц. Именно такое представление об адвокатской деятельности пришло к нам из тех времен, когда профессия адвоката только формировалась. Еще в капитуляриях франкийских королей адвокатам директивно вменялись в обязанность рвение и трудолюбие. А в популярной до сегодняшних дней работе бельгийского юриста и писателя Эдмона Пикара «Об адвокате (парадокс)», написанной в XIX веке, вполне обоснованно утверждается, что в натуре адвоката должна быть воинственность.

Таких же по сути подходов придерживались и наши предшественники — российские присяжные поверенные. К примеру, Московский совет по итогам рассмотрения одного из дисциплинарных дел написал в своем решении про поведение адвоката: «…коль скоро он удержал за собою данное ему доверителем полномочие на представительство его интересов на суде, он тем самым уже обязался принимать активное участие во всех моментах процесса, в которых это участие необходимо, независимо от вопроса о том, каков будет исход процесса». Пассивность не приветствовалась, поскольку адвокатское сообщество, говоря словами историка отечественной присяжной адвокатуры И. Гессена, написанными им в 1914 году, хорошо понимало, что «упущение и бездействие защиты неисправимы, так как никому не дано в деле восполнять, что упущено защитой»[12].

Но в то же время органы адвокатского самоуправления всегда весьма осторожно относились к возможностям оценки работы адвокатов по конкретным делам, обоснованно полагая, что защита есть результат таланта, знания, опытности и искусства, сопряженного со свободным убеждением, основанным на изучении дела. И привлекать присяжных поверенных к ответственности допустимо «лишь за такие ошибки и промахи при ведении дел, в которых обнаруживается явный недостаток бесспорных положений права и судопроизводства»[13].

Именно такой подход, соответствующий историческим традициям адвокатуры, на которых в том числе основаны современные правила профессионального поведения адвоката, реализуется и сегодня. Поэтому требования к адвокатской

деятельности в наши дни существенно не изменились, а в специальной литературе подчеркивается, что адвокат должен действовать так активно, как только позволяет закон. При этом «активность должна быть не беспорядочной, но направляемой каноном правозащиты, правилами профессии»[14].

Но все ли адвокаты достаточно активны при работе по различным категориям дел? К сожалению, нет, что порой вызывает обоснованные нарекания доверителей и беспокойство самого адвокатского сообщества.

«Адвокат должен постоянно проявлять свою активность и расширять дозволенные сферы активности не ради себя. Некоторые члены корпорации, напротив, хотели бы действовать как можно меньше, сидеть тише и экономить силы. <…> Но это не нужно тем, кому нужна адвокатура — людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию и рискующим лишиться имущества, здоровья и свободы»[15].

В другой работе констатируется: «При пассивном поведении адвоката в любых видах процесса, в любой ситуации, где он мог бы в рамках конкретного поручения оказать помощь своему доверителю, интересы доверителя не реализуются. <…> Возникает реальная опасность формирования соответствующего стиля работы защитника — поверхностного и безответственного, даже не пытающегося выйти за пределы материалов дела, представленных стороной обвинения»[16].

Но где та грань, которая разделяет надлежащую активность адвоката от необоснованной пассивности? В этом крайне важно разобраться.

Возьмем для начала на заметку, что доктринальные источники, говоря о надлежащей тактике работы адвоката, в качестве ее обязательных элементов рассматривают рациональность и оптимальность в выборе средств защиты[17]. Вспомним при этом и одну из основных заповедей адвоката, аналогичную врачебной: не навреди!

Исходя из сказанного, можно ли упрекнуть коллегу, когда он при внешней пассивности, нередко вызывающей недовольство клиента, получает в итоге нужный результат?

Представляется, что нет, и иллюстрацией к сказанному может служить хрестоматийное дело знаменитого присяжного поверенного А.Я. Пассовера.

Будучи членом Совета присяжных поверенных при Петербургской судебной палате, он однажды за очень большой гонорар был приглашен в Таганрог защищать весьма состоятельного судовладельца, обвиненного в крупной контрабанде при морских перевозках. Весь процесс А.Я. Пассовер

просидел молча, что вызвало крайнее беспокойство его подзащитного. И лишь после трехчасового выступления прокурора сказал всего несколько слов, суть которых сводилась к тому, что, согласно разъяснениям Правительствующего сената по делам о контрабанде, задействованные подсудимым плавсредства (плоскодонные фелюги) не подпадают под диспозицию инкриминированной ему статьи уголовного уложения. Несмотря на случившуюся истерику у прокурора, судовладелец был полностью оправдан.

Истории известны и другие случаи, когда при действительной неактивности решающим становилось короткое, но яркое и убедительное слово защитника, произнесенное им в конце судебного процесса. Вспомним сказанные на суде знаменитые слова Ф.Н. Плевако о старушке, укравшей чайник. Или дело нарушившего закон священника, завершившееся одной фразой того же легендарного «московского златоуста»: «Господа присяжные заседатели! Вспомните, сколько грехов отпустил вам батюшка за свою жизнь, так неужели мы теперь не отпустим ему один-единственный грех?»…

Ориентирами для надлежащей работы адвоката должны служить текущие и кодифицированные законы, а в части собственно адвокатской специфики — Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Кодекс профессиональной этики адвоката, а также разъяснения ФПА РФ и региональных адвокатских палат, обязательные для исполнения членами корпорации. Кстати, упомянутый Кодекс в статье 8, говоря об обязанностях адвоката, отмечает как неотъемлемый элемент активность при защите прав, свобод и интересов доверителей.

Так, при работе с подзащитными, обвиняемыми в совершении преступлений, обязательны участие вместе с ними в следственных и процессуальных действиях, консультирование доверителей и выработка позиции защиты, изучение материалов уголовного дела, своевременное обжалование по согласованию с подзащитным избрания и продления мер пресечения, а также обвинительного приговора, выступление в прениях сторон, изучение протокола судебного заседания и при необходимости принесение на него замечаний. Здесь в полной мере следует опираться на принятый 20 октября 2017 года VIII Всероссийским съездом адвокатов «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном процессе». Во многих уголовных делах от адвоката требуется и самостоятельная доказательственная деятельность (проведение адвокатского расследования), что объясняется односторонним и поверхностным подходом следователей к расследуемым делам.

По гражданским делам деятельность адвоката обычно осуществляется соответственно этапам движения дела: уяснение итоговой цели доверителя, изучение имеющихся материалов, оформление полномочий, сбор дополнительных доказательств, разработка правовой позиции по делу, составление искового заявления либо возражений против иска и подача их в суд, участие в судебных заседаниях для реализации выработанной позиции.

Однако некоторые виды активности, вызванные поспешностью вступления адвоката в дело и участия в нем, не могут признаваться правомерными. Речь идет о принятии поручения в условиях конфликта интересов либо в отсутствие правовой позиции, работе без надлежаще оформленных назначения или соглашения, действиях вопреки воле клиента, осуществлении «двойной защиты» (когда адвокат по назначению выполняет функции дублера).

Наглядным примером такой поспешности может служить ситуация, которой Совет Адвокатской палаты города Москвы посвятил Разъяснения от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», где указано, что адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю или следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника, кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок.

К сожалению, отмеченное предписание не всегда исполняется, и в адвокатскую палату порой приходят жалобы от подзащитных, где, в числе прочего, указывается и на несоблюдение срока, установленного данным Разъяснением.

В то же время можно встретиться с явно завышенными притязаниями доверителей, ожидающих от адвокатов суперактивности, не вызванной объективной необходимостью. Вспоминается заседание квалификационной комиссии, когда заявительница в обоснование своих претензий предъявила письменное поручение адвокату, состоявшее из нескольких сотен пунктов. Пришлось объяснить ей, что, в силу закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, адвокат является

независимым профессиональным советником по правовым вопросам, а не слугой своего хозяина, действующим по принципу «чего изволите?».

Кстати, приведенное нормативное положение автор этих строк включает в текст соглашений со своими доверителями, чтобы застраховаться от излишней опеки с их стороны.

Иногда претензии клиентов к адвокатам по поводу недостаточной активности или выбранных методов работы носят весьма своеобразный характер.

В одной из ситуаций дисциплинарное обвинение, выдвинутое заявителем, состояло в том, что адвокат пришел в суд с пустым листом бумаги и ручкой и ходил с таким набором принадлежностей все судебные заседания. Изучив обстоятельства дела, квалификационная комиссия отметила, что адвокат должен стремиться к тому, чтобы создать себе комфортные условия для эффективного отстаивания прав и интересов доверителей. В этих целях он самостоятельно определяет объем документов и принадлежностей, необходимых ему в суде для оказания квалифицированной юридической помощи. В зависимости от индивидуальных особенностей восприятия, хранения и воспроизведения информации, адвокат самостоятельно определяет инструментарий, который необходим ему для оказания юридической помощи в судебном заседании (листок бумаги, отдельные процессуальные документы, уголовное дело в полном объеме, компьютерная техника и т. п.). Поэтому не нужно рассматривать то обстоятельство, что адвокат пришел в судебное заседание только с листком и ручкой, как свидетельство его неподготовленности и приравнивать этот факт к оказанию неквалифицированной юридической помощи. Некоторые выдающиеся присяжные поверенные и советские адвокаты участвовали в судебных заседаниях без единого листка бумаги. Поэтому предъявление к адвокатам требований о необходимости принесения в суд определенных документов и/или технических средств следует считать избыточным и не отвечающим специфике индивидуальной работы адвоката.

Также укажем на случаи, когда действительная пассивность адвоката была вызвана исключительно поведением лица, пожелавшего воспользоваться его правовой помощью. Например, после заключения соглашения на ведение гражданского дела доверитель не выдавал адвокату соответствующую доверенность и при этом упрекал его в бездействии. Очевидно, что здесь вина адвоката отсутствует, поскольку он не был наделен надлежащим кругом полномочий, позволяющих добросовестно выполнять свою работу.

Тем не менее даже в такой ситуации адвокат не должен сидеть сложа руки. В одном из подобных дел органы адвокатского самоуправления разъяснили, что при невозможности исполнить поручение из-за отсутствия надлежаще оформленной доверенности на ведение дела адвокату следует разъяснить доверителю необходимость либо выдать такую доверенность, либо лично подать исковое заявление. Кроме того, с учетом невозможности исполнения принятого адвокатом обязательства в части подписания искового заявления и подачи его в суд ввиду отсутствия надлежаще оформленной доверенности, адвокат должен принять меры к внесению соответствующих изменений в заключенный с доверителем договор.

Случается, что адвокат, на которого поступает жалоба в бездействии, объясняет свою пассивность имевшейся договоренностью с клиентом, вызванной той или иной необходимостью. Однако чаще всего такие пояснения являются голословными, что в итоге разбирательства влечет дисциплинарное наказание. Между тем «противоядие» для таких случаев весьма просто, и оно было известно еще присяжным поверенным. Так, Санкт-Петербургский совет по одному из дел указал: «Совет нашел нужным поставить присяжному поверенному на вид то обстоятельство, что если он в течение нескольких месяцев не начинал принятых им дел и делал это с согласия своих доверителей, то ему следовало бы оформить как-нибудь это согласие, дабы избавить себя в будущем от нареканий, что такую медленность он допустил без всяких к тому оснований».

Говоря об общем правиле в оценке степени активности или пассивности адвоката, необходимо еще раз подчеркнуть, что тактика его работы есть вещь индивидуальная. В ее основе лежат профессиональные знания и опыт, а также фактические обстоятельства конкретного дела. Нередко клиент, которого не устраивает состоявшееся судебное решение, винит в этом свое доверенное лицо, упрекая в недостаточной настойчивости или выборе неверного алгоритма действий. Если такая жалоба поступает в дисциплинарные органы адвокатского самоуправления, то в ходе разбирательства рассматривается исключительно вопрос о правомерности (законности) и этической составляющей поведения адвоката.

По одному из подобных обращений дисциплинарные органы, оправдывая адвоката, отмечали явную ошибочность тезиса о том, что во всех случаях адвокат должен занимать активную позицию по делу, так как необходимость осуществления активных процессуальных действий и выбор момента их совершения

зависят от множества факторов: содержания и специфики позиции по делу, выработанной тактики, в том числе по вопросу о представлении доказательств, условий конкретной процессуальной ситуации, целей доверителя и т. п. Поэтому в каждом конкретном случае на заявителя возлагается бремя представления доводов и доказательств, подтверждающих, что адвокат должен был действовать с иной степенью активности и в чем именно это должно было выражаться.

В подобных случаях органами адвокатского самоуправления даются такие разъяснения: «По общему правилу, органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты (работы по делу), избираемой адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно, является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Квалификационная комиссия разъясняет заявителю, что тактика ведения защиты определяется конкретными обстоятельствами соответствующего дела и данный вопрос не регулируется законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и не находится в компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления».

Дисциплинарная практика показывает, что чаще всего претензии доверителей к адвокатам, касающиеся тактики ведения дела, сводятся к следующему: общая безынициативность, непредставление для приобщения к делу важных документов, незаявление нужных ходатайств, неподготовка жалоб, пассивность при проведении следственных действий, неистребование новых доказательств, неубедительное выступление в суде, недостаточно качественное изучение материалов дела, составление слишком короткой апелляционной жалобы и т. п.

Понятно, что при отсутствии в жалобе документально подтвержденных указаний на конкретные нарушения адвокатом предписаний закона или профессиональной этики (например, не подготовил и не направил апелляционную жалобу на обвинительный приговор; не приложил к исковому заявлению документы, предписываемые ГПК РФ) такого рода претензии отвергаются.

Но в то же время встречаются случаи, когда некоторые адвокаты пытаются прикрыть свою недобросовестную работу ссылками на избранную ими тактику работы по делу. Так, адвокат без уважительных причин не явился в суд, что явилось основанием для оставления иска без рассмотрения и

последующей жалобы доверителя в адвокатскую палату. В своих объяснениях адвокат не отрицал своей неявки, повлекшей оставление иска без рассмотрения, но объяснил ее избранной им тактикой защиты прав доверителя. Однако тот категорически отрицал факт согласования с ним таких действий. В итоге квалификационная комиссия и Совет с полным основанием констатировали уклонение адвоката от исполнения поручения, предусмотренного соглашением об оказании юридической помощи. Какого же рода бездействие адвокатов является порочным? Представляется, что ответ на этот вопрос стал ясным из вышесказанного. Тем не менее рассмотрим его на ряде примеров из дисциплинарной практики.

• К. заключил с адвокатом П. соглашение на оказание юридической помощи его несовершеннолетнему сыну, предметом которой являлось получение страхового возмещения по страховому полису в связи со смертью матери. В нарушение условий соглашения адвокат П. не совершила ни одного действия по его исполнению, на телефонные звонки доверителя не отвечала, сама не звонила, номер телефона заявителя К. заблокировала. Статус адвоката П. был прекращен.

• За неоказание доверителю помощи в выработке и разъяснении позиции при рассмотрении судом дела о принудительной госпитализации в психиатрическую больницу, непринятие мер по сбору и представлению суду письменных доказательств, неподачу ходатайства о вызове свидетеля, на основании показаний которого доверитель была принудительно госпитализирована, что повлекло для нее тяжкие последствия, Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса.

• Избранная адвокатом форма юридической помощи в виде пассивного нахождения в кабинете следователя во время допроса его доверителя была признана не соответствующей предписаниям законодательства.

• Отказ адвоката от подписания протоколов следственных действий не может рассматриваться как совершенный в интересах доверителя: фактически вместо того, чтобы активно защищать права подзащитного, зафиксировать выявленные нарушения, подать замечания, адвокат без объяснений отказался от подписи, не учитывая при этом, что отказ от подписи не влечет признание процессуального документа недопустимым доказательством.

• Не ознакомившись надлежащим образом с материалами уголовного дела и не выяснив причину неявки в судебное заседание адвоката по соглашению и подсудимого, адвокат, привлеченный к участию в деле в порядке ст. 51 УПК РФ, при

обсуждении ходатайства прокурора о приостановлении производства по делу, объявления розыска подсудимого и изменения ему меры пресечения в виде заключения под стражу не изложил защитительную позицию, оставив разрешение ходатайства на усмотрение суда. Такое поведение адвоката признано ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем.

И в завершение, отталкиваясь от последнего из приведенных примеров, коснемся вопроса об оставлении участвующими в судебных процессах адвокатами тех или иных возникающих вопросов «на усмотрение суда», что порой вызывает недоумение у наблюдателей и самих доверителей.

На самом деле, если на обсуждение участников судебного разбирательства ставятся вопросы, не существенные для клиента и его адвоката, то ничего некорректного в такой реакции нет. Например, прокурор или противная сторона просит суд приобщить к делу документы второстепенной значимости. Или государственный обвинитель в одном из случаев, предусмотренных законом, предлагает огласить показания ранее допрошенного свидетеля, не вызывающие у стороны защиты каких-либо опасений.

Совершенно иное отношение должно быть к случаям, когда по делу разрешаются существенные вопросы, особенно если по ним у доверителя имеется определенная позиция. Безусловно, недопустимо для адвоката, противореча уже прозвучавшему мнению подзащитного, оставлять разрешение ходатайства следователя об избрании или продлении меры пресечения «на усмотрение суда». Ничего не меняется и для заочных процессов, поскольку здесь должно презюмироваться стремление обвиняемого к защите своих прав и нахождению на свободе. Не говоря уже о довольно ясных и конкретных законодательных рамках для допустимого ограничения свободы, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ и неоднократно разъясненных Конституционным судом РФ и Верховным судом РФ.

Также в дисциплинарной практике признавалось неправомерным оставление адвокатом на усмотрение суда заявления доверителя об отводе председательствующего, ходатайства подзащитного об обеспечении личного участия в судебном заседании, намерений следствия продлить срок ареста имущества обвиняемого.

Имеет место и судебное реагирование на бездействие адвокатов, обоснованно признаваемое грубым нарушением прав и законных интересов доверителей. Так, апелляционным

определением Московского областного суда было отменено постановление суда первой инстанции, в том числе по причине того, что адвокат оставил вопрос о возмещении вреда на усмотрение суда, не поддержал позицию доверителя, не отстаивал его интересов, не заявил ни одного ходатайства (Профессиональная этика адвоката. 3-е изд., М. 2017. С. 145).

Таким образом, вопрос о формах и пределах активности по исполнению принятого поручения об оказании юридической помощи должен решаться адвокатом индивидуально в каждом случае, однако с обязательным соблюдением заповеди «не навреди», требований закона и профессиональной этики.

Опубликовано на сайте Адвокатской палаты города Москвы в 2022 году

Назначение адвокатов и сопутствующие дисциплинарные нарушения: история и современность

Конституционно значимое право каждого гражданина воспользоваться квалифицированной юридической помощью возлагает на адвокатуру целый ряд социально важных задач. Среди них — участие адвокатов в обеспечении бесплатной юридической помощи и работа по назначению в случаях, предусмотренных законодательством. Успех такой деятельности во многом зависит от ее правильной организации и контроля за реализацией принятых поручений по конкретным делам.

Нельзя не отметить, что практика предоставления правовой помощи определенному кругу нуждающихся имеет в адвокатуре глубокие исторические корни. Именно в них следует искать основы традиций, которые свято соблюдает наша корпорация и сегодня. Включая воздействие на тех ее членов, которые игнорируют исполнение сословных обязанностей.

I. Немного истории

Согласно действовавшим в античную эпоху в Афинском государстве правилам, для защиты бедных ежегодно избиралось по десять адвокатов от притязаний богатых по всем категориям дел. Аналогичный подход был реализован и в Древнем Риме. Авторитетнейший юрист периода ранней Римской империи Ульпиан (170–228 гг.), чьи правовые комментарии носили общеобязательный характер, писал об одной из обязанностей проконсула[18]: «Он также должен назначить адвокатов тем, кто его об этом просит, то есть в большинстве случаев женщинам, малолетним, находящимся под опекой, и тем, чья дееспособность ограничена как-то еще, а также умалишенным, если кто-нибудь просит за них; если же за них никто не просит, то проконсул по собственному почину должен дать им адвоката. Ведь нельзя допускать, чтобы противник мог так подавлять своим могуществом, и если человек ведет себя так самовластно, что все боятся выступить в качестве адвоката противной стороны, то это может вызвать даже враждебное отношение к правителю провинции»[19].

Как следует из приведенного фрагмента, древние правители хорошо понимали необходимость и значимость назначения грамотных юристов по делам социально незащищенных граждан.

Одним из следствий такого понимания было то, что за уклонение от этой обязанности провинившихся нещадно исключали из числа адвокатов, лишая практики, приносившей известность и почести.

Со временем подходы не изменились, и через многие годы Франсуа-Этьен Молло в своей книге «Правила адвокатской профессии во Франции», написанной в 1842 году, отмечал, что обязательная защита предписывается обычаями сословия, всегда готового прийти на помощь неимущим, в связи с чем «Совет непрестанно озабочен исполнением этого священного долга»[20].

Что же касается нашей страны, то реформаторы правовой системы царской России, создавая институт присяжных поверенных, также осознавали, что в определенных случаях будет необходимо предоставлять надлежащую юридическую помощь тем, кто окажется незащищенным от претензий государства или иного намного более сильного противника. По этой причине в новом своде законов о судебной системе, «Учреждении судебных установлений» (1864), в нормативном порядке на советы присяжных поверенных были возложены обязанности назначения по очереди адвокатов для безвозмездного хождения по делам лиц, пользующихся на суде правом бедности, а также назначения по очереди поверенных для ходатайства по делам лиц, обратившихся в Совет с просьбою о назначении им таковых[21].

Во втором случае, в соответствии с этим же законодательным актом, в тех местах, где число присяжных поверенных было укомплектовано, «каждый тяжущийся, не могущий сам прибыть в город, где должно производиться его дело, или же не успевший согласиться с местными присяжными поверенными насчет хождения по его делу, имеет право обратиться в совет присяжных поверенных с просьбою о назначении поверенного для ведения его дела. Совет обязан исполнить эту просьбу…» (ст. 392). Кроме того, законом предусматривалось право председателя судебного места в уголовных делах назначать присяжных поверенных для защиты подсудимых. Здесь же содержалось разъяснение, что присяжный поверенный, назначенный для производства дела Советом или председателем судебного места, «не может отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив достаточных для сего причин».

Естественно, что уже вскоре после появления категории новых правозащитников перед адвокатской корпорацией встала проблема надлежащего распределения и организации учета дел по назначению. Е.В. Васьковский писал в 1893 году: «Бедные граждане могут пользоваться беспошлинно адвокатурой как общественным учреждением подобно тому, как пользуются государственными учреждениями — судами. Следовательно,

принять их права под свою защиту должна вся адвокатура, т. е. все сословие адвокатов, а не единичные члены его. С этой целью необходимо организовать защиту по назначению в таком виде, чтобы лицам, пользующимся на суде правом бедности, давались советом сословия бесплатные защитники»[22]. Аналогичные мысли высказывал и П.В. Макалинский, по сути демонстрируя мнение всей присяжной адвокатуры: «Ведение дела по назначению есть бремя, которое должно упадать одинаково на всех и от которого никто не должен ни прямо, ни косвенно освобождаться»[23].

По тому же поводу Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных в одном из своих решений указывал: «Лицам, пользующимся правом бедности, Совет назначает поверенных по очереди, и всякий присяжный поверенный, в силу своего звания, признается способным и подготовленным для ходатайства по всем делам, по которым законом предоставлено право действовать через поверенных во всех существующих в Империи учреждениях». На тех же позициях стоял и Московский совет, разъяснявший присяжным поверенным серьезность общественного служения: «Суд и Совет поручают вести дело обыкновенно по очередному списку: все равно обязаны, никто не вправе сказать “не хочу” перед компетентным органом, перед Судом и свободно избранным органом корпоративного надзора и дисциплинарного Суда».

Видный правовед К.К. Арсеньев, в 1867 году избранный председателем Совета присяжных поверенных Санкт-Петербургского судебного округа, писал еще об одной важной стороне правильной организации работы в данном направлении: «Назначение по очереди служит и для тяжущихся, и для присяжных поверенных гарантией против произвола Совета. Для Совета — гарантией против обвинений в пристрастии и несправедливости».

Следует пояснить, что в отсутствие единых правил в одних регионах указанные очереди присяжных поверенных составлялись советами в алфавитном порядке, где-то — по старшинству вступления в сословие. В тех случаях, когда в судебных округах советы не были созданы, содействие судебным палатам в упорядочении защиты по назначению оказывали комитеты или комиссии присяжных поверенных, как это было, например, в Тифлисском окружном суде. Существовала также практика, когда, «по принятому обычаю, председатель суда выбирает защитника сообразно с большею или меньшею важностью дела, назначая подсудимым, обвиняемым в более тяжких преступлениях, или при обстоятельствах особенно сложных, защитников более опытных и

искусных»[24].

Распределение дел по назначению, как и случаи освобождения от этого бремени, отмечалось в специальной книге, которая регулярно предъявлялась на заседаниях Совета его членам. Причем от присяжных поверенных требовалось сообщать Совету об окончании порученных им дел и их результатах.

Исследователи того времени признавали, что защита подсудимых по назначению суда составляет одну из самых тяжелых обязанностей присяжных поверенных. Фиксируя такое непростое положение, Санкт-Петербургский совет в 1870 году в одном из своих постановлений указал, что «присяжные поверенные стеснены частыми обязательными защитами по уголовным делам и защитами лиц, пользующихся правом бедности».

Такое бремя зачастую приходилось нести в довольно неблагоприятных условиях. Историк адвокатуры Иосиф Гессен со ссылкой на свой юридический опыт и публикации в периодических изданиях описывал так положение адвокатов в защитах по назначению: отказ в свидании с подсудимым наедине, попрание закона, замечания и окрики председателя на суде, а когда присяжный поверенный заявляет о невозможности подготовиться из-за позднего его назначения в дело, то ему делается взыскание[25].

Неудивительно поэтому, что нередко присяжные поверенные без особого энтузиазма принимали такого рода поручения либо старались их избежать. И тогда как безосновательное уклонение от ведения дел по назначению, так и ненадлежащее оказание правовой помощи в подобных случаях становились предметом дисциплинарных разбирательств.

Подтверждением сказанному является тот факт, что в вышедшем в 1914 году сборнике А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» содержится более двух десятков выдержек из дисциплинарных дел или разъяснений организационно-распорядительного характера советов присяжных поверенных Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Саратовского, Новочеркасского и Одесского судебных округов, касающихся ведения дел по праву бедности.

В частности, Московский совет присяжных поверенных предписывал адвокатам: «…обязанности по ведению дел по праву бедности и защите по назначению должны исполняться самым строгим образом. Промедление и небрежность в этих делах совершенно недопустимы». В свою очередь, образованный только в 1905 году в Одесском судебном округе Совет присяжных поверенных уже вскоре в одном из своих решений вынужден был

записать, что назначенный присяжный поверенный обязан представить объяснение достаточности причин к отказу от ведения дела, причем оценка этих причин должна быть более строгою, чем в делах по соглашению.

Очевидно, что небеспочвенно как сами советы, так и авторитетные присяжные поверенные не единожды подчеркивали, что при ведении дел по назначению следует надлежаще готовиться к защите, заблаговременно встречаться с подсудимым и обсуждать обстоятельства дела, а на суде «добросовестно совершать все судебные действия, входящие в состав процесса». В той же связи отмечу, что уже упоминавшийся К.К. Арсеньев призывал своих коллег к исполнению, казалось бы, вполне рутинной работы, поясняя им весьма банальные вещи: «Задача защитника, назначенного судом, состоит в том, чтобы извлечь из дела, сгруппировать, выставить в надлежащем свете все обстоятельства, говорящие в пользу подсудимого, то есть опровергающие обвинение или уменьшающие его силу»[26].

Дошедшие до нас сведения говорят о том, что связанные с назначением адвокатов дисциплинарные разбирательства можно разделить на несколько подгрупп. Во-первых, это попытки отдельных присяжных поверенных под благовидными предлогами быть исключенными из списков действующих получателей поручений (заболевание, выезд за пределы населенного пункта на летний период и т. п.). Во-вторых, отказ от назначения в конкретное дело по этическим или политическим соображениям, а также по причине неосновательности притязаний доверителя. Далее следует назвать недобросовестное отношение назначенного адвоката к своим профессиональным обязанностям, включая передоверие принятого поручения иным лицам. Здесь же отметим, что к строгому дисциплинарному наказанию привлекались те присяжные поверенные, которые, получив поручение Совета, пытались затем убедить клиента в необходимости денежного вознаграждения за их работу.

Можно назвать и случаи, когда оцениваемое дисциплинарными органами упречное поведение имело только косвенное отношение к рассматриваемому бремени членов корпорации. Однажды Московскому совету пришлось проанализировать дело присяжного поверенного, который оставил адвокатуру, никого об этом не уведомив, включая своих доверителей. В Решении, однозначно осуждающем такой поступок, в числе прочего было сказано: «…Ввиду несообщения Совету о поступлении на государственную службу он значился в списках присяжных поверенных, и, таким образом, на него могла быть возложена та или иная сословная обязанность. Совет мог

назначить его для ведения чужих дел лиц, пользующихся правом бедности; суд мог назначить казенным защитником, что, весьма возможно, повлекло бы за собой то или иное нежелательное последствие…»

Конечно, нет никаких оснований полагать, что во времена наших предшественников нарушения при назначении адвокатов носили распространенный характер. Скорее при отсутствии четких правил нередко возникали вопросы, требующие своего разрешения.

Тем более что в условиях начавшихся гонений на адвокатское сословие даже самые добрые побуждения и успехи рассматривались недоброжелателями в весьма искаженном свете. Так, в направленном в 1878 году в Государственный Совет Российской империи представлении, предусматривающем резкое сужение полномочий присяжных поверенных, министр юстиции граф К.И. Пален, поставив в вину членам сословия корыстно обусловленные «искусные приемы обхода поверенными закона в ущерб его смыслу и предназначению и всевозможное затемнение обстоятельств дела», усмотрел, что и в бесплатной защите «материальный расчет является лишь более утонченным и направленным к расширению адвокатской практики путем известности, приобретаемой успешностью или, по крайней мере, внешним блеском судебной речи, заведомо ложной и несправедливой по содержанию своему и по обстоятельствам дела, хорошо известным защитнику, но не всегда доступным публике».

Представляется, что сколь весомым, столь и справедливым ответом на такого рода сомнительные обвинения могут служить слова авторитетнейшего судебного деятеля того же периода времени А.Ф. Кони, не раз в своих статьях подчеркивавшего важность функций, выполнявшихся на судебных процессах присяжными поверенными, и писавшего о постоянной и вполне бескорыстной работе, которую нередко с большим напряжением сил «приходилось и приходится нести членам этой адвокатуры, защищая подсудимых по назначению от суда в огромном числе дел»[27].

Хорошо известно, что многие присяжные поверенные, будучи уже в зените своей славы, не избегали бесплатного участия в тех делах, где высвечивались острые социальные проблемы, о которых весьма важно было говорить с судейской трибуны, привлекая внимание властей и общества.

Наверное, самым наглядным примером здесь будет защита в 1880 году знаменитым «златоустом» Ф.Н. Плевако группы крестьян села Люторичи Епифанского уезда Тульской губернии,

обвинявшихся в том, что они активно, с применением силы, противодействовали сначала судебным приставам, а затем и вооруженным солдатам, пытавшимся взыскать долги и неустойки, искусственно созданные местным помещиком. Ф.Н. Плевако, считавший, что на самом деле сопротивление представителям власти было спровоцировано, не только бескорыстно принял на себя защиту всех 34 подсудимых, но и за свой счет оплачивал их пребывание в Туле, пока там особым судебным составом Московской судебной палаты слушалось дело. В итоге 29 крестьян было оправдано, а остальные обвинявшиеся в участии в бунте получили совсем небольшие наказания.

II. Нарастание проблемы «карманных адвокатов»

В начале советского периода истории нашей страны встал вопрос о разработке законодательства для «государства рабочих и крестьян», которое было бы способно стать основой новой правовой системы.

В этой связи для рассматриваемой нами темы в первую очередь следует упомянуть, что в принятом в 1922 году Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР предусматривалась фигура защитника как официального оппонента государственному обвинению. В качестве таковых могли участвовать в деле не только члены коллегии защитников, но и близкие родственники обвиняемого, а также уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а равно руководящих органов профсоюзов, потребительских обществ, а также других профессиональных и общественных организаций. Защитники вступали в дело только на судебной стадии, и в обязанность судьи входило одновременно с рассмотрением вопроса о предании гражданина суду вынесение определения о допущении избранного подсудимым защитника или назначении такового, если к этому моменту защитник не избран.

В том же году народным комиссариатом юстиции утверждено «Положение о коллегии защитников», где было указано, что установление порядка бесплатной защиты относится к предмету ведения президиумов коллегий защитников. А сами члены коллегии защитников обязаны вести книги с записями о времени принятия дел, содержании и движении дела, а также всех поступлений и расходов, как и расчетов с лицами, дела которых они ведут.

Любопытно, что и в то время проблема надлежащей организации назначения адвокатов давала о себе знать.

Дисциплинарной комиссии Президиума Московской коллегии защитников 4 мая 1926 года пришлось рассматривать дело по обращению Московского губернского суда о неявке члена коллегии защитников Х. на выездную сессию в Подольском уезде. Разобравшись с ситуацией, комиссия решила: «…Настоящий случай неисправности Коллегии Защитников должен быть отнесен на счет отсутствия определенных правил, которыми регулировалось бы назначение защитников, и в том числе отсутствия указания, на ком лежит обязанность и ответственность за назначение. В настоящее время эти правила выработаны и введены в жизнь. Ввиду изложенного, Президиум находит, что т. Х не может быть признан виновным в происшедшем недоразумении»[28].

«Положение об адвокатуре РСФСР» 1980 года назначение адвокатов для осуществления защиты по требованиям органов предварительного следствия и суда вменило в обязанность заведующих юридическими консультациями. При этом и здесь имелись определенные отклонения в поведении тех, кто желал уклониться от такой неденежной работы, либо встречались иные нарушения, на которые следовала реакция дисциплинарных органов.

В сказанном нетрудно убедиться, ознакомившись с содержанием сборника «Дисциплинарная практика московских городской и областной коллегий адвокатов», вышедшего в свет в 1971 году[29], где можно найти следующие примеры наказания адвокатов:

— отказ адвоката от выполнения распоряжения заведующего консультацией о принятии поручения вести дело в порядке статьи 49 УПК РСФСР (аналог действующей ст. 51 УПК РФ. — К.Р.) влечет дисциплинарное взыскание;

— неявка адвоката в судебное заседание по делу, ведение которого было ему поручено консультацией, по уважительной причине, но без извещения суда и заведующего консультацией влечет дисциплинарное взыскание;

— если в деле нет ордера адвоката, защищающего подсудимого по соглашению, то адвокат, получивший поручение защищать подсудимого в порядке статьи 49 УПК, не освобождается от явки в судебное заседание, даже если адвокат осведомлен, что подсудимого будет защищать другой адвокат, приглашенный по соглашению. При таких условиях неявка адвоката, получившего поручение в порядке ст. 49 УПК, повлекшая срыв слушания дела, влечет дисциплинарное взыскание.

Отдельные примеры в данном сборнике говорят о

возможности привлечения к дисциплинарной ответственности заведующего юридической консультацией за ненадлежащую работу по организации назначений адвокатов, в том числе при необходимости замены одного адвоката на другого («Заведующий консультацией, получив заблаговременно сообщение, что адвокат по уважительной причине не имеет возможности явиться в судебное заседание по делу, в котором адвокат принимает участие, обязан принять все зависящие от него меры для замены этого адвоката»).

Приводимая подборка дисциплинарной практики интересна для нас еще и тем, что в ней хотя и весьма незначительно, но уже начинает высвечиваться проблема существования так называемых карманных адвокатов, которые в угоду дознавателям, следователям и судьям стали всё чаще игнорировать свои профессиональные обязанности. В одном случае мы узнаём о наложении строгого дисциплинарного взыскания за «выполнение адвокатом просьбы следственных работников об участии в проведении действий в порядке статьи 201 УПК РСФСР (аналог ст. 217 УПК РФ. — *К.Р.*) без ордера, лишь с последующим оформлением поручения в консультации». В другом разъясняется, что, «если адвокат не имеет поручения консультации и ордера, он не должен принимать участия в рассмотрении дела даже по просьбе судьи, который будет рассматривать дело (такая просьба вызвана была нежеланием судьи отложить слушание дела в связи с отсутствием защитника, участие которого по делу являлось обязательным)».

По нашим наблюдениям, рост числа адвокатов, которые как минимум халатно относились к своим профессиональным обязанностям, получив назначение войти в дело в качестве защитника, а как максимум — совершали предательство, содействуя лицам, в производстве которых находится уголовное дело, в осуществлении функции обвинения, произошел с изменением процессуального законодательства, более активно допустившего участие адвоката на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Иными словами, значительно расширились легальные возможности для контактов защитников с представителями обвинительной стороны.

А в дальнейшем усугубило картину мощное вторжение товарно-денежных отношений в российскую правовую действительность, которому сопутствовало существенное снижение барьеров для желающих стать адвокатами. Отметим, что в 1998 году Г.М. Резник с явным огорчением признавал: «Наша российская адвокатура начинает приобретать все более густую прокурорско-ментовскую окраску»[30], а проводившиеся

научные исследования того времени выявили существование на практике такого печального и отнюдь не редкого феномена, как связка «следователь — свой адвокат»[31].

По этому поводу судья Верховного суда РФ в отставке Н.А. Колоколов в весьма доступной форме разъясняет: «Чего ожидают от адвоката по назначению дознаватели и следователи? В неофициальном обороте всегда существовало понятие “карманного адвоката” — защитника, который появился в деле по протекции самого следствия. Для такого адвоката участие в деле — это исключительно источник дохода. Грамотно оформленный следствием допуск адвоката к участию в деле — железная гарантия, что в случае отказа обвиняемого от первоначальных показаний суд данное изменение в его поведении оценит критически, ибо никто еще не отменял неписаного, но железного правила “первое слово дороже второго”»[32].

Оставляя на совести высокопоставленного экс-служителя правосудия суждение по поводу значимости «первого слова» (как явно предлагаемой к реанимации разновидности печально известной «царицы доказательств»), заметим, что далеко не все представители силовых ведомств одобряют существование «карманных адвокатов», при этом хорошо зная причины и способы их фиктивной деятельности.

В опубликованной в «Вестнике Уральского юридического института МВД России» статье под названием «“Карманный” адвокат — служитель стороны обвинения» Т.В. Черкунова не без оснований пишет, что на практике эффективной реализации устранения защитника по соглашению способствуют некоторые недобросовестные представители профессионального адвокатского сообщества. Вследствие спроса со стороны должностных лиц, ведущих предварительное расследование, организовалась целая группа адвокатов-защитников, которые прибывают на следственные действия по первому звонку следователя (дознавателя), подписывают протокол следственных действий, в проведении которых не участвовали, не заявляют возражений и ходатайств, молчат на следственных и иных процессуальных действиях, выступая в роли безмолвных статистов, склоняют подзащитного к признанию вины[33].

Аналогичные откровения можно встретить и среди прокурорских работников. Так, Ю.П. Гармаев считает, что одним из самых неприглядных и безнравственных проявлений разновидности адвоката, именуемого автором «коррумпированным», является его бесплатное и разовое участие как своеобразного «статиста» в следственных действиях, как правило первоначальных, когда подозреваемый или обвиняемый

дает признательные показания. Осуществление защиты по бесплатным делам как раз и входит в качестве одного из условий приближенности такого адвоката к следователю, наряду с другими взаимными услугами. Эти «де-факто» следователи и оперуполномоченные, «переодетые» в адвокатов, берут на себя большую долю бесплатных дел[34].

Относительно употребляемой терминологии нужно заметить, что еще в 2009 году Ю.Ю. Чурилов дал весьма лаконичное и емкое по смыслу определение устоявшегося в адвокатской среде словосочетания «карманный адвокат», указав, что это адвокат, осуществляющий мнимую защиту, лишенный процессуальной самостоятельности и обслуживающий интересы стороны обвинения. Он же, будучи практикующим адвокатом, признавал: «Участвуя за один день в нескольких следственных действиях, “карманные адвокаты” в настоящее время оказывают юридическую помощь в таком значительном объеме, в котором вообще немыслимо оказывать квалифицированную юридическую помощь»[35]. И действительно, проведенное в одном из регионов страны исследование показало, что в результате нелигитимного сотрудничества следователей и дознавателей с некоторыми адвокатами последние умудрялись проводить в месяц по 400–500 дел (!!!)[36].

Что касается ситуации в столице, то вскоре после принятия закона об адвокатской деятельности и адвокатуре Совет Адвокатской палаты города Москвы вынес Решение от 16 декабря 2002 года № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», которым организация дежурств адвокатов коллегий для обеспечения участия в качестве защитников по назначению была возложена на президиумы коллегий адвокатов и заведующих юридическими консультациями.

Затем в Решении Совета от 25 марта 2004 года № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению» было подчеркнуто, что запрос об оказании юридической помощи по назначению должен направляться не конкретному адвокату, а в адвокатское образование, которое выделяет адвокатов в порядке очередности и при незанятости в делах по соглашению.

Несколько позже столичная палата столкнулась с тем, что в адвокатские образования, учрежденные на территории Москвы, стали поступать запросы о выделении защитников в порядке ст.

51 УПК РФ от следователей, органов прокуратуры и внутренних дел Московской области. При исполнении таких запросов в качестве защитников руководителями адвокатских образований обычно выделялись адвокаты, ранее работавшие в тех же областных населенных пунктах прокурорами, следователями и дознавателями. Качество работы этих адвокатов вызывало недовольство и жалобы доверителей.

Поэтому Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 19 апреля 2007 года № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению» было разъяснено, что адвокатские образования и адвокаты, внесенные в соответствующий реестр г. Москвы, не вправе исполнять требования органов дознания, органов предварительного следствия, прокуроров или судов об участии в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению, если перечисленные государственные органы не распространяют свою юрисдикцию на территорию Москвы.

Обозначенное правило было доведено до столичных адвокатов, как и предупреждение о дисциплинарной ответственности за его несоблюдение. Поэтому совершенно обоснованно получил дисциплинарное взыскание адвокат Щ. за то, что он, будучи членом Адвокатской палаты города Москвы, принял на себя защиту по назначению на территории иного субъекта Российской Федерации — Удмуртской Республики[37].

Контроль за работой по назначению в рамках дисциплинарных разбирательств касался не только вопросов распределения поручений, но и профессиональной добросовестности адвокатов, принявших такое задание.

Исполняя обязанности дежурного адвоката в суде по направлению юридической конторы МГКА, адвокат Ю. должна была участвовать в рассмотрении ряда ходатайств следователей о продлении сроков содержания под стражей обвиняемых. Однако, находясь в зале судебного заседания, она отказалась оказывать юридическую помощь и участвовать в рассмотрении ходатайства, поскольку в материалах, представленных в суд, отсутствовало постановление следователя об оплате услуг защитника. Такое поведение адвоката было признано недопустимым[38].

По другому делу статус адвоката Ш. был прекращен, поскольку рассмотрение поступившей на него жалобы доверителя в рамках дисциплинарного разбирательства показало, что все действия приглашенного по назначению адвоката-защитника Ш., дважды явившегося в следственный отдел, свелись к короткой и бессодержательной беседе с доверителем, неоднократным и не к

месту употребляемым разъяснениям статьи 51 Конституции РФ, а также формальному подписанию протокола ознакомления с материалами уголовного дела. Как резюмировала квалификационная комиссия в своем Заключении, «надлежащая юридическая помощь, включая выработку позиции защиты, к чему не единожды призывал заявитель К. своего адвоката, оказана не была»[39].

Еще в одном случае в юридическую консультацию поступил запрос из Следственного комитета МВД РФ с просьбой об участии адвоката Р. в качестве защитника обвиняемого М. при проведении следственных действий в учреждении СИЗО 99/1 ФСИН РФ. Подавший впоследствии в Адвокатскую палату города Москвы жалобу заявитель М. указал, что его защитник по соглашению действительно оказался болен, и поэтому он просил следствие предоставить ему любого другого адвоката по усмотрению его жены. От услуг адвоката Р. он сразу же отказался, однако соответствующее ходатайство следователь не рассмотрел, своим постановлением его не разрешил, а вместо этого продолжил производство процессуальных действий с участием адвоката Р. Бездействие в описанной ситуации адвоката Р. и игнорирование им волеизъявления подзащитного, заявившего об отказе от его услуг, повлекло за собой дисциплинарное наказание[40].

Проблема надлежащего распределения дел по назначению и добросовестного исполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей перед доверителями по порученным делам носила общий характер и выходила далеко за пределы столицы. Далеко не случайно в изданном Адвокатской палатой Московской области (далее — АПМО) сборнике «Профессиональная этика адвоката» на примере конкретного дела отмечалось: «Установленный АПМО порядок участия адвокатов в качестве защитников по назначению органов дознания, следствия или суда является гарантией справедливого распределения дел и исключения субъективного усмотрения судебно-следственных органов для вопросов привлечения адвоката к защите по назначению. Нарушение данного порядка может свидетельствовать о наличии непроцессуального интереса или недопустимых отношениях с судебно-следственными органами»[41].

Показателен случай, когда в результате беспринципного отношения некоего адвоката Ф. к своим обязанностям защитника к уголовной ответственности за якобы совершенное особо тяжкое преступление был привлечен невиновный человек.

В 2002 году адвокат Ф. был приглашен следователем прокуратуры одного из районов г. Ульяновска для защиты

интересов Ф-това на следствии. По итогам состоявшегося затем судебного процесса в отношении Ф-това был вынесен обвинительный приговор, которым его признали виновным, в том числе в убийстве при отягчающих обстоятельствах, с назначением наказания в виде 16 лет лишения свободы. В последующем, после обращений в вышестоящие инстанции, Ф-тов был оправдан по обвинению в убийстве в связи с непричастностью, и при этом было установлено, что к нему при задержании и первоначальных следственных действиях применялись недозволенные методы воздействия со стороны сотрудников милиции, а также что не была оказана квалифицированная юридическая помощь, поскольку Ф-тов об избиении сообщил адвокату, но тот никаких мер по этому поводу не принял.

В частном постановлении областного суда, направленном в Адвокатскую палату Ульяновской области, отмечалось, что адвокат Ф. не отстаивал законные интересы обвиняемого, сведя свою роль защитника к простому присутствию при проведении следственных действий и не подавая никаких жалоб в защиту доверителя. Ф-тов говорил адвокату, что он не совершал убийства, называя имя истинного преступника. Однако адвокат Ф. посоветовал ему не менять показаний, так как иначе сотрудники милиции вновь будут его избивать.

За грубое нарушение закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката Совет Адвокатской палаты Ульяновской области прекратил статус адвоката Ф.[42]

К сожалению, проблема «карманных адвокатов» оперативно решена не была, и случаи вхождения нерадивых защитников в дела по назначению получили немалое распространение, чему — следует это признать особо — в значительной степени способствовали мизерные суммы оплаты государством такой работы и регулярные задержки соответствующих выплат. С другой стороны, органы адвокатского самоуправления понимали, какой удар по репутации корпорации наносит существование данной проблемы, и пытались как разработать организационные меры для борьбы с нею, так и применять способы дисциплинарного воздействия.

III. АИС АПМ и дисциплинарная практика

В 2017 году законодатель путем дополнений, внесенных в ч. 3 ст. 50 УПК РФ, делегировал адвокатской корпорации право самой разработать порядок назначения защитника,

приглашаемого дознавателями, следователями или судьями. Такой порядок был утвержден Советом Федеральной палаты адвокатов РФ, и на его основании в настоящее время в Москве действуют «Правила Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ» от 30 сентября 2019 года. В этих Правилах указано, что обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством Автоматизированной информационной системы палаты (далее — АИС АПМ). О широких технических возможностях АИС АПМ, причинах ее появления и практике работы довольно подробно рассказано в статье члена Совета Адвокатской палаты города Москвы И.Е. Флейшмана «АИС АПМ. История развития. Функционал. Необходимость и неизбежность», размещенной на официальном сайте палаты[43].

Если же говорить только об основной сути интересующего нас направления, то использование АИС АПМ состоит в том, что инициатор (дознаватель, следователь, судья либо по его поручению помощник или секретарь) через портал АИС АПМ Москвы в разделе, созданном для вызова адвокатов по назначению, в электронном формате заполняет заявку, где указывается информация об органе, в производстве которого находится дело, сведения о конкретном контактном лице и способах связи с ним, данные о нахождении дела (судебный район, вид производства, стадия судопроизводства), а также информация о лице, которому требуется правовая помощь: его фамилия, имя и отчество, дата и место рождения, номер дела. Обязательно указываются дата и время проведения планируемого следственного или судебного действия.

Затем отправленная в АИС АПМ заявка в автоматическом режиме распределяется одному из адвокатов, зарегистрированному в системе как выбравшему форму непосредственного участия в делах по назначению. В обязанность такого адвоката входит постоянное отслеживание списка новых заявок, и в случае подтверждения ее принятия с последующим получением уведомления о назначении адвокат связывается с инициатором заявки для подтверждения даты и времени соответствующей явки.

Официальный переход всех адвокатов по назначению на работу через АИС АПМ состоялся 1 октября 2018 года. В настоящее время для них действует утвержденная президентом Адвокатской палаты города Москвы 20 августа 2022 года «Инструкция адвоката по работе в АИС АПМ». Об объеме выполняемой при ее помощи работы в интересующей нас сфере свидетельствуют следующие статистические данные: на 31 декабря 2021 года форму личного участия в делах по назначению избрали 2766 адвокатов, из которых 2576 фактически принимали на себя защиту в отчетный период. В течение 2021 года в АИС АПМ поступило 105 875 первичных заявок и 13 452 заявки в порядке замены. В среднем адвокату распределялось 54 поручения в год.

Понятно, что, помимо внедрения современного способа распределения дел по назначению и решения целого ряда иных задач, механизм использования АИС АПМ одновременно направлен на борьбу с упоминавшимися выше «карманными адвокатами», недобросовестно исполняющими свои профессиональные обязанности.

Практика назначения адвокатов за период с момента внедрения АИС АПМ в целом позволяет утверждать о положительных результатах, однако попытки обойти автоматизированные способы распределения заявок все еще встречаются, и в подобных ситуациях, чаще всего применяемых следователями и дознавателями, не желающими допустить в дело или устранить из него активного защитника, используются разного рода уловки. В немалом числе случаев попытки обмануть АИС, как и последующее поведение неправомерно вошедших в дело адвокатов, становятся предметом разбирательства дисциплинарных органов адвокатского самоуправления, вплоть до прекращения статуса отдельным представителям сообщества, наиболее грубо нарушающим этические правила и нормы.

Нами было произведено обобщение части заключений квалификационной комиссии и решений Совета Адвокатской палаты Москвы за период 2019–2022 годов, касающихся нарушения правил распределения дел по назначению с использованием АИС АПМ. Всего проанализировано свыше 200 эпизодов игнорирования установленных правил, нашедших отражение в дисциплинарных производствах.

Для начала отметим, что, вопреки возможной гипотезе о нарушениях, совершающихся молодыми, неопытными адвокатами, на самом деле среди наказуемых весьма большое число лиц со стажем 15–20 лет работы в адвокатуре и лишь 3 % из нарушителей ранее привлекались к дисциплинарной

ответственности.

Типичным наказанием в проанализированных делах являлись предупреждения, и только при повторении таких нарушений либо несоблюдении установленных правил вместе с иными серьезными прегрешениями статус адвокатов прекращался.

Из массы дисциплинарных нарушений рассматриваемой категории можно выделить несколько автономных групп, а именно:

— собственно нарушение порядка принятия поручения через АИС АПМ;

— несоблюдение требований процессуального закона, законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или предписаний органов адвокатского самоуправления, обязательных для адвоката, по отношению к своему подзащитному при вхождении в дело;

— то же, но по отношению к уже имеющемуся у подзащитного адвокату по соглашению или ранее приглашавшемуся защитнику по назначению;

— неоказание вообще или оказание некачественной юридической помощи доверителю при проведении следственных или судебных действий.

Естественно, что приведенные виды нарушений часто встречаются в дисциплинарных делах в совокупности.

В большинстве случаев поводом для возбуждения дисциплинарного производства становились жалобы лица, которое привлекалось к уголовной ответственности, и в начальный период расследования к нему с подачи следователя являлся некий защитник, склонявший к признательным показаниям либо уклонявшийся от оказания реальной правовой помощи. Еще один вариант — обращения позже вступивших в дело адвокатов по соглашению, недовольных появлением или качеством работы предшественника. В обоих случаях одним из доводов в пользу проверки добросовестности действий адвоката служили предположения или уверенность заявителя в нарушении правил вступления в дело в обход системы АИС АПМ.

Кроме того, поскольку в ходе борьбы с «карманными адвокатами» вырабатываются новые способы выявления допущенных ими злоупотреблений, особо следует выделить случаи, когда дисциплинарные производства возбуждаются по инициативе вице-президента палаты, направляющего свои представления на основе полученной палатой информации. Так, однажды был пойман за руку адвокат, который всего за несколько месяцев 2019 года в обход системы АИС АПМ по делам, находившимся в производстве мировых судей, являлся в процессы

88 раз, выступая в роли защитника 52 подсудимых. В другом случае адвокат неправомерно 69 раз посещала различные подразделения органов внутренних дел по делам 22 обвиняемых.

Несмотря на то, что представления вице-президента как повод для возбуждения дисциплинарного производства встречались всего в 5 % случаев, на их основе было выявлено свыше 150 эпизодов нарушений. Это делается порой путем сопоставления документов, предъявляемых на оплату работы по назначению с информацией, имеющейся в базе данных АИС АПМ. Обслуживающему АИС АПМ подразделению технической поддержки (IT-отделу) не составляет никакого труда установить, подавались ли заявки следственными органами или судами и выделялся ли тот или иной адвокат по соответствующему поручению.

К примеру, однажды нарушитель был выявлен посредством сравнения поступившего в московскую палату из самой крупной в столице Московской городской коллегии адвокатов сводного отчета об участии адвокатов адвокатских контор этой коллегии в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 51 УПК РФ для выплаты адвокатам дополнительного вознаграждения. При этом были также изучены платежные поручения Управления Федерального казначейства по г. Москве, на основании которых, наряду с упомянутым отчетом, выяснилось неоднократное участие адвоката Т. в делах по назначению в Головинском районном суде г. Москвы, за что он получал оплату. Выявление этих фактов легло в основу возбуждения дисциплинарного производства.

Отрадно отметить, что и добросовестные столичные коллеги, участвующие в исполнении поручений на защиту, активно включаются в борьбу с «карманными адвокатами». Интересен случай, когда проживающий рядом с одним из московских судов адвокат, избравший форму личного участия в делах по назначению и зарегистрированный в системе АИС АПМ, обнаружил, что к нему не поступают заявки из указанного суда. Тогда он с помощью анализа судебных актов, опубликованных на сайте этого судебного учреждения, выявил целый ряд дел, когда в процессах участвовали одни и те же адвокаты, и направил по этому поводу запрос в палату. Проведенная проверка установила, что некоторые из таких адвокатов действительно обошли АИС АПМ, что послужило поводом для соответствующего реагирования.

Что касается аргументации адвокатов, нарушающих установленные правила распределения дел по назначению, то чаще всего в первое время делались ссылки на заверения

следователей и сотрудников аппарата суда о якобы случившихся сбоях в АИС АПМ. На самом деле, как показали дисциплинарные разбирательства, указания на неполадки в работе АИС АПМ были лишь отговорками, опровергавшимися затем справками из IT-отдела о том, что система была работоспособной во время, на которое указал адвокат с подачи следователя или судейских работников.

Имеют также место и случаи оправдания адвокатов прямыми обращениями следователей, судей или родственников доверителя, будто бы вызванными острой необходимостью, без затрагивания темы о задействовании АИС. А также заверения о приеме заявки и правомерном вступлении в дело, что затем опровергалось сведениями из базы данных АИС АПМ, где такие заявки вообще не значились или распределялись, но другим адвокатам.

Более сложны для изобличения ситуации со ссылкой на наличие соглашения на оказание правовой помощи с адвокатом. Появляются вполне обоснованные подозрения, что «карманный адвокат», получив заверения следователя о приглашении его в будущие дела с неплохой оплатой, сам изготавливает соглашение с несуществующим лицом, внося затем в кассу довольно скромную сумму.

Некими «новеллами» за последнее время стали попытки обхода АИС АПМ с вхождением в дело под прикрытием соглашения с третьими лицами, неизвестными подзащитному. В такого рода случаях дисциплинарные органы исследуют всю совокупность собранных доказательств и зачастую приходят к выводу о вхождении адвокатов в дело с нарушением установленных правил. Здесь определенным подспорьем служит Разъяснение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года № 12 «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи — защиты по уголовному делу в пользу третьего лица», несоблюдение положений которого ложится в основу дисциплинарного обвинения, выдвинутого против адвоката-нарушителя.

Обстоятельно исследовав материалы дисциплинарного производства, Совет отверг доводы адвоката Е. о наличии у нее некоего «предварительного соглашения» с родственником обвиняемого и пришел к выводу о несоблюдении установленного порядка вступления в дело по назначению, поскольку:

— в представленном в уголовное дело ордере имелось указание на статью 51 УПК РФ как повод к участию в предварительном расследовании;

— следователем было вынесено постановление о назначении обвиняемому З. защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, а также направлено адвокату Е. и ее подзащитному уведомление об этом процессуальном решении с приложением копии постановления о назначении защитника;

— квалификационная комиссия и Совет по итогам анализа материалов дисциплинарного производства сочли установленным, что именно следователь предложил адвокату Е. явиться в следственный орган для осуществления защиты З.;

— предъявленное адвокатом Е. соглашение содержало ряд существенных изъянов, включая указание на один-единственный день оказания по нему юридической помощи;

— адвокатом не были выполнены предписания, содержащиеся в вышеупомянутом Разъяснении от 27 июня 2019 года № 12;

— оплата по соглашению не вносилась в кассу адвокатского образования;

— копия соглашения была представлена адвокатом Е. только накануне завершения дисциплинарного разбирательства.

Еще одном косвенным доказательством виновности, послужившим по сути отягчающим обстоятельством, в совокупности приведшим Совет к решению о необходимости прекратить адвокатский статус Е., стало то, что она при аналогичных обстоятельствах уже совершала подобные действия, причем происходили они в том же следственном отделе, за что ранее Е. привлекалась к дисциплинарной ответственности[44].

Наконец, получила распространение уловка некоторых недобросовестных инициаторов заявок, путем направления нового требования с умышленным искажением отдельных букв или цифр в анкетных данных обвиняемого избавиться от уже участвующего в деле защитника. В этом случае АИС АПМ воспринимает заявку как первичную, а явившемуся по такому распределению адвокату следователь или дознаватель внушает, что имела место техническая ошибка, которая никакого существенного значения не имеет и препятствием для вхождение в дело не является.

В дисциплинарной практике московских органов адвокатского самоуправления был случай, когда подобным манипулированием занимался суд. В одном из окружных военных судов слушалось большое групповое многоэпизодное дело, и председательствующий направил в АИС АПМ заявку для защиты по назначению одного из основных обвиняемых, а затем в том же порядке пригласил для него еще двух московских адвокатов, причем использовал для этого в целях обхода положений ч. 2 ст.

50 УПК РФ, по смыслу которой подозреваемому или обвиняемому может быть назначен только один защитник, разные варианты указания сведений о месте рождения подсудимого и о его отчестве.

Затем по предложению судьи три защитника распределили между собой явочные дни процесса, что устраивало всех участников судебного разбирательства до того дня, пока однажды ни один из адвокатов в суд не явился, что и стало поводом к обращению председательствующего в адвокатскую палату.

Выявив по итогам дисциплинарного разбирательства уважительность причин отсутствия адвокатов в указанный день, Совет в то же время усмотрел в их поведении своеобразную «двойную защиту» и обратил внимание адвокатов Л., Г. и М. на то, что они, одновременно выполняя функцию защитников подсудимого Б. по назначению, действовали вопреки требованиям уголовно-процессуального законодательства и Решения ФПА РФ от 27 сентября 2013 года «О двойной защите», согласно которому манипулирование правом на защиту, чем бы оно ни мотивировалось, недопустимо, а противоправное исполнение в угоду органам дознания, следствия или судам обязанностей защитников-дублеров следует рассматривать в качестве дисциплинарного проступка.

Во избежание в дальнейшем подобных случаев Совет Адвокатской палаты города Москвы утвердил Разъяснения от 18 октября 2021 года № 15 «Об отдельных вопросах участия адвокатов в делах по назначению», где сказано: «Недостоверность или отсутствие в заявке, поданной посредством АИС АПМ, любых сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело. При этом не имеет значения как причина отсутствия либо недостоверности сведений (техническая ошибка или намеренное искажение), так и степень их существенности. В частности, отсутствие или неправильное указание даже одного знака либо последовательности знаков являются основанием для отказа адвоката от вступления в дело. Адвокат, выявивший недостоверность или отсутствие указанных выше сведений, обязан письменно разъяснить инициатору заявки причины отказа от вступления в дело и необходимость подачи новой заявки с правильными данными, так как в противном случае не может быть обеспечен достоверный учет заявок и соблюдение принципа непрерывности защиты».

Далее отметим, что встречаются ситуации, когда при наличии формального нарушения существующих правил использования АИС Совет приходит к выводу, что оснований для

наказания адвоката нет. Так, исходя из материалов конкретного разбирательства, было установлено, что следователь возбудил в отношении задержанного за распространение наркотиков, совершенное путем размещения нескольких «закладок», сразу несколько уголовных дел — по одному на «закладку», явно стремясь таким образом улучшить свою отчетность перед руководством. Но заявку в АИС АПМ направил только одну, указав номер лишь одного уголовного дела. Явившаяся по такому вызову адвокат это обнаружила, но согласилась участвовать в следственных действиях по всем делам в отношении своего подзащитного, понимая, что в силу требований процессуального закона дела будут объединены в одно производство.

Совет, изучив дисциплинарные материалы, пришел к выводу, что адвокат не должна быть наказана, поскольку избрала оптимальный в сложившейся ситуации вариант поведения, и прекратил в отношении ее разбирательство, а вскоре разъяснил следующее.

Адвокат, принявший в установленном порядке посредством АИС АПМ к исполнению заявку об участии в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, может вступить в иное уголовное дело в качестве защитника того же лица по назначению без получения заявки посредством АИС АПМ при одновременном соблюдении следующих условий: иное уголовное дело расследуется тем же органом предварительного расследования, что и дело, по которому адвокатом была принята первоначальная заявка; фабула и уголовно-правовая квалификация деяния лица, которому адвокатом оказывается юридическая помощь, по иному делу и по делу, по которому адвокатом была принята первоначальная заявка, однотипны; имеются законные основания для соединения в одном производстве уголовного дела, по которому была принята первоначальная заявка, и иного уголовного дела[45].

Отметим далее, что значительное число дисциплинарных дел рассматриваемой категории и принятых по ним Советом решений приводится в подготовленных московской палатой тематических подборках, таких как «Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с порядком распределения дел по назначению», «Обзор за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с порядком распределения дел по назначению и “двойной защитой”, а также в подразделе «Решения по дисциплинарным производствам» официального сайта Адвокатской палаты города Москвы. Они служат ориентиром для работающих по назначению адвокатов, которые

могут найти прецедентные случаи, подсказывающие верные пути разрешения непростых порой задач, встречающихся в деятельности защитников.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что АИС АПМ вполне успешно справляется с возложенными на нее задачами. Но при этом нарушения установленного порядка вступления в дела адвокатов по назначению всё еще встречаются, и нельзя исключить, что разного рода уловки и ухищрения будут продолжаться и далее.

На наш взгляд, поставить заслон таким злоупотреблениям, помимо дисциплинарного воздействия, могли бы отказ в оплате работы по назначению, реализованному с несоблюдением установленных правил, а также признание контрольными ведомственными, надзорными и судебными органами недопустимыми тех доказательств, которые получены с участием адвоката, попавшего в дело неправомерным путем.

Случаи реагирования судебных инстанций на нарушения порядка назначения адвокатов в качестве защитников встречаются, причем иногда даже со ссылками на решения дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Так, Определение Московского городского суда от 01 ноября 2021 года по делу № 10-19464/2021 в числе прочего опирается на представленное в суд апелляционной инстанции решение адвокатской палаты, которым статус адвоката прекращен в связи с установленными в его действиях нарушениями законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности и ненадлежащим исполнением своих обязанностей перед доверителем Т., выразившимися в том, что адвокат в отсутствие заключенного в установленном порядке соглашения прибыл в следственный отдел и, не имея установленных законом оснований, приступил к защите в стадии предварительного расследования Т.

При таких обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу, «что в ходе предварительного расследования подозреваемый, а впоследствии и обвиняемый Т. квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника) фактически был лишен, следовательно, предварительное расследование, включая все следственные действия и предъявление обвинения, было проведено с нарушениями уголовно-процессуального закона, без защитника, участие которого в соответствии с уголовно-процессуальным законом являлось обязательным. Таким образом нарушено право Т. на защиту, что в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ влечет безусловную отмену состоявшегося судебного решения».

К сожалению, в настоящее время подобное реагирование происходит довольно редко, и органам адвокатского самоуправления приходится рассчитывать только на себя в деле избавления от несоблюдению порядка работы адвокатов по назначению и злостных его нарушителей.

Опубликовано на сайте
Адвокатской палаты города Москвы
в 2023 году

Наступательность как средство защиты

Прошли те времена, когда основным средством в работе адвоката-защитника являлось ходатайство и ему приходилось лишь надеяться на чудодейственную силу предписаний Нагорной проповеди: «Просите, и дано будет вам, ибо всякий просящий получает». Однако оппонирующие ходатаю обладатели карающего меча Юстиции, видимо, все как один были неверующими, и поэтому законодатель вооружил защитников куда более солидным арсеналом, а именно — предоставил право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, что теперь прописано в п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, отсылающей в свою очередь к перечню конкретных действий, перечисленных в ч. 3 ст. 86.

Конечно, хотелось бы более подробной юридико-технической проработки в законе полномочий защитника по сбору доказательств, но главная проблема видится даже не в этом. Сейчас, когда любые жесткие законодательные императивы в пользу стороны защиты агрессивно саботируются судебно-прокурорско-следственными органами (достаточно вспомнить апробацию недавних «президентских» дополнений ч. 1.1 ст. 108 УПК), необходима не только глубокая научная проработка процессуальных основ деятельности адвоката, но и активнейшее отстаивание всем адвокатским сообществом своих законных прав перед лицом недобросовестных апологетов обвинительного уклона и всяческого ущемления возможностей по представлению интересов наших подзащитных.

Именно такие мысли пришли в голову автору этих строк после ознакомления со статьей адвоката, доктора юридических наук А. Давлетова в «АГ», 2011, № 2. И хотя материал содержит некоторые весьма полезные в прикладном плане рекомендации, все же отдельные утверждения коллеги вызывают сомнения и дают повод для дискуссии.

Прежде всего, даже разделяя в целом высказанное сожаление по поводу недостаточной регламентации прав защитника, мы призываем отвергнуть базовый посыл, по сути обрекающий нас на безоговорочную капитуляцию: «…право на собирание всех доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, принадлежит органам уголовного процесса, но никак не адвокату-защитнику».

Здесь мне невольно вспомнился недавний случай из собственной практики, когда в ходе предварительного расследования следователи и активно поддерживавшие их «надзирающие» прокуроры в отказах в удовлетворении

ходатайств о приобщении важных для установления истины документов разъясняли защитникам, что те по закону вообще не имеют права собирать доказательства. А когда дело поступило в суд, государственный обвинитель потребовал от председательствующего отказать адвокатам в направлении судебного запроса в отношении аналогичных доказательств, поскольку защитники и сами правомочны это сделать, но от своей работы уклоняются.

Не секрет, что под противодействие защите подводится обстоятельная теоретическая база, причем избираемые ее разработчиками аргументы порой вызывают по меньшей мере удивление. Например, в «Комментарии к УПК РФ» под редакцией А.И. Бастрыкина касательно сведений, содержащихся в адвокатском опросе, заведомо констатируется, что они получены без предусмотренных уголовно-процессуальным законом (?!) гарантий их доброкачественности (М., 2008. С. 231). А в монографии Ю.П. Гармаева под красноречивым названием «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве» (М., 2005. С. 36.) на случай получения адвокатом в порядке ч. 3 ст. 86 УПК от третьих лиц предмета или документа, оправдывающего или смягчающего вину подзащитного, правоприменители заранее предостерегаются: с точки зрения источника получения такой предмет может вызывать **обоснованные сомнения, поскольку получен от заинтересованного лица — защитника** (здесь и далее выделено нами. — *К.Р.*).

Конечно, по логике таких авторов, только следователь чист и безгрешен и, конечно, никак не заинтересован в обвинительном исходе дела, а адвокат — это потенциальный «наперсточник». Но разве следует мириться с подобным порочным подходом?

Согласен, что принципы равенства и состязательности сторон носят более чем усеченный характер в реалиях досудебного производства, однако в рамках судебного разбирательства защитник вправе представлять собранные им вещественные доказательства, запрошенные справки и документы, письменные заключения привлеченных специалистов. Ничто не мешает пригласить на процесс свидетелей и специалистов, показания которых суд по закону обязан выслушать и оценить. Разве здесь есть противоречие с ч. 2 ст. 74? На самом деле «восприятие в штыки» всего, что найдено и предоставлено адвокатом, есть не столько проблема нормативной регламентации, сколько проявление правового нигилизма, с которым можно и нужно бороться, если всерьез рассчитывать на успех.

Так, например, что мешает исходя из положений ч. 2 ст. 84

относить как полученные адвокатом документы, так и подготовленные протоколы адвокатских опросов к такому виду доказательств, как «иные документы»? Напоминаю текст данной нормы: «Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, истребованные или представленные **в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса**». Кстати, именно такой подход предлагается и в одобренных 22 апреля 2004 г. Федеральной палатой адвокатов соответствующих «Методических рекомендациях по реализации прав адвоката».

Конечно, необходимое обоснование должно доводиться до суда (следователя, дознавателя, прокурора), если хотите — «вдалбливаться» в головы нашим процессуальным противникам. Положительный результат уже есть: одни случаи описаны в специальной литературе, другие попали на страницы «Бюллетеня Верховного суда РФ». Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, отменяя как незаконный приговор Ставропольского краевого суда, сослалась в обоснование своего решения на сведения, содержащиеся в протоколе опроса свидетеля адвокатом[46].

Нам известны любопытные примеры и «от обратного». Защита в качестве дополнительных материалов представила в кассационную инстанцию протоколы опроса ряда свидетелей. Судьи их отвергли, мотивируя тем, что «*дополнительные материалы не могут быть получены путем производства следственных действий*»[47]. И хотя такой вывод несколько парадоксален, но получается, что суд приравнял проведение адвокатского опроса к следственным действиям, которые, как известно, специфичны как раз своей направленностью на поиск, выявление и фиксацию доказательств. В иной ситуации наличие протокола опроса стало причиной вывода адвоката из дела: *«Из протокола судебного заседания видно, что адвокат Д., имевший соглашение на защиту К., объявленного в розыск, был допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам, связанным с проведением в его присутствии опроса К. другим адвокатом и представлением затем данных этого опроса суду»*[48]. Весьма показательно, что в обоих приведенных случаях, когда возникала необходимость воспрепятствовать в той или иной форме действиям защиты, у судебных инстанций не было никаких претензий к результатам документирования адвокатских опросов.

Стоит ли напоминать, что протокол опроса (впрочем, как и протокол допроса свидетеля) есть источник информации, основное назначение которой по общему правилу — быть

основанием для вызова и допроса гражданина в суде. Так следует ли выискивать изъяны в его оформлении, тем более что законодательство к этому документу никаких специальных требований не предъявляет?

На эту тему можно было бы подискутировать, если бы вопрос четко и однозначно уже не был решен Конституционным судом РФ, выбившим оружие из рук тех, кто необоснованно противодействует защитникам. Напомним: *«…исходя из процессуальных правомочий лиц, осуществляющих такой опрос,* **само по себе отсутствие процессуальной регламентации формы проведения опроса и фиксации его результатов не может рассматриваться как нарушение закона и основание для отказа в приобщении результатов к материалам дела»**[49].

Здесь же содержится и «лекарство от огорчения» для адвоката А. Давлетова, который усматривает некую ущербность в отсутствии уголовной ответственности лица за сообщение при опросе заведомо ложных сведений. Очевидно, высший орган конституционного контроля более снисходителен к нашему брату, поскольку уже около пяти лет назад вполне внятно разъяснил: *«Что касается утверждения об отсутствии в оспариваемой норме предписания о предупреждении лица, опрос которого проводит защитник, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и разъяснении ему права не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников, то* **наделение защитника таким правом означало бы придание — вопреки требованиям Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства — несвойственной ему процессуальной функции»**[50].

В этой связи хочется решительно возразить против некоей панацеи, которую многие теоретики и практики видят в предупреждении тех или иных участников судопроизводства об уголовной ответственности. По нашему глубокому убеждению, здесь в обязательном порядке (помимо случаев, прямо предусмотренных законодательством, например для предъявления ордера) должна действовать презумпция добропорядочности любого лица, независимо от его процессуального статуса. Иными словами — всякое утверждение в публичном процессе должно считаться истинным, пока не доказано обратное.

Вспоминаю, как некоторое время назад мне пришлось в одном из судов США участвовать в судебной процедуре, где основную роль играли мои американские коллеги, хотя нельзя было исключить ситуации, когда судья обратился бы ко мне за

разъяснениями. В этой связи я заранее сообщил коллегам, что помимо своего удостоверения могут взять с собой ордер, подтверждающий мои полномочия, а также соответствующую справку из своего адвокатского образования. В ответ я услышал: «*Не беспокойтесь. В нашем суде будет достаточно того, что Вы устно сообщите суду, что Вы адвокат и чьи интересы представляете*». Комментарии, как говорится, излишни.

Почему в этой связи у многих из нас укоренилась в сознании мысль, что только страх уголовной ответственности гарантирует правдивость показаний и иное правопослушное поведение? Разве закон обязывает следователя, принимающего дело к своему производству, давать подписку об ответственности за фальсификацию доказательств, а судью — за вынесение заведомо неправосудного приговора?

Пора с этим заблуждением массово бороться, в том числе путем отказа от использования многочисленных справок и бумаг, запасаемых в подтверждение банальных порой истин. В противном случае мы дойдем до широкого распространения абсолютно глупой ситуации, которую я наблюдал в одном из московских судов. Председательствующий отказал в приобщении к делу важного для защиты документа, полученного по адвокатскому запросу из коммерческой организации, поскольку (внимание!) подписавший ответ руководитель не был предупрежден об уголовной ответственности!! При этом судья естественно не смог придумать, за что же и для какого круга лиц должна была по его замыслу наступать такая ответственность, но зато твердой рукой отверг не без труда полученное доказательство невиновности.

Именно на такого судейского деятеля рискуют быть похожими те, кто в инструментарий защитника желает включить средства устрашающего воздействия. Еще как-то можно понять мотивацию неугомонного классификатора всех возможных и невозможных прегрешений представителей нашего сообщества Ю. Гармаева, который в разделе своей книги, посвященном праву защитника на привлечение специалиста, пишет: *«Только в компетенцию следователя входит удостоверение личности специалиста… предупреждение его об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК»*[51]. Конечно, по своеобразной логике прокурорского работника, лишь у человека в погонах хватает эрудиции, чтобы изучить служебное удостоверение и дипломы, тогда как «заинтересованному» защитнику этого доверить ну никак нельзя!

И посему вдвойне огорчительно, когда представитель адвокатского цеха, явно идя на поводу у недобросовестных

работников правоохранительных ведомств, фактически ратует за создание дополнительных и совершенно ненужных препятствий в деятельности защиты. Как еще можно расценить сожаление, что отсутствие в законе ответственности специалиста по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения (кстати, это положение сохраняется и в случае подготовки заключения по поручению стороны обвинения) **не позволяет ему** (заключению) **стать полноценным доказательством!**

Удивительно, но получается, что автор пренебрегает здесь не только мнением законодателя, который не счел уместным вводить подобные требования, но и позицией таких признанных авторитетов, как Конституционный суд РФ и Верховный суд РФ.

В первом случае мы апеллируем к Определению КС РФ от 21 октября 2008 г. N 514-О-О, в котором сказано: *«Согласно части третьей статьи 80 и частям второй и третьей статьи 86 УПК Российской Федерации сторона защиты вправе получить от специалиста заключение и представить его органам расследования и суду* **для приобщения в качестве доказательства к материалам уголовного дела»**. Не менее ясно высказался и недавний Пленум ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: *«Обратить внимание судов на то, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде,* **являются доказательствами по делу** *(часть 2 статьи 74 УПК РФ)… Заключение и показания специалиста подлежат проверке и оценке по общим правилам (его компетентность и незаинтересованность в исходе дела, обоснованность суждения и др.) и могут быть приняты судом или отвергнуты,* **как и любое другое доказательство».**

Спрашивается — зачем же ломиться в открытую дверь?

А корень зла, порождающий капитулянтские настроения, мы видим еще в одном исходном тезисе уважаемого коллеги А. Давлетова, с которым ни при каких обстоятельствах не можем согласиться. Из положений ст.159 УПК он усматривает **право следователя отказать «в исполнении любого ходатайства, каким бы важным оно ни было для защиты».** Это классический случай, когда правовая норма трактуется не по закону, а «по понятиям», агрессивно и настойчиво внушаемым представителям стороны защиты инквизиторами от правосудия, и — по неведомым нам до конца причинам — именно так воспринимается некоторыми соратниками по ремеслу. Неужели мы так смиренно будем соглашаться с навязываемой нам нигилистами линией поведения?

А куда девать уже, наверное, десятки, если не сотни,

разъяснений тех же Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, прецедентные решения Европейского суда по правам человека?

Чтобы далеко не ходить, процитирую Определение КС РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О, имеющее самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме: **«…уголовно-процессуальный закон исключает возможность произвольного отказа должностным лицом или органом, осуществляющим предварительное расследование, как в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, так и в приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела».**

Кстати, здесь уместно заметить, что далеко не всегда издевательство над законом и здравым смыслом проходит для наших процессуальных недругов бесследно. Яркий пример тому — решение ЕСПЧ от 11 декабря 2008 г. по делу «Мирилашвили против России», в котором защита активно использовала предоставленные ей законом возможности. Еще на стадии судебного следствия адвокаты на основании заключения привлеченных специалистов добились назначения повторной фоноскопической экспертизы, поставив под сомнение аргументы обвинения. Защита использовала и адвокатские опросы, которые были приобщены к делу, но затем опорочены судом как якобы недопустимые доказательства. По этому поводу Европейский суд в своем постановлении специально отметил: *«Доказательства, предложенные защитой, относились к делу и были важными. Кроме того, три рассматриваемых свидетеля были ключевыми свидетелями обвинения.* **Путем получения у них новых показаний защита пыталась не только представить доказательства невиновности, но и оспорить доказательства против заявителя**. *Суд заключает, что в особых обстоятельствах дела, а именно в обстоятельствах, когда заявитель не смог допросить несколько ключевых свидетелей в суде или, как минимум, на предварительной стадии,* **отказ принять их письменные показания и заявления, полученные защитой, был необоснованным***».*

В итоге ЕСПЧ было констатировано нарушение статьи 6 Европейской конвенции по правам человека (право на справедливое судебное разбирательство), что автоматически влечет за собой отмену приговора в силу требований ч. 5 ст. 415 УПК РФ.

И нам, полагаю, ничего не остается, кроме как активно защищать своих доверителей, использовать предоставленные законом возможности по собиранию доказательств и всеми

доступными средствами вводить их в уголовное дело. А разве кто-то обещал адвокату легкие пути?

Опубликовано в «Новой адвокатской газете» № 6 в 2011 году

Исторические параллели и адвокатские перпендикуляры (краткие заметки о критике, протестах и политике)

Содержащийся в Кодексе профессиональной этики адвоката (КПЭА) призыв к членам корпорации развивать традиции российской (присяжной) адвокатуры обязывает не только усваивать принципы, которыми руководствовались наши предшественники, но и изучать практику их работы, включая функционирование органов адвокатского самоуправления. Примеры подобного рода дают богатую пищу для размышлений, порой подсказывают возможные выходы из сложных современных ситуаций, демонстрируют интересные и поучительные аналогии с теми явлениями, которые наблюдаются в адвокатуре дня сегодняшнего.

1. О корпоративной критике

В апреле 2017 года состоялся VIII Всероссийский съезд адвокатов, скорректировавший статью 5 КПЭА, где сейчас говорится, что адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Такая трактовка позволила прессе утверждать, что представителям сообщества запретили публично критиковать адвокатуру.

Есть все основания полагать, что толчком к такой поправке послужило дело адвоката И.Л. Трунова, лишенного профессионального статуса за резкую критику некоторых явлений, наблюдавшихся в адвокатуре, но затем восстановленного судебным решением. Хотелось бы отметить, что в данном случае позиция дисциплинарных органов еще до суда не была одобрена известным правоведом, профессором С.А. Пашиным, отметившим в своем научно-консультативном заключении, представленном в Совет по развитию гражданского общества и правам человека: *«Выступления с критикой положения внутри адвокатуры, адвокатской палаты и ее органов, а также с критикой в адрес руководителей адвокатских образований (подразделений) и руководителей адвокатских палат являются реализацией неотъемлемых конституционных прав человека и гражданина: “распространять… убеждения и действовать в соответствии с ними”; пользоваться свободой мысли и слова;*

“*свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию*” *(ст. 28, ч. 1 и 4 ст. 29 Конституции РФ)»*. Здесь же было сказано, что лояльность к руководству («первым среди равных») и молчание о недостатках тем более нельзя возводить в корпоративный долг.

Видимо, не все усвоили данный урок, поскольку буквально в ходе подготовки настоящей статьи появилась информация, что за критический материал о развитии и состоянии современной российской адвокатуры автор лишился своего поста вице-президента. В нескольких номерах «Бюллетеня Адвокатской палаты Свердловской области» (№ 3 (55) за 2017, № 2 (58 за 2018), № 2 (62) за 2019) в разделе «Полемика» он стал публиковать части готовящейся к изданию книги с названием «Маленькие трагедии большой адвокатуры», где заговорил о «генералах от адвокатуры», создании плавно переходящего в вертикаль власти «министерства адвокатуры», больших и маленьких «бонзах», самодурстве руководителей.

В связи с такими негативными казусами полезно ознакомиться с тем, как обстояло дело с критикой у наших предшественников, при этом обратив внимание на удивительную схожесть с современностью некоторых описываемых ими явлений.

Изучение дореволюционной литературы показывает, что к деятельности служителей права общество того времени проявляло немалый интерес. Репортажи с судебных процессов пользовались большой популярностью, речи адвокатов по громким делам печатались в газетах. При этом едва ли не каждая публикация отчетов о работе советов присяжных поверенных сопровождалась их подробным разбором в прессе, причем критика на ее страницах звучала нередко весьма резкая и нелицеприятная.

Не оставались в стороне и практикующие юристы, в жарких спорах не жалевшие острых слов для характеристики наблюдаемых ими событий. На острие их едких высказываний зачастую оказывались непростые вопросы адвокатской нравственности, корпоративного устройства, обоснованности решений выборных органов.

Важно заметить, что основное правило, которого придерживались наши предшественники, сформулированное в одном из решений Московского совета присяжных поверенных, звучало так: *«У присяжных поверенных и их помощников не может быть отнято право, — действуя на поприще общественном и литературном, относиться со свободною критикою к явлениям их сословной жизни и характеризовать, согласно своему личному взгляду и убеждению, настроения, замечаемые ими в жизни*

сословия».

В то же время органы адвокатского самоуправления, выведенные, как следует полагать, из равновесия обилием критики и не всегда корректным ее изложением, допускали и дисциплинарное реагирование для излишне увлекающихся товарищей, вплоть до изгнания. Вот как по этому поводу высказался тот же московский корпоративный орган: *«Совет, на обязанности которого лежит, главным образом, охранение чести и достоинства сословия, не может допустить со стороны отдельных присяжных поверенных дурных и оскорбительных отзывов о целом сословии вообще. Если лицо, носящее звание присяжного поверенного, считает сословие, к которому принадлежит, не заслуживающим уважения, то оно должно оставить это звание. Человек, который публично делает неблаговидные отзывы о сословии и в то же время продолжает оставаться в нем и пользоваться теми выгодами, которые оно дает, заслуживает самого строгого порицания. Если сословие, к которому он принадлежит, дорожит своим добрым именем, то он не может быть терпим в этом сословии. Совет считает необходимым выразить это ясно и определенно, чтобы присяжные поверенные постоянно имели в виду, какого взгляда держится Совет в этом отношении».*

На что же жаловались присяжные поверенные и что подвергали критике?

Сошлемся на такого авторитета, как Иосиф Гессен, который в своем обстоятельном труде, посвященном истории корпорации[52], в 1914 году с явным огорчением писал о значительном числе представителей сообщества, преследующем цели исключительно денежной наживы, стремление к которой не останавливается ни перед какими нравственными соображениями ни при выборе клиентов, ни при употреблении средств защиты. Гессен не был одинок в своем беспокойстве, другой его коллега еще ранее пророчествовал: *«Нетрудно предугадать, что в близком будущем наша присяжная адвокатура, направляемая ремесленными идеалами и стремлениями к зашибанию копейки со стороны своих советов и корифеев, совсем обратится в промысел и ремесло, подобное маклерству или какому-нибудь комиссионерству, совсем удалится от общественной деятельности и забудет высокое, божественное призвание слова и красноречия».*

В брошюре частного поверенного М.Д. Кельмановича под названием «Адвокатская этика и разные юридические заметки», выпущенной в 1906 году, мы находим весьма резкие откровения: *«…Не следует утешаться тем, что в семье не без урода, так как в адвокатской среде слишком много уродов».* Этот же автор также

делает довольно пессимистичный прогноз: *«Вообще мы видим, что нравственность адвокатов каждый раз, так сказать, ухудшается <…> …дойдет до того, что порядочному человеку стыдно будет принадлежать к адвокатской корпорации».*

Пожалуй, дальше всех в претензиях к своему сословию пошел присяжный поверенный Санкт-Петербургской судебной палаты В.В. Птицын, когда в работе «Древние адвокаты и наши присяжные Цицероны», опубликованной в 1884 году сначала в журнале «Наблюдатель», а потом в вышедшей отдельным изданием брошюре, изложил собственные взгляды на состояние адвокатского сообщества того времени. При этом он не жалел для своих сотоварищей хлестких эпитетов и сравнений. Уделив в начале публикации место мастерству римских ораторов, Птицын перешел в атаку на современников: *«Когда оторвешься от изучения положения адвокатуры в классической древности и типов римских адвокатов и начнешь присматриваться и сравнивать с ними типы наших присяжных Цицеронов — присяжных поверенных и их помощников, и их общественную роль у нас, то невольно получается впечатление, как бы с высоты Олимпа, населенного богами, спускаешься в трактир для извозчиков с его постоянной публикой».*

Забегая вперед, скажу, что большинство коллег Птицына восприняли написанное негативно, даже ставился вопрос о привлечении его к дисциплинарной ответственности за очернение адвокатуры. Но были и такие, кто признавал определенную правоту в его умозаключениях и печальных выводах.

Полагаю, что на основании ряда выдержек из указанной работы, оставляемых нами без комментариев, каждый читатель сам сделает вывод о степени убедительности позиции автора и, возможно, найдет также некоторое сходство с теми процессами, которые мы наблюдаем уже в наши дни. А самые любознательные заинтересуются библиографией и откроют для себя богатый пласт литературы, авторами которой являлись присяжные поверенные — со своими острейшими спорами, жесткой критикой оппонентов, показательными примерами из судебной практики, оригинальными доводами, апеллированием к истории и иностранному опыту, использованием ярких художественных образов.

Итак, выдержки из работы присяжного поверенного В.В. Птицина:

«Руководят и заведуют у нас присяжными поверенными и помощниками их — советы. Если рассмотреть деятельность этих учреждений с точки зрения их общественного значения и пользы;

рассмотреть, какие идеалы и принципы внушают они, как развивают и по какой дороге ведут присяжную адвокатуру, стараются ли о расширении ее прав, добиваются ли необходимых реформ в ней, то придется сознаться, что советы, за все время своего существования, не дали нашей присяжной адвокатуре "ни мысли плодовитой, ни гением начатого труда", в самом горьком смысле этого прекрасного лермонтовского двустишия. Нельзя сказать, чтобы советы не делали попыток к преобразованию корпорации, к исходатайствованию прав и необходимых реформ, без которых она идет теперь к падению и опошлению. Но все это были такие редкие и ничтожные попытки, когда нужно было добиваться реформ неустанно и всеми средствами, со всеми жертвами; но для этого надо иметь "дух животворящий", а его искони не было у советов, учреждений мертвых, не общественных, а разве хозяйственных. "Работать и зарабатывать", "ладить с магистратурой" и "исполнять свой долг", т. е. не отказываться изредка от казенных уголовных защит, обыкновенно не стоящих, в смысле труда, и выеденного яйца для присяжных поверенных, вот, если можно так назвать их, вершковые идеалы и принципы, внушаемые советами руководимым ими корпорациям. <…> … Деятельность их напоминает писарскую и справедливо игнорируется как правительством, так и самими членами корпорации, не столь слепыми, чтобы не видеть внутренней бессодержательности своих советов, отсутствия с их стороны хороших примеров и образцов, достойных подражания, их самомнения…»

«Такое убогое состояние советов присяжных поверенных происходит от многих причин, но главным образом оттого, что попадающие туда старики из корпорации не считают себя обязанными работать без устали, без страха и упрека, чтобы оставить корпорации, после своей смерти, нечто хорошее, вечное, за что можно было бы помянуть их добром, а почивают там на лаврах, благо, по большей части, это люди обеспеченные. Из молодых же в советы пролезают чаще всего юркие люди, легко добивающиеся этого избрания среди общей и глубокой индифферентности корпорации к своим высшим интересам, люди, вся этика которых опирается на трех столбах: гонорар, куш, выгодное дело. От них и спрашивать нечего, ибо им ничего не дано».

«Про стариков присяжных поверенных было бы несправедливо сказать, что они махнули рукой на все добрые традиции. Правда, они по субботам в баню не ходят, по воскресеньям на клиросе не поют, говорить о "душеспасительном" не любят, предпочитая, — как знатоки и немножко мышиные жеребчики, — смаковать что-нибудь интимное по части клубнички. Но они, как более

обеспеченные люди, имеют досуг и для чтения, и для занятий литературой, не брезгуют наукой и искусством, добросовестно относятся к казенным (даровым) защитам, не хвалятся полученными кушами, вообще сравнительно скромны, не прочь давать добрые советы молодым товарищам, и также, подобно прежним ходатаям, каждый из них имеет свой собственный какой ни на есть семейный очаг, а иные и два очага, где они проводят свободное время. Многие из них производят впечатление оставшихся не у дел и выдохшихся либералов 60-х годов. Некоторые из них сентиментальны, амбициозны, любят, чтобы их считали великими людьми, за что-то потерпевшими, хотя они ничего не сделали и ни на грош не потерпели; но они все-таки много видали, интересуются политикой, литературой, общественными вопросами, и с ними интересно поговорить. У молодых же на лице, в речах, в образе их жизни, во всем решительно виден один ясный и простой девиз: "жрать надо!"»

«Но только всякий, кто, подобно мне, желает одного лишь хорошего нашей присяжной адвокатуре и надеется, что не всегда же эта профессия в России будет школой пошлости и падения, но что настанет пора, когда русские адвокаты завоюют себе если не такое же широкое общественное положение, какое теперь занимают французские адвокаты, то хоть похожее на него».

2. О сопротивлении

Трудно ошибиться, сказав, что и в наши дни отечественным адвокатам еще очень далеко до французских коллег, завоевавших у себя на родине заслуженное уважение не только юридического сообщества, но и значительного числа своих сограждан. Одна из причин — активное, не на бумаге, отстаивание профессиональных прав в случаях попыток их нарушений. Эту решимость французы демонстрируют и в наши дни, выходя с забастовками на улицы Парижа. За спиной у них богатый многовековой опыт сражений за корпоративную независимость.

В довольно суровые средние века король Генрих III (1551–1589), при котором, кстати, произошли трагические события, известные как Варфоломеевская ночь, приказал французским адвокатам обязательно записывать на составляемых ими юридических документах размер гонорара, полученного от клиента, но они весьма категорично осмелились воспротивиться его указу, и тот не вступил в действие. Когда же после этого подобный подход попытался реанимировать в 1602 году французский парламент, то свыше 300 адвокатов во главе со

своим батонье (председателем) заявили об отказе от своей профессии. Власти снова пришлось уступить.

За довольно короткий период, в течение 1731–1732 годов, адвокаты Франции трижды приостанавливали свою работу вследствие притеснений со стороны правительства, и каждый раз правда оказывалась на их стороне.

Известный историк и правовед Е.В. Васьковский, едва ли не с восторгом писавший о путях становления французского профессионального сообщества, употреблял такие выражения, как «процветание адвокатуры во Франции», а также на конкретных примерах доказывал: *«Если их сословию грозила какая-либо опасность, они немедленно соединялись вместе и общими силами отстаивали свои права и интересы».* По его мнению, адвокатуру этой страны развивал тот дух независимости и солидарности, который впоследствии дал ей возможность подняться на недосягаемую дотоле высоту. Рассказав о том, что французские адвокаты пережили феодальные порядки с господством кулачного права и эпоху просвещенного деспотизма с широким развитием инквизиционного процесса, Васьковский в своей популярной среди специалистов книге «Организация адвокатуры. Очерк всеобщей истории адвокатуры» (СПб., 1893) делает очень интересное заключение: *«Никогда адвокаты не обнаруживали в большей степени мужества и независимости при отправлении своих профессиональных обязанностей, чем в эпохи политических смут, брожения умов и разгара страстей, в те эпохи, когда, по-видимому, правосудие становилось жалкой игрушкой в руках политических честолюбцев, а справедливость обращалась в маску тирании».*

Что же тем временем происходило в Российской империи, вступившей в 1861 году на путь преобразований государственного устройства?

Вопреки расхожему мнению, далеко не всегда деятельность присяжных поверенных сопровождалась восторгами и овациями, а жизнь их была похожа на сплошной праздник. История сохранила для нас множество показательных к тому случаев — от анекдотичных до крайне печальных.

Так, товарищ председателя одного из московских судов удалил из зала заседаний присутствовавших там адвокатов, чтобы очистить место для дам. О другом конфликте было написано так: «*Недавно мировой судья одной столицы, рассердившись за что-то на присяжного поверенного, решительно, без всяких оснований приказал "вывести" его из камеры, что и было исполнено очень грубым и оскорбительным образом»*[53].

Но куда бол^ ьшую опасность являли собой нападки,

приводившие адвокатов к лишению свободы за свою профессиональную деятельность.

Присяжного поверенного А.И. Гиллерсона судили за непонравившееся властям выступление в суде в качестве защитника. Несмотря на то что отстаивать его интересы съехались члены сословия едва ли не из всех российских губерний, а также абсурдность обвинения, он был признан виновным и приговорен к году заключения в крепости.

Присяжный поверенный С.Е. Кальманович прибыл в Тамбов на заседание военного суда для защиты лица, обвиняемого в убийстве. Во время процесса подозвавший его к себе жандармский офицер заявил, что он арестован. Кальманович сообщил о произошедшем председательствующему. После этого суд удалился на совещание и вынес резолюцию о его освобождении от обязанности защитника. Затем присяжный поверенный был взят под стражу, дело было разрешено судом тут же, право принесения кассационной жалобы отвергнуто, смертный приговор приведен в исполнение.

В 1906 году в Иркутске был арестован весь состав Совета присяжных поверенных, и его функции перешли к окружному суду.

В 1914 году состоялся обвинительный приговор с осуждением к тюремному заключению в отношении большой группы — свыше двадцати пяти человек — участников общего собрания присяжных поверенных, голосовавших за принятие резолюции о направлении телеграммы защитникам Бейлиса, которая содержала протест против факта организации этого процесса.

Анализируя подобного рода случаи, Гессен резюмировал: «Аресты и высылки адвокатов стали явлением вполне обычным».

В таких условиях рекомендации советов своим членам при их столкновениях с грубостью и беззаконием со стороны представителей власти, в том числе судебной, согласно известной работе А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (1913), выглядели следующим образом: *«Адвокат должен быть скромен и корректен, но он должен обладать бесстрашием и энергией в отстаивании своего личного достоинства и своих прав. Смущаться возможностью бестактности судьи и только на этом основании поступаться своими законными интересами член присяжной адвокатуры не имеет права. Совершенно неосновательно поверенному полагать, что он имеет право безразлично относиться к мнению судьи о нем как о частном лице и члене сословия. Он может игнорировать мнение судьи о нем, пока оно составляет личное достояние последнего, но раз это мнение в форме оскорбительной судья выразил в публичном заседании,*

поверенный не имеет права относиться к этому безразлично, он должен защищаться против бестактности и неуместных выходок со стороны судьи. От этой обязанности не освобождает соображение относительно возраста и болезненности судьи, ибо суд существует вовсе не для того, чтобы болезнь и старость могли проявлять в нем свои слабые стороны. Кто стар и болен настолько, что не может владеть собою, тот имеет все основания оставить судейское кресло и передать его тому, кто умеет и может быть приличен и корректен».

Для самых острых конфликтов, задевающих честь и достоинство адвоката, здесь же содержится и разъяснение следующего характера: *«…Возможны и такие прискорбные случаи, когда столкновение председателя с защитой принимает характер, несовместимый с личным и профессиональным достоинством защитника; поставленный в такое положение присяжный поверенный может сделать только одно — заявить Суду о невозможности продолжать отправление своих обязанностей и удалиться из зала заседаний».*

Неудивительно, что ответные действия органов адвокатского самоуправления на притеснения далеко не всегда отличались нужной активностью. Перевешивало желание не обострять отношения с властью, и конформизм становился преобладающей идеологией.

В 1909 году министр юстиции И.Г. Щегловитов произнес в Государственной думе речь, содержавшую крайне резкую характеристику адвокатского сословия. Возмутившаяся этим группа присяжных поверенных подала в Совет заявление о необходимости созыва общего собрания, чтобы выработать меры реагирования. Совет обратившимся отказал, разъяснив свою позицию так: «*Созвать для обсуждения этой речи общее собрание представляется нецелесообразным, так как для членов сословия и без всякого обмена мнений вполне ясно, как им надлежит к ней относиться, а принимать по поводу этого акта какие-либо постановления в смысле протестов, для представления которого у сословия нет законного пути, едва ли было бы согласно с достоинством и интересами сословия*».

К чему приводит избыточная терпимость к проявлениям беззакония, говорит и следующий пример. В 1885 году в Киеве на судебных заседаниях председательствующий и один из членов суда постоянно останавливали присяжных поверенных, причем доходило до грубых окриков: «Молчать!» Обсудив на своем собрании ненормальное отношение суда к своим товарищам, киевские поверенные в числе двадцати шести человек направили письмо председателю в надежде, что конфликт будет сглажен.

Явно бывший сторонником более активных действий, Гессен писал затем по данному поводу, что «сдержанность и умеренность этого обращения не привели ни к чему», поскольку суд, найдя некоторые выражения из обращения неприличными для себя, составил обвинительный акт в целях привлечении обратившихся к уголовной ответственности.

Пассивность Совета сказалась и при попытке определенной части питерских присяжных поверенных отреагировать на страшные события 9 января 1905 года, когда у Зимнего дворца была расстреляна мирная демонстрация (Кровавое воскресенье). Согласно дошедшим до нас документам, отдельные группы присяжных организовывали собрания в целях выработки решений о проведении в знак протеста кратковременной забастовки. Резолюции таких собраний доводились до председателей соответствующих судов.

В эти же дни, как зафиксировал Департамент полиции, в Москве бастовали 250 присяжных поверенных. Волнения наблюдались и в других краях империи.

Однако Санкт-Петербургский совет присяжных, хотя и признал происшедшую трагедию «гнетущими и истинно горестными событиями», в то же время проявил беспокойство по иному поводу — о том, что в случаях забастовки были отложены слушания дел в судах, а поэтому осудил поведение активистов[54]. Особо адвокатская инициатива вызвала недовольство руководства, поскольку «все без исключения дела и вопросы внутреннего самоуправления сословия ведаются исключительно его органами: Советом и Общим Собранием Присяжных Поверенных». Вместо того чтобы самому возглавить и соорганизовать стихийно возникшее движение адвокатов, Совет в своей резолюции посетовал на бессистемные действия инициаторов забастовки. Впрочем, в оперативно вынесенном постановлении, разосланном 15 января членам столичной адвокатуры, до вольнодумцев было милостиво доведено, что они не будут привлечены за свои действия к дисциплинарной ответственности.

Справедливости ради следует отметить, что уже 30 января того же года общее собрание питерских присяжных поверенных, совершенно недовольное действиями своего Совета, единодушно приняло резолюцию, где говорилось, что его постановление идет вразрез с чувствами, одушевляющими сословие в настоящий переживаемый русским обществом момент; что оно, основанное на непроверенных и несоответствующих действительности данных и содержащее огульное осуждение многочисленной группы товарищей, является и по содержанию своему, и по тону

неуместным и оскорбительным. Многие участники собрания предрекали, что на следующем общем собрании члены Совета будут забаллотированы, и предлагали им немедленно подать в отставку. В итоге, когда страсти немного улеглись, лишь главный идейный вдохновитель и автор позиции, которая легла в основу раскритикованного затем постановления, известный адвокат Н.П. Карабчевский, на следующем перевыборном собрании не был избран и перестал входить в состав Совета присяжных.

* * *

Автор излагаемых заметок является убежденным сторонником решительных действий в ответ на нарушения прав адвокатов, которые в последние годы всё ширятся и приобретают самые уродливые и даже социально опасные формы. Мировой опыт протестного поведения убедительно показывает, что у адвокатуры есть неиспользованные резервы, потребность в использовании которых становится всё очевиднее. По данным очень интересного исследования Л.Б. Хвана, в разных странах по различным поводам, связанным с ущемлениями адвокатов, проводились митинги, забастовки, пикеты, манифестации, марши протеста и бойкоты. Причины таких действий автор в своей статье под названием «Забастовка: применимость и правомерность в адвокатуре» (2017) обосновывает весьма убедительно и со знанием дела: *«Адвокат — это прежде всего человек, он имеет резерв прочности, не бесконечный. Постоянное соприкосновение с несправедливостью, невозможностью повлиять на ситуацию вызывает особое чувство безысходности. В какой-то момент, исчерпав потенциал административных процедур и судебных инстанций, осознав всю циничность и ложь конституционных положений о правах и свободах человека, адвокат принимает решение обратиться к общественному мнению через традиционные формы социального протеста. Основной объект отстаивания в публичных акциях — это интересы судебно-правовой системы как самостоятельная социальная ценность».*

Современная российская адвокатура обладает некоторым опытом проведения протестных акций. Забастовки в связи с невыплатами за работу по назначению проводились в разные годы в Пермском крае, в Карелии, в Московской области. В 2012 году вопрос о забастовках целого ряда регионов рассматривался на совещании представителей адвокатских палат и адвокатских объединений. В Хабаровском крае в 2006 и 2009 годах проводились забастовки адвокатов в знак протеста против ареста

коллег. В Воронежской области оказалась действенной публикация проекта решения Совета палаты о прекращении в одном из следственных подразделений осуществления защиты по назначению, а также имел место точечный бойкот конкретного следователя.

На наш взгляд, только солидарность членов сообщества, проявляемая в конкретных ситуациях и осененная одобрением руководящих органов адвокатской корпорации, может стать действенным средством реального противодействия злоупотреблениям лиц, облеченных властными полномочиями. Никакие воззвания, обращения, жалобы и прочие разновидности вербального или эпистолярного негодования не дадут положительного эффекта. Все мы должны были еще со школьной скамьи усвоить из произведений известного баснописца, что пустые сотрясения воздуха никак и никогда не влияли на исправление злоумышленников («А Васька слушает, да ест…»), а посему «*нужно власть употребить*».

И если проводить аналогию с адвокатурой, то, наверное, говорить здесь следует о необходимости большей активности адвокатских палат, во власти которых всячески поддерживать своих членов, в том числе выступая организаторами протестных действий против всяческого беззакония. А не оставаться сторонними наблюдателями или даже порицателями коллег, кто так или иначе пытается действенно противостоять регулярным нарушениям прав адвокатов.

3. Адвокат и политические страсти

Изучение многогранного опыта присяжных поверенных стимулирует на обращение далее к теме допустимости проявления адвокатами своих политических пристрастий и взглядов, так или иначе затрагивающих их профессиональную деятельность.

Недавний по времени толчок к обсуждению проблемы дала ситуация с сочинским адвокатом Михаилом Беньяшем, пострадавшим от рук полиции и подвергнутым сначала административной ответственности, а затем ставшим и обвиняемым по уголовному делу. Беньяш специализируется на защите социально активных граждан, а сам он по результатам преследований был признан известной международной правозащитной организацией *Amnesty International* узником совести.

Когда его дело было придано огласке и широко освещалось в

СМИ, в адвокатском сообществе нашлись люди, кто стал упрекать Михаила в излишней политизированности, по сути едва ли не ставя ему в вину организованную против него полицейскую провокацию.

Так, на страницах «Адвокатской газеты» за 17 сентября 2018 года белгородский адвокат Б.А. Золотухин в статье под названием «Прикрытие политической деятельности статусом?» задался вопросом: была ли в рассматриваемом случае деятельность Беньяша адвокатской, преследовал ли он цель защиты граждан от полицейского произвола или у него были иные цели, объясняющиеся его политическими убеждениями?

Есть и пример совсем свежий. В связи с изменением 23 августа 2019 года меры пресечения ярославскому адвокату В.В. Зубкову с подписки о невыезде на заключение под стражу в социальных сетях было опубликовано обращение к руководству ФПА и региональной палаты с просьбой вмешаться. Большинство коллег такое обращение поддержало, но нашлись и те, кто припомнил принадлежность арестованного к партии «Яблоко» и усмотрел в призывах о помощи манипуляции общественным сознанием.

Отмечу, что, на наш взгляд, такого рода измышления, особенно во время, когда товарищи по профессии оказываются лишенными свободы, не имеют никакого смысла и прикладного значения, разве только если не считать реализацию намерений лиц, демонстрирующих подобные воззрения, уклониться от реальной помощи пострадавшему коллеге. Что на самом деле и происходит.

Конечно, следует признать, что существует позиция ФПА РФ, изложенная в заявлении ее Совета от 13 ноября 2018 года, где подчеркивается, что адвокатура находится вне политики и вправе высказывать позицию по политическим вопросам лишь в части возможного изменения правового положения граждан, защиты их прав и свобод.

Но вот ведь что очевидно — едва ли не все социально-экономические процессы, протекающие в России, да и в любой другой стране, связаны с правами и свободами граждан. И как здесь можно разделить то, что находится вне политики, а что внутри нее?

А самое главное, о чем нельзя никак умолчать в рамках нашего небольшого исследования, так это то, что продекларированный подход никак не увязывается с реалиями существования детей судебной реформы и отстаивавшихся ими идеалов и принципов.

Один из примеров, связанный с реагированием на события 9

января 1905 года, мы привели выше. Особо хочу выделить другой поступок присяжных поверенных, совершенный в связи с этой трагедией, показывающий, что они не считали для себя возможным стоять в стороне от происходящих в стране процессов. Уже 16 января того же года решением общего собрания была создана Комиссия присяжных поверенных из семи членов и двух кандидатов, кому было поручено «составить заключение о юридических вопросах, возникающих из означенных событий». В комиссии, поставившей своей целью собрать воедино показания очевидцев и дать правовую оценку произошедшему, вошли известные адвокаты М. Винавер, А. Турчанинов, О. Грузенберг, А. Пассовер. По результатам работы был сделан вывод, что на ряд лиц из административного и военного ведомств, включая санкт-петербургского градоначальника, полицмейстеров и околоточных надзирателей, начальников конных и пеших войсковых частей, должно «упасть обвинение» в ряде преступлений, объективная сторона которых была изложена в заключении.

Назовем также насколько других показательных случаев.

В марте 1901 года семь присяжных поверенных, включая таких известных, как В.Д. Стасов и Н.П. Карабчевский, совместно с большой группой деятелей культуры написали письмо с протестом против разгона студенческой демонстрации в Петербурге. 20 ноября 1904 года несколько десятков петербургских адвокатов вместе с представителями интеллигенции, в числе которых были Н.А. Бердяев, В.Г. Короленко, А.М. Горький, участвовали в антиправительственном митинге. В том же ноябре около четырехсот адвокатов Петербурга подписали резолюцию с требованием предоставления гражданам России свободы и равноправия.

Когда в марте 1905 года состоялся Всероссийский съезд адвокатов, объединивший две с половиной тысячи присяжных и их помощников, то было провозглашено, что он образовывался не только для объединения общественно-профессиональной деятельности адвокатуры, но и для достижения политического освобождения России на началах демократической Конституции. На этом съезде, несмотря на активное сопротивление полиции, был учрежден Всероссийский союз адвокатов. Некоторые участники съезда после его завершения вызывались в жандармское управление для выдвижения обвинения по статье 126 Уголовного уложения (участие в сообществе, цель которого ниспровержение существующего в государстве общественного строя — до 8 лет каторги). Как только об этом стало известно, в жандармское управление стали массово поступать заявления от адвокатов о принадлежности их к этому союзу, и привлечение

приостановилось.

На начавшийся 5 октября 1905 года Второй всероссийский съезд явилась полиция и силой заставила участников его прекратить. В числе вопросов, которые должен был рассматривать этот съезд, был вопрос бойкота думских выборов и отношение к забастовкам.

В Государственную думу различных созывов избиралось значительное число адвокатов, причем они не лишались статуса и могли по-прежнему практиковать. Достаточно сказать, что в III Думе председателем Судебной комиссии был знаменитый Ф.Н. Плевако. Избрание присяжных поверенных в Государственную думу различных созывов весьма положительно оценивалось И.В. Гессеном, он писал по этому поводу: «*…факт тот, что живая действительность уже успела оценить политическую деятельность адвокатуры*».

В ноябре 1904 года была вынесена резолюция общего собрания московских присяжных поверенных, представленная затем министру внутренних дел. В ней говорилось о необходимости обеспечения твердых гарантий свободы личности, мысли, слова, печати, вероисповедания, собрания и союзов при водворении строгой законности, что возможно только при представительном строе. В свою очередь, Совет Санкт-Петербурга, ратуя за «восстановление величественного здания судебных уставов», отмечал, что это может быть достигнуто «коренными преобразованиями государственного строя».

Как бы пророчески предвидя наши сегодняшние споры, И.В. Гессен пояснял, что, ходатайствуя о введении представительного строя, адвокаты вовсе не выходят за пределы чисто профессиональных задач. И делал важное уточнение: адвокатура выстрадала свое право на подобные заявления.

Полагаю, что следует поблагодарить этого авторитетного правоведа-ученого за то, что дал своим последователям ключ к пониманию ситуации сегодняшней, одновременно по сути пристыдив тех, кто как страус зарывает голову в песок, услышав о политической мотивации деятельности, носящей юридический характер: *«Чем меньше в стране законности, чем безудержнее господствует произвол, тем враждебнее и нетерпимее должны относиться власти к адвокатуре. А отсюда и политическая окраска, которой характеризуется профессия адвоката и которая подчас приобретает весьма яркие оттенки. Нужно твердо помнить: не профессия адвоката сама по себе, а такое или иное отношение к ней власти придает профессии то более, то менее яркий политический оттенок, порою застилающий самое существо профессии».*

Опубликовано в 2021 году

Адвокат — существо политическое

Страх, который не преодолела адвокатура

В последнее время все чаще звучат голоса коллег, осуждающих проявления политизированности в действиях сотоварищей по корпорации. И, что характерно, эти обличители, как правило, входят в состав тех или иных органов адвокатского самоуправления — что подразумевает восприятие их мнения как «руководящего и направляющего» для рядовых членов сообщества.

Правда, аргументы их сводятся в основном к пугалкам на тему непродуманности последствий «политических» действий. И к навешиванию на коллег различных ярлыков: популизм, критиканство, завоевание дешевого авторитета, преобладание политического интереса над профессиональным, отсутствие конструктивности… Как известно, если противник заклеймен «позором и нехорошими словами», то никаких содержательных доводов можно уже и не приводить. Такова отработанная методика борьбы с внутрикорпоративными нигилистами, вольтерьянцами и карбонариями, короче — бунтовщиками.

Сей не новой (и притом весьма сомнительного рода) критике можно было бы и не уделять драгоценного времени, если бы арсенал ее авторов не пополнился аргументом (спущенным сверху?) об исторических уроках политизированности адвокатуры. Наши предшественники — присяжные поверенные, активно занимавшиеся «политическими» судебными процессами, — обвинены в солидарности с подсудимыми, наивности и недальновидности. Это якобы и привело их к «расплате собственной жизнью, жизнями близких и друзей за моральную и материальную поддержку Октябрьского переворота и его творцов». Некоторые договорились до того, что вовлечение представителей адвокатуры в политическую деятельность стало едва ли не кардинальной причиной революционных изменений в России.

Представляется, что в предлагаемой «исторической» конструкции куда больше лукавства, чем аналитики, основанной на фактах. Поэтому вместо погружения в весьма вольные умозаключения и версии лучше обратиться к документам, вышедшим из-под пера самих присяжных поверенных.

В первую очередь вынужден напомнить, что о причинах тяготения наших предшественников к политическим явлениям в

жизни государства вполне однозначно высказался присяжный поверенный и ученый Иосиф Гессен: «Чем меньше в стране законности, чем безудержнее господствует произвол, тем враждебнее и нетерпимее должны относиться власти к адвокатуре. А отсюда и политическая окраска, которой характеризуется профессия адвоката и которая подчас приобретает весьма яркие оттенки. Нужно твердо помнить: не профессия адвоката сама по себе, а такое или иное отношение к ней власти придает профессии то более, то менее яркий политический оттенок, порою застилающий самое существо профессии».

Осмелюсь утверждать, что это высказывание не потеряло своей актуальности и в наши дни.

Несколько по-иному, но по сути о том же высказался присяжный поверенный Максим Винавер в работе, где анализировалась роль адвокатуры в построении правового государства: «Адвокатура нигде и никогда не имела политических целей в истинном смысле слова, но она везде и всегда — по свойству своей основной функции — оказывалась союзницей тех политических партий, девизом которых являлось раскрепощение человеческой личности от гнета власти». Кстати, сам М. Винавер был одним из лидеров Конституционно-демократической партии и депутатом I Государственной думы Российской империи.

Доминирующая роль адвокатуры во всякой борьбе

Органы адвокатского самоуправления также не оставались в стороне от политических веяний. В одном из решений Московского совета присяжных поверенных разъяснялось: «Борьба, да еще принципиальная, — это такое законное и естественное явление социального быта, без которого была бы немыслима никакая общественная эволюция, невозможен был бы и человеческий прогресс.

И если в такую борьбу втягиваются люди либеральных профессий, то такое явление можно только приветствовать. Сословие присяжных поверенных по самой природе вещей должно выделять из себя готовые кадры наиболее испытанных и способных борцов за высокие общественные идеалы, ибо нет такой профессии, которая так же близко соприкасалась бы со всеми сторонами нашего быта и воочию убеждалась бы в его истинных потребностях и нуждах; если прибавить к этому культивируемую в нашем сословии привычку к публичному слову

и приобретаемую в судебных состязаниях боевую опытность, то доминирующая роль адвокатуры во всякой борьбе, захватывающей общественные интересы, совершенно понятна».

Странно, что остракизму сегодняшних критиков до сих пор не подвергся сам великий Ф.Н. Плевако, избиравшийся в Государственную думу и возглавлявший там Судебную комиссию. Он был делегирован туда от весьма авторитетной политической партии «Союз 17 октября», выступавшей за демократизацию существовавшего строя в рамках свобод, дарованных царем.

Те же критики могли бы бросить камень и отнести к категории «политизированных коллег» и знаменитого адвоката современности Дину Каминскую, смело защищавшую во времена СССР обвиняемых по «антисоветским» делам. Возьмем утверждение коллеги Оксаны Садчиковой в недавней статье «За право, а не за революцию» о крайностях, по ее мнению, не соответствующих профессии защитника:

«…когда адвокат излишне солидаризуется со своим доверителем и перестает отличать цели своей работы от политических целей своего подзащитного». И сравним с тем, что Д. Каминская написала в книге «Записки адвоката» — о себе и о тех, кто доверил ей свою судьбу: «Это были люди, легально боровшиеся за соблюдение законных и естественных прав человека. Я не просто разделяла их взгляды. Я считала, что они открыто и по велению чувства долга борются за то, за что мы — юристы — призваны бороться в силу самой нашей профессии. Защищая их, я считала, что и сама в какой-то мере участвую в этой борьбе».

Как говорится, почувствуйте разницу…

Лучшие адвокатские силы

Пойдем далее. Упомянутая коллега О. Садчикова трактует в пользу отстаиваемой ею позиции решение Совета присяжных поверенных Санкт-Петербурга, не одобрившего тех своих членов, кто в связи с трагическими событиями 9 января 1905 года отказался участвовать в судебных процессах или призывал к их бойкоту. Данный случай ранее подробно рассматривался в статье «Исторические параллели и адвокатские перпендикуляры». Здесь же я вынужден напомнить, что главный идейный вдохновитель постановления с осуждением забастовок — известный адвокат Н.П. Карабчевский — на следующем выборном собрании был раскритикован, забаллотирован и перестал на какое-то время

входить в состав Совета присяжных. А само собрание выразило сожаление по поводу необдуманного постановления, признав его также оскорбительным по тону и содержанию.

Этот пример показывает, что большинство наших предшественников были против конформизма, ставшего столь популярным в наше время.

Сам Н.П. Карабчевский после революции эмигрировал за границу, где написал книгу «Что глаза мои видели». Там есть строки, очень полезные для правильного уяснения анализируемого феномена: «Свободное, самоуправляющееся сословие адвокатов при самодержавном бюрократическом строе, конечно, являлось большой аномалией <…>. Явно противоположные общественные задачи не могли не ставить адвокатуру в противоречие с видами и чаяниями правительства, и вполне естественно, что вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью систематически оппозиционною».

Сказанное не было откровением для членов сообщества. Вспомним историю присяжного поверенного Н.К. Муравьева — современники с полным основанием относили его к «лучшим адвокатским силам», притом что он принимал самое активное участие в политических процессах того времени. В июне 1906 года Муравьев вместе с коллегами отказался от работы по делу о Севастопольском восстании Черноморского флота — в знак протеста против судейского произвола. Вместо этого он прибыл в Санкт-Петербург, где от имени защиты выступил перед депутатами I Государственной думы. «Самые элементарные понятия о праве, усвоенные не только нами, юристами, но ставшие неотъемлемым достоянием всякой культуры, были попраны, брошены в грязь грубой рукой высших местных властей, преступно забывших о праве, привыкших к безграничному произволу, — заявил тогда Муравьев. — При нашем участии хотели сотворить расправу над людьми, брошенными на скамью подсудимых без всякого разбора, без необходимого, требуемого законом обряда предания суду, без которого сидящие за судейским столом — не судьи, занимающие скамьи обвиняемых — не подсудимые».

Страх и отторжение

Как видим, политизированность присяжных поверенных — впрочем, как и определенной части коллег в настоящее время —

была вызвана совершенно объективными причинами, а вовсе не их личными амбициями и стремлением самоутвердиться. Но даже при этих условиях упрекать наших активных предшественников в том, что они сыграли какую-либо существенную роль в приходе к власти большевиков и последовавших за тем репрессиях, по меньшей мере наивно.

Дважды арестовывавшийся чекистами и в итоге высланный из России известный философ Н.А. Бердяев не питал никаких пристрастий к советской власти. Но, осмыслив произошедшую революцию, в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он написал, что большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим движением, соответствующим всей ситуации, сложившейся в России в 1917 году. А также *«наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием.* **Это было определено всем ходом русской истории** (выделено мною. — *К. Р.*)*»*.

Находившийся в тот период в самой гуще событий Л.Д. Троцкий также констатировал, что все предшествующее социальное развитие России делало революцию неизбежной. Если желающие посмотрят 450-страничный сборник работ Л.Д. Троцкого под названием «К истории русской революции» (М.: Политиздат, 1990), где он довольно подробно описывает события и движущие силы Февральской и Октябрьской революций 1917 года, то слов «адвокат» или «присяжный поверенный» они там не найдут.

Адвокатура в массе своей революцию не приняла. В декабре 1917 года присяжные поверенные Санкт-Петербурга на общем собрании единодушно осудили произошедший переворот. А несколько позже, в сентябре 1918 года, Народный комиссариат юстиции инициировал собрание адвокатов Петрограда с целью приглашения их в сформированную коллегию правозащитников. Резолюцией собрания такое предложение было отвергнуто.

В свою очередь, Харьковский совет квалифицировал взятие власти большевиками как преступное покушение на суверенные права народа.

В обоих приведенных случаях о принятых резолюциях с осуждением захвата власти сообщалось широко и повсеместно. Вероятно, это и было первопричиной последовавших потом репрессий представителей адвокатского сообщества. Чтобы лучше понять происходившее, следует вспомнить объяснение историка и теоретика адвокатуры Е.В. Васьковского: «…сословие адвокатов, представляя собой часть социального целого, не в состоянии

уберечься от общей участи, как бы хороша ни была его внешняя организация». И та же участь, как известно, постигла и иные слои интеллигенции — ученых, инженеров, врачей, преподавателей, писателей.

Поэтому когда наши оппоненты приводят пример с трагически погибшим от рук чекистов присяжным поверенным И.М. Ковшаровым (причисленным уже в наши дни к лику святых), то следует напомнить, что по тому же делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей были преданы суду 86 человек из самых разных сословий. Из них 22 были оправданы, четверо расстреляны, остальные приговорены к различным срокам. Среди казненных, кроме И.М. Ковшарова и двух священнослужителей, находился преподаватель права, профессор Санкт-Петербургского университета Ю.П. Новицкий. Кстати, выступая на процессе, он отметил, что среди обвинителей узнал своих учеников.

Размышляя сейчас об уроках этой трагедии и многих ей подобных, хочется спросить: а от чего гипотетически можно было бы предостеречь юристов, если кому-то в свое время удалось бы стать провидцем? И.М. Ковшаров, будучи истинным присяжным поверенным, все равно наверняка не отказал бы в профессиональной помощи обратившимся к нему за защитой, независимо от их политических взглядов и пристрастий. Ю.П. Новицкий не прогнал бы со своих лекций революционно настроенную молодежь.

В своих воспоминаниях Н.К. Муравьев делится размышлениями на затронутую нами тему. Он пишет: «Политических защитников можно, конечно, упрекнуть в том, что они выпестовали, проглядели “роковые яйца”, из которых вылупились новые тираны. Но они-то были против тирании, любого вида ее. И если “роковые яйца” просто было бы отличить от прочих, то и не были бы они роковыми». Думаю, к этим словам одного из корифеев российской присяжной адвокатуры следует особо прислушаться тем, кто пытается печальную участь значительной части наших предшественников едва ли не поставить им самим в вину.

Здесь же нельзя не отметить, что далеко не все представители присяжной адвокатуры не приняли советскую власть. В Москве, к примеру, на апрель 1923 года из 440 членов Московской коллегии защитников 322 человека (т. е. 73 %) ранее были либо присяжными поверенными, либо помощниками присяжных поверенных.

Думается, что уроки истории должны были бы извлечь скорее правители тогдашней России и их сановники. Об их деятельности едва ли не с ужасом докладывал тот же Н.К. Муравьев,

назначенный Временным правительством председателем Следственной комиссии по делам министров царского режима.

В завершение темы вернемся к истокам рассматриваемой проблемы, чтобы признать правоту древнегреческого философа Аристотеля, аксиоматично провозгласившего, что человек по природе своей есть существо политическое. И если никто не будет оспаривать, что адвокат — это тоже человек, то из двух предложенных посылов мы выводим простой силлогизм. Адвокат — существо политическое, как бы этому ни противились под разными предлогами некоторые представители корпорации, независимо от занимаемых ими постов. Им намного полезнее было бы задуматься над словами еще одной легенды адвокатуры современного этапа развития нашей страны — московского адвоката Бориса Золотухина. В одном из сборников серии «Адвокаты свободы» (включенном, кстати, в раздел «Литература» на официальном сайте ФПА РФ) он написал: «Крушение коммунистической диктатуры в августе 1991 года открывало безграничные возможности для взрыва общественной деятельности российской адвокатуры — адвокаты могли оказаться самыми активными созидателями правового государства во всех ветвях власти, а институт адвокатуры в целом — надежным оплотом демократии. К сожалению, этого не случилось. Адвокатура так и не смогла преодолеть сделавшийся генетическим страх открытого заявления политической позиции».

Думаю, что именно неспособность такого преодоления порождает страшилки из серии «…вовлеченность адвокатуры как института в политику чревата для нее тяжкими последствиями вплоть до потери независимости».

И пока этот генетический страх и отторжение всякой протестной корпоративной активности преобладают и культивируются, судебные приставы безнаказанно будут продолжать вытирать адвокатами грязный пол в коридорах судов или крушить их головами рамки металлоискателей; полицейские — массово не пускать защитников к административно задержанным и применять физическую силу; следователи — возбуждать фальсифицированные дела, проводить незаконные обыски на рабочих местах адвокатов и предъявлять им абсурдные обвинения.

Опубликовано в 2021 году

Адвокату допустимо участвовать в ОРМ, но только в случае крайней необходимости

После появления Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 КПЭА некоторые коллеги сочли, что таким образом выражается полное одобрение участия адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях и теперь отдельные представители нашей корпорации начнут заниматься этим весьма активно. Полагаю, что такое мнение ошибочно. Чтобы разобраться в проблеме, нужно рассмотреть историю вопроса.

Убежден, что законодатель, включая в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» формулировку «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается» (п. 5 ст. 6), имел в виду недопустимость агентурной работы адвоката на постоянной основе, а не запрет на любые деловые контакты с сотрудниками силовых ведомств, имеющих право на оперативно-розыскные действия. В конце концов, не следует забывать, что при представлении интересов потерпевшей стороны наши интересы с интересами правоохранительных органов зачастую совпадают. В одном из комментариев к Закону об адвокатуре по этому поводу сказано: «Агентурные услуги, запрещенные адвокату, нельзя смешивать с его работой, предусмотренной законодательством. Она регламентирована в комментируемом Законе и УПК РФ. Адвокат со стороны потерпевшего может участвовать в уголовном преследовании обвиняемого; обслуживая юридическое лицо, он может быть инициатором и активным участником уголовного преследования»[55].

Между тем в практике дисциплинарных органов таких регионов, как Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Волгоград, Краснодарский край, стали встречаться ситуации, когда действия адвокатов оценивались по-разному, вплоть до лишения статуса.

Один такой случай, ставший известным автору как члену квалификационной комиссии, состоял в следующем[56]. В адвокатскую палату обратился представитель привлеченного к уголовной ответственности К. и потребовал наказать в дисциплинарном порядке адвоката К-ва за то, что тот участвовал по предложению органов дознания в производстве негласной записи разговора, которая затем легла в основу обвинения К. в

вымогательстве. В ходе дисциплинарного разбирательства выяснилось, что адвокат К. длительное время занимался юридическим обслуживанием российских дочерних предприятий известных японских фирм. В определенный момент его работы со стороны генерального директора российской компании К. поступило незаконное требование о передаче ему 20 млн руб. Разъяснив ситуацию руководителю японской фирмы, у которой вымогали деньги, он в полном соответствии с пожеланиями клиента написал заявление о преступлении и затем принял участие в оперативном эксперименте по предложению сотрудников ОБЭП, чтобы изобличить преступника.

Квалификационная комиссия, изучив представленные заявителем материалы, возражения адвоката, имеющуюся на тот момент судебную практику и зарубежный опыт, пришла к выводу, что основания для привлечения К-ва к дисциплинарной ответственности отсутствуют. Комиссия заключила, что адвокат был приглашен для оказания юридической помощи, действовал согласованно с руководством группы компаний «П-к» и строго в их интересах. В ходе оказания такой помощи, изначально сводившейся к попытке разобраться в возникшем конфликте между юридическими лицами, были выявлены признаки уголовно наказуемого деяния, скрывавшегося под видом спора хозяйствующих субъектов. Поэтому участие адвоката К-ва в дальнейшем развитии событий, связанных с документированием и изобличением противоправных действий, направленных против его доверителей, является вполне логичным и оправданным, осуществленным с согласия и при содействии руководства компаний группы «П-к». При этом из материалов дисциплинарного производства усматривается, что именно К. активно вовлекал адвоката К-ва в процедуру передачи ему денег, которая затем была квалифицирована как вымогательство.

Аналогичный подход продемонстрировали и дисциплинарные органы АП Московской области, отметив в сходной ситуации, что «…адвокату К. было предложено совершить преступление — передать денежные средства от его доверителя следователю. Поэтому, действуя в интересах доверителя, адвокат участвовал в гласном сотрудничестве с органами, осуществляющими ОРД»[57].

Важно отметить, что такого рода позиция разделяется и судебной практикой. Когда в одном из регионов адвокат за подобные действия был лишен статуса, он обратился за судебной защитой, и судебные органы его поддержали. В апелляционном определении от 29 марта 2013 г. по делу № 33-3105/2013 Волгоградский областной суд указал: «Учитывая действующее

законодательство, адвокатам запрещается негласно сотрудничать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе по контракту, иных запретов на участие адвокатов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности ни Закон об оперативно-розыскной деятельности, ни Закон об адвокатуре и адвокатской деятельности не содержат. Суд обоснованно пришел к выводу о том, что при принятии решения об установлении в действиях адвоката Г. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката и привлечения его к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения статуса адвоката Совет Адвокатской палаты должен был с достоверностью установить, что со стороны адвоката осуществлялось негласное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в понимании положений Закона об оперативно-розыскной деятельности, то есть на конфиденциальной основе по контракту. Поскольку оснований для признания данных действий негласным сотрудничеством, влекущим нарушение положений Кодекса профессиональной этики адвоката и законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ, не усматривается, суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что в данном случае имеет место оказание со стороны Г. помощи в раскрытии преступления, совершенного другим лицом».

Аналогичным образом Московский городской суд в апелляционном определении от 15 мая 2014 г. по делу № 10-4294 указал следующее: «Доводы апелляционной жалобы защитника Ф-вой о том, что К. являлся агентом полиции, судебная коллегия находит необоснованными, поскольку по делу таких обстоятельств не установлено, а участие К. в оперативно-розыскном мероприятии не противоречит положениям закона, в том числе Закона об адвокатуре, поскольку положения ст. 6 указанного Закона, как вытекает из принципов, положенных в основу данного Закона, запрещают негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, вопреки интересам представляемых им лиц».

Полезно также сослаться на опыт в рассматриваемой сфере других государств. Как разъяснила юрист, практикующая в Великобритании, там нет запрета на сотрудничество с полицией и иными государственными органами. Наоборот, это даже поощряется при условии, что не нарушена конфиденциальность — основной принцип отношений между юристом и клиентом. Тем не менее необходимо непременно уведомить регулирующий орган (в Англии это SRA — *Solicitors Regulation Authority*) и

получить письменное подтверждение от него для снятия с себя рисков и ответственности.

Применительно к США, где накоплен богатый опыт разработки корпоративных правил, наряду с существованием автономного законодательства каждого штата тема негласного содействия адвоката представителям власти обстоятельно рассматривалась в разрезе вставшего не единожды вопроса о принципиальной допустимости ведения скрытой записи каких-либо бесед и переговоров. По данному поводу Научно-исследовательской службой Конгресса США был подготовлен обзор под названием «Прослушивание телефонных переговоров, использование записывающих устройств и вопросы профессиональной этики юристов»[58], в котором указано, что в 1974 г. Американская ассоциация юристов (ААЮ) заключила, что скрытая запись разговоров, осуществляемая без информирования или в отсутствие согласия всех их участников, является нарушением этического запрета, установленного в отношении поведения, связанного с совершением «бесчестных, мошеннических, обманных или вводящих в заблуждение действий». Однако ААЮ сделала оговорку, согласно которой записи, осуществляемые правоохранительными органами в условиях судебного надзора, могут не являться нарушением каких-либо этических норм. Проведенное впоследствии изучение практики показало, что единого подхода к разрешению обозначенного вопроса при рассмотрении вопросов профессиональной этики адвокатов не выработано. В то же время, исходя из общего правила о недопустимости ведения адвокатом скрытой записи, ряд штатов (Аризона, Айдахо, Канзас, Кентукки и некоторые другие) предложили расширенный список исключений, предусматривающих при определенных условиях возможность записывания переговоров и бесед защитником по уголовным делам, допустимость записи на пленку высказываний и заявлений, которые сами по себе являются преступлениями, например предложений взяток или угроз и т. д. Комитет по вопросам профессиональной этики штата Техас к таким исключениям для адвокатов относит чрезвычайные обстоятельства, когда сотрудники местных органов прокуратуры и иных правоохранительных органов, действуя по указанию генерального прокурора штата или главных окружных обвинителей, организуют скрытое ведение записи при условии, что их действия осуществляются в строгом соответствии с установленными законом ограничениями с соблюдением конституционных норм. Постоянный комитет штата Виргиния в 2000 г. рассмотрел возможность применения действовавшего на

тот момент времени правила, налагающего безусловный запрет на несогласованное ведение записи на пленку в отношении правоохранительной деятельности, осуществляемой под прикрытием, и пришел к заключению о его неприменении в дальнейшем.

Возвращаясь к отечественной практике, заметим, что после создания Комиссии ФПА по этике и стандартам в ее повестке дня появился вопрос о необходимости выработки разъяснений, при каких именно условиях адвокату все же допустимо принимать участие в оперативно-розыскных мероприятиях. По сути созданного для адвокатского сообщества ориентира речь должна идти, как обоснованно отметила комиссия, о некой ситуации крайней необходимости, когда адвоката некем заменить, а его действия направлены исключительно на защиту прав и законных интересов доверителя. То есть на реализацию той самой конституционно значимой функции, ради которой и существует адвокатура.

Опубликовано в «Адвокатской газете»
в 2018 году

Росадвокатнадзор: Государству нужны персональные данные адвокатов

БЕЗУМИЕ ИЛИ БЕЗРАССУДСТВО

Согласно пояснительной записке, цель законопроекта[59] — «повышение гарантий реализации предусмотренного статьей 48 Конституции права граждан на получение квалифицированной юридической помощи». Для этого Минюст предлагает ряд изменений, которые, на мой взгляд, можно условно разделить на три категории: разумные, провластные и безумные.

Разумные предложения здесь действительно присутствуют: введение единой Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР), запрет принимать поручение только для направления адвокатского запроса и ряд других. Сюда же можно отнести правило, что руководителем адвокатского образования может являться только адвокат.

Провластные инициативы в законопроекте со всей очевидностью преобладают. Например, предоставление органам юстиции возможности в судебном порядке обжаловать решения советов адвокатских палат — если дисциплинарные производства возбуждались по их представлениям. Или утверждение той же госструктурой положения о порядке сдачи экзаменов на статус адвоката — что выглядит как явное выражение недоверия адвокатскому сообществу и органам его самоуправления. Опять же понятно, зачем министерство хочет сократить круг вопросов, по которым адвокаты могут направлять запросы.

Наконец, есть и откровенно **безумные** идеи (порой совпадающие с провластными). Явно лишённые здравого смысла и не выдерживающие никакой критики с точки зрения грамотного юридико-технического подхода.

К примеру, соискателям статуса адвоката предлагается предоставлять справку о наличии «…факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования». А еще — документ, подтверждающий, что претендент «не состоит на учете в наркологическом и психоневрологическом диспансерах в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств». Хорошо, а если у кандидата действительно есть подобные проблемы — что с ним тогда делать палате? Ни законопроект, ни действующий

закон не дают ответа. Нет в них и запрета допускать такого человека к экзаменам.

Но больше всего вопросов вызывает возможность безоговорочной, по сути, обработки персональных данных ряда лиц — включая их специальные категории и биометрические персональные данные. Особенно если учитывать одновременное законодательное закрепление как уже упомянутой КИС АР, так и Единого государственного реестра адвокатов.

ЧЕМ ЭТО МОЖЕТ ГРОЗИТЬ?

Одна из нескольких однотипных норм выглядит в проекте закона так:

Пункт 3 статьи 18 дополнить следующим абзацем: «Не требуется согласие доверителя на обработку его персональных данных, включая их специальные категории и биометрические персональные данные, работниками адвокатских образований, адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов в связи с организацией оказания доверителю квалифицированной юридической помощи адвокатом, в том числе при обработке указанных персональных данных с использованием комплексной информационной системы адвокатуры России».

Помимо доверителя, авторы законопроекта планируют разрешить обрабатывать без получения согласия аналогичные данные как самих адвокатов, так и претендентов на адвокатский статус (см. предлагаемые дополнения к п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 12, п. 3 ст. 18, п. 5 ст. 20, п. 3 ст. 25).

А теперь давайте посмотрим — что же такое «специальные категории персональных данных» и «биометрические персональные данные»?

Для этого нужно заглянуть в ст. 10 и 11 закона «О персональных данных». И мы увидим, что **специальные** категории персональных данных касаются «расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни». А **биометрические** характеризуют «физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных».

Здесь же важно заметить: в соответствии с указанным законом обработка подобных сведений по общему правилу не

допускается без согласия субъекта персональных данных. В чем уже усматривается противоречие с предлагаемыми нормами.

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Для чего же авторы законопроекта предлагают подобные нормы? В пояснительной записке дается следующее разъяснение: в рамках указанной деятельности адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов Российской Федерации и Федеральная палата адвокатов осуществляют обработку всех видов персональных данных, включая специальные категории (например, данные о состоянии здоровья при оказании бесплатной юридической помощи инвалидам на основании Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» либо при назначении адвоката в качестве представителя у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, на основании части 4 статьи 54 КАС РФ) и биометрические персональные данные (например, в целях оказания бесплатной юридической помощи на основании Федерального закона № 324-ФЗ являются обязательными установление личности обратившегося гражданина и последующее представление в составе пакета документов, подтверждающих оказание адвокатом юридической помощи, копии паспорта гражданина с его фотографией, что отнесено законом к категории биометрических персональных данных).

Насколько эти доводы убедительны, каждый может судить сам. У меня же к ним остаются вопросы. Хорошо, допустим, что персональные данные доверителя действительно могут быть существенны при оказании ему правовой помощи (хотя и в весьма небольшом числе случаев, даже если судить по приведенной цитате). Но как быть с претендентами на звание адвоката и самими адвокатами? Кому и зачем они будут сообщать о своей расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни или предоставлять свои биометрические данные?

Как ни вчитывайся в текст законопроекта, ясности в данных вопросах он не содержит. И это весьма тревожно. Поскольку при

буквальном его прочтении получается, что люди, попавшие в сферу деятельности адвокатуры, будут лишены защиты своих персональных данных, причем весьма деликатного свойства. С не вполне понятной перспективой их дальнейшего использования, включая КИС АР или единый реестр адвокатов.

Весьма важно отметить: предлагаемые дозволения в отношении доверителей хотя бы сопровождаются оговоркой «в связи с организацией оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом». А вот специальные и биометрические персональные данные адвоката могут быть востребованы (на основе п. 2 ст. 12) вообще в силу малопонятных «…любых обстоятельств, обусловленных наличием статуса адвоката или членством адвоката в адвокатской палате».

И аргументы по типу «ну имелось же в виду иное…» здесь не работают. Поскольку любая юридическая норма — особенно затрагивающая права человека — должна отвечать требованиям правовой определенности. Здесь же этого не усматривается.

Опубликовано в 2021 году

Отказ от защиты при нарушении доверителем своих обязательств Необходимо расставаться с обманщиком в соответствии с подписанным им соглашением

Не могу умолчать и не терплю, когда ученые неправильно мыслят в уме своем.

А.П. Чехов. «Письмо ученому соседу»

Мой друг и коллега Юрий Михайлович Новолодский, почему-то именно сейчас вспомнивший и раскритиковавший[60] принятое свыше 10 лет назад и успешно действующее разъяснение Совета АП г. Москвы «Об основаниях прекращения участия адвоката-защитника в уголовном деле», вызвал в моей памяти вот какую историю.

Один адвокат вполне добросовестно защищал профессионального вора-домушника и как-то в беседе с ним поинтересовался: «Скажи, а если ты после освобождения залезешь в квартиру и увидишь, что она моя, как ты поступишь?» На что получил явно не тот ответ, который ожидал услышать: «А ты для меня такой же лох, как и все другие, почему я должен делать исключение?»

Коллега Новолодский отстаивает позицию, согласно которой защитник ни при каких условиях не может выйти из дела, даже если клиент не оплачивает его работу. Отталкиваясь от идеологических смыслов правосудия, упоминая сложную систему общественных отношений, апеллируя к ценностным смыслам адвокатской профессии и заботясь о престиже института адвокатуры, автор категоричен в том, что «отказ защитника от принятых на себя обязательств по ведению профессиональной защиты в конкретном уголовном деле должен быть полностью исключен из адвокатской практики независимо от побудительных мотивов, включая такой, как прекращение доверителем оговоренной соглашением оплаты работы адвоката».

Как мне представляется, теоретические изыскания Юрия Михайловича в прикладном плане как раз и направлены на то,

чтобы сделать из обманутых защитников упомянутых «лохов». Здесь невольно вспоминается некое циничное высказывание: «Если насилие стало фактом, лягте спокойно и получайте удовольствие». Но вот ведь что удивительно — не все из нас хотят наслаждаться насилием, некоторые стремятся этому воспротивиться.

В описываемом случае особенно огорчает, что призывы «непротивления злу» раздаются уже не в первый раз под лозунгами защиты авторитета адвокатуры, и что характерно: 1) они исходят со стороны коллег, входящих в руководящие органы адвокатского самоуправления, и 2) реализуются на деле за счет определенной части наших товарищей, попавших в неприятные ситуации.

Я бы еще мог понять, если бы сторонники Новолодского либо он сам на конкретном примере наглядно показали, как следует бороться с таким печальным и довольно распространенным феноменом, как нарушение доверителем его обязательств по оплате предусмотренных соглашением о юридической помощи или связанных с нею накладных расходов. Сообщили бы нам, что они в своем адвокатском образовании или региональной палате создали за счет собственных отчислений фонд поддержки обманутых защитников либо заключили со страховой компанией договор, где указанная неоплата рассматривалась бы как страховой случай. Наконец, зная тягу Юрия Михайловича к активным действиям по защите прав адвокатов, он порадовал бы тем, что отстоял коллегу по корпорации, послав к неплательщику пару дюжих молодцев из Балтийской коллегии, один грозный вид которых вразумил оного и заставил опустошить кошелек в пользу его защитника.

Но пока этого нет, все призывы к «непротивлению» следует отнести к аргументации, которая называется теоретическим размахиванием руками. Поскольку еще ни один из правоведов-догматиков не дал четких и конкретных ответов, как поступить адвокату, если его подзащитный отказался с определенного момента оплачивать поездки и пребывание в другой местности, где ведется следствие или проходит судебный процесс, а сам адвокат уже потратил свои сбережения на нужды семьи?

Я наводил справки, и в одном большом и далеком от Москвы и Питера регионе мне сообщили, что если у дела, по которому у адвоката в его районе проживания заключено соглашение, вдруг меняется территориальная подследственность или подсудность, обусловливающая необходимость регулярных посещений судов или следственных подразделений за сотни километров от прежнего места, то жалобы отказавшегося оплачивать накладные

расходы клиента местной палатой не рассматриваются и в возбуждении дисциплинарного производства следует отказ.

Таким образом, демонстрируя уже не впервые некоторую аллергию на москвичей, Юрий Михайлович, видимо, не знает, что далеко не везде придерживаются позиции, которую, на мой взгляд, можно назвать ортодоксальной. Взгляните на очередное издание АП Московской области сборника под названием «Профессиональная этика адвоката» (2017). Среди дисциплинарной практики мы найдем пример, когда адвокат в одностороннем порядке расторг соглашение в связи с неоплатой родственниками подзащитного полной суммы вознаграждения. По этому поводу отмечено: «Данное обстоятельство не является основанием для одностороннего расторжения адвокатом соглашения об оказании юридической помощи по уголовному делу, **если соглашением не установлено, что отказ от оплаты в порядке, предусмотренном соглашением, рассматривается сторонами в качестве одностороннего расторжения соглашения** (выделено мной. — *К.Р.*)» (с. 78). Как видим, здесь изложен подход, солидарный с отстаиваемым Советом АП г. Москвы. А за обеими указанными палатами стоит суммарно 14 тысяч адвокатов — почти пятая часть адвокатского сословия современной России, чего нельзя не учитывать.

Уважаемый коллега в своем эссе пишет: «Страшно представить ситуацию, когда после многомесячного судебного разбирательства по групповому делу в очередное судебное заседание не явится защитник одного из подсудимых по той причине, что у последнего закончились средства на оплату защиты. Если подобные случаи участятся, то “вынужденные процессуальные меры” со стороны государства не заставят себя долго ждать». Но, во-первых, что же здесь такого ужасного, если возникает вполне банальная ситуация, прямо предусмотренная законом в ч. 3 ст. 50 УПК РФ? А во-вторых, умиляет очередная страшилка в виде возможной реакции государства, представляющая собой разновидность уже упомянутого призыва безропотно лечь и не сопротивляться. Кстати, а никто не задумывался, почему вдруг систематическая неоплата работы тем же государством наших коллег по назначению вызывает громкие негодующие протесты, а те же действия со стороны добровольно вступивших в договорные отношения подзащитных предлагается считать безобидной шалостью?

Убежден в том, что повышению авторитета адвокатуры как раз будет способствовать решительное расставание с обманщиком в строгом соответствии с пунктами подписанного им самим соглашения, а не унижения и хождение за клиентом с

протянутой, как за подачкой, рукой. Разве неверно известное утверждение — чего стоит адвокат, если он не может защитить сам себя?

Заинтересовавшись в свое время рассматриваемой проблемой, я побеспокоил знакомых американских и английских юристов вопросом, как у них обстоит дело с возможностью отказа от помощи клиенту, оказавшемуся неплатежеспособным. Ответ везде был одинаковым: нет денег — нет работы независимо от категории дел. Английская коллега привела по этому поводу любопытный пример. Заплативший немалую сумму юридической фирме человек отказался от последующих выплат, и тогда юристы не явились в суд в назначенную ранее дату. Он туда пришел, но был привлечен к ответственности за неуважение к суду, поскольку не обеспечил явку своих представителей. И, что характерно, — добавлю от себя — никто, в отличие от моего уважаемого оппонента, не усмотрел в поведении английских барристеров признаков какого-либо шантажа клиента.

А в ст. 11 Закона Французской Республики от 12 июля 2005 г. № 2005-709 «О правилах профессиональной этики адвоката» прямо говорится: «Принимая поручение на ведение дела клиента, адвокат имеет право потребовать от клиента выплаты аванса в счет будущих расходов и вознаграждения <…>. В отсутствие выплаты аванса адвокат вправе отказаться от ведения дела либо прекратить свое участие в нем…»

Как видим, в странах с глубокими правовыми традициями вопрос решается очень просто, и там никто особенно не переживает за то, что государству может что-то почему-то не понравиться.

Далее выражу мнение, что вряд ли следует узурпировать право на истинное понимание ценностных смыслов адвокатской профессии и заботу об авторитете нашей профессиональной корпорации. Не хочется думать, что Юрий Новолодский отказывает в таком праве имеющим иную точку зрения Генри Резнику, Андрею Сучкову, Василию Раудину и многим другим авторам, чьи позиции ранее публиковались на страницах адвокатской печати. Солидарный с ними Рустам Чернов, изложивший свои доводы на сайте «Праворуб. Ру» 13 января 2015 г., привел любопытную цитату из работ историка Василия Ключевского: «Существенною юридическою чертою холопства, отличавшею его от других, не-крепостных видов частной зависимости, была непрекращаемость его по воле холопа: холоп мог выйти из неволи только по воле своего государя». Явно просматривается поучительная аналогия.

Любителей трактовать по-своему принципы существования

адвокатуры я хочу адресовать к такой авторитетной организации, как Международная ассоциация юристов, которая в сентябре 2000 г.

в документе под звучным названием «Резолюция по поводу противопоставления профессионализма меркантильности» разъяснила сомневающимся, что: а) оказание профессиональных услуг высокого качества действенным образом и **с осознанием их стоимости происходит в интересах клиентов и общественности**, а также является **существенно важным для финансовой обеспеченности и независимости юристов**; б) независимость юриста требует его **экономической независимости, которая может быть гарантирована только достаточным доходом** от его профессиональной деятельности (выделено мной. — *К.Р.*).

Вынужден напомнить, что согласно положениям ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Совет адвокатской палаты обязан защищать профессиональные права адвокатов. Что и сделала АП г. Москвы, приняв соответствующее разъяснение и защитив таким образом своих членов от недобросовестных действий доверителей. В полном соответствии с Рекомендациями Комитета Министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката (приняты 25 октября 2000 г.), которыми ассоциациям адвокатов предписывается способствовать росту благосостояния адвокатов и помощи им, если того требуют обстоятельства.

Но в некоторых других палатах по отношению к обворованному, по сути, коллеге, если он «постарается быть принципиальным “до конца” и не приступит к дальнейшему осуществлению защиты», применят жесткие меры — по мнению Юрия Михайловича, «вероятнее всего, он вскоре будет лишен адвокатского статуса». Ну что ж, пусть практикующие адвокаты сами решат, чей именно подход к анализируемой проблеме защищает их права и интересы, а чей — декларирует пышные лозунги, оставляя их и их семьи без средств к существованию, да еще и под страхом изгнания из корпорации.

Кстати, любопытно узнать, а Совет АП Санкт-Петербурга, членом которого является Ю.М. Новолодский[61], освобождает от дисциплинарной ответственности коллег за неуплату взносов, если они ссылаются на отсутствие средств по причине невыплат доверителями им причитающегося?

И самое последнее. Заметка Юрия Михайловича оперативно была опубликована в Интернете. Очень рекомендую ему ознакомиться с поступившими от «адвокатской улицы» отзывами. Они явно не в его пользу.

Опубликовано в «Адвокатской газете»
в 2018 году

Нравственный ориентир адвокатуры Комментарий к недавней конференции

Я уже не раз высказывался о политических веяниях в адвокатуре, но еще лучше этот вопрос раскрыл коллега А.В. Сучков. Он очень наглядно продемонстрировал[62], что в наши дни политика в полной мере овладела как законотворчеством, так и правоприменением. В связи с этим адвокатуре, позиционирующей себя как институт гражданского общества, очень сложно оставаться в стороне от этого общества, безучастно наблюдая за далеко не правовыми явлениями.

Тем не менее в корпорации есть определенное число тех, кто с помощью закошмаривания и навешивания ярлыков призывает к пассивности и неучастию в политической жизни страны. Якобы иначе будет худо и мы лишимся своих свобод и завоеваний.

На самом деле это абсолютно соглашательская позиция, которая к тому же демонстрирует типичные двойные стандарты. Поддержка Навального — это недопустимое политиканство, а вот его осуждение — вполне нормально, поскольку не грозит недовольством со стороны государства и его властных структур. И примеров такого двоемыслия можно привести в достаточном количестве.

Но более всего умиляет, что призывы не участвовать в политике звучат с тех же трибун, что и возгласы о необходимости строго следовать традициям наших предшественников — присяжных поверенных. Вот уж тот случай, когда в головах наших оппонентов происходит смешение круглого с холодным.

Начну с очевидного факта, что реальные риски для независимости и полномочий адвокатуры обусловлены вовсе не тем, сколько членов корпорации выйдет на митинг против фальсификации выборов или по иному животрепещущему поводу. Либо даже станет отстаивать интересы той или иной партии в выборных органах власти.

Главное, что в последние десятилетия идет активная и неприкрытая атака на демократические свободы. Ее жертвами уже стали свободная пресса, парламентаризм, правозащитное движение. Их честные и профессиональные представители добросовестно делали свое дело, но пали под ударами авторитаризма. Сменили их в большинстве своем соглашатели, действующие по принципу «чего изволите?». И теперь мы имеем соответствующую прессу, телевидение и не пользующийся авторитетом парламент, выдающий очень сомнительную по

качеству продукцию.

В этих условиях вполне обоснованно можно предположить, что под прицел «ястребов» попадет и адвокатура, имманентно приверженная свободолюбию, соблюдению прав человека и идеям правового государства. И если властям предержащим захочется укоротить ее независимость (которая, замечу, никогда не являлась самоцелью корпорации), то это будет сделано послушными законодателями без всякого существенного повода.

Так стоит ли тогда бояться и руководствоваться призывами не раздражать государство? Что, кстати, зачастую трансформируется у некоторой части коллег в нежелание ссориться с конкретным следователем, прокурором или судьей — в ущерб собственному доверителю.

Вот здесь и помогут разобраться наши предшественники, которым приходилось сталкиваться с такого рода непростыми проблемами. Так, однажды присяжные поверенные обсуждали опасность вызвать недовольство властей своими действиями. И весьма авторитетный В.Д. Спасович произнес слова, которые полезно знать нынешним «предостерегателям»: *«Если нас прихлопнуть, то это произойдет независимо от нас; будем мы упразднены как люди безбоязненные и вольные, не покупавшие существования своей уступчивостью, не отделявшие себя от среды, от интересов общества».*

Печально, но, как ни вслушивался я в речи выступавших на недавней конференции, так и не услышал ничего подобного высказываниям мудрого В.Д. Спасовича.

Как не услышал и слов о неразрывности целей и задач адвокатуры с интересами демократического общества. Между тем еще в 1904 году российское сообщество присяжных поверенных, которое вели за собой питерский и московский советы, категорично заявило властям, что для достижения их профессиональных целей необходимы самые твердые гарантии свободы личности, мысли, слова, печати, вероисповедания, собраний и союзов. А осуществление всех этих начал возможно лишь «при водворении строгой законности» — что, в свою очередь, возможно только при представительном строе.

Такие весьма смелые заявления (а Московский совет вообще поставил вопрос о необходимости «коренных преобразований государственного строя»!) не привели ни к какому разгрому присяжной адвокатуры. Напротив, царская власть прислушалась — и с 1906 года начала работать Государственная дума Российской империи, законодательное представительное учреждение страны, в котором самую активную роль играли адвокаты: в первой Думе их было 36, включая помощников, а во

второй — 29. Председателем первой Думы был избран присяжный поверенный С.А. Муромцев, а в третьей Думе председателем судебной комиссии был знаменитый Ф.Н. Плевако. Что весьма интересно — и полезно знать некоторым нашим оппонентам, — все они трудились, совмещая звание депутата с работой присяжного поверенного.

Наши предшественники, активно переживавшие за судьбу своей страны, снискавшие славу не только на юридическом поприще, действительно представляют для современных адвокатов профессиональный и нравственный ориентир.

И никто еще не посмел обвинить их в негативной трансформации. Полагаю, что они действовали, руководствуясь известным принципом «Делай что должен, и будь что будет!». А те, кто пугает нас зубными посевами и погодными катаклизмами, напоминает персонажа из «Дракона» Е. Шварца, считающего, что «когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать».

Опубликовано в 2021 году

Интервью разных лет

У прокуратуры есть свой закон — секретный
Речь адвоката, произнесенная вне зала суда, потому что на самом процессе что-либо говорить бесполезно

В процессе по делу Ходорковского (*) и Лебедева часто говорят о нарушениях прав обвиняемых. Много слышно и о процессуальных нарушениях, которые допускаются в Мещанском суде, когда судья, неизменно игнорируя ходатайства защиты, мгновенно реагирует на любые прошения и замечания прокурора. *Константин Евгеньевич РИВКИН, один из адвокатов объединенной команды защиты Ходорковского* (*) *и Лебедева, рассказал «Новой» о том, какова на самом деле ситуация с соблюдением в этом процессе принципа равенства сторон и права подсудимых на защиту.* — Я никогда не встречал подобной степени «процессуального цинизма». За внешне вежливым обращением к нам и подзащитным совершенно очевидны предопределенные симпатии суда к одной из сторон. К какой именно — догадаться несложно. Возьмем стадию допроса свидетелей. Еще тогда нам, защитникам, показалось странным поведение судьи Ирины Колесниковой. Если прокурор завершал очередной допрос, не выяснив некоторые немаловажные для обвинения обстоятельства, судья устраняла эти «пробелы», задавая выгодные для прокурора вопросы. Однако окончательно наши сомнения развеялись, когда сторона защиты начала представлять суду доказательства невиновности обвиняемых.

Суд не позволил защите приобщить к делу многие из документов, опровергающих обвинение. Если нельзя было придраться к оформлению материалов, то суд выносил простое решение: изложенные сведения «не имеют отношения к существу дела».

Доходит до абсурда. Вот обвинение Лебедева и Ходорковского (*) в организации уплаты налогов векселями в одном из закрытых административно-территориальных образований, в частности, в 2000 году. Мы получили официальную справку о том, что в 2000 году никаких вексельных платежей в бюджет ВООБЩЕ НЕ БЫЛО. На что суд заявил, что… этот документ не имеет значения для существа предъявленного обвинения!

— Защита неоднократно указывала, что многие

доказательства сторона обвинения получила незаконным путем. Что имеется в виду?

— Некоторые действия следователей квалифицировать иначе как фальсификацию очень трудно. Наглядный, но не единственный пример — указание в обвинительном заключении на некие приобщенные к делу корпоративные карты «Американ экспресс». По мнению следователей, они изобличают Лебедева в уклонении от уплаты налогов. Однако пресловутых карточек ни суд, ни прокурор Шохин показать нам так и не смогли. Их просто нет в деле. **— Но ведь суд просто обязан исключать из дела подобные доказательства?!** — Суд не удовлетворил НИ ОДНОГО ходатайства защиты об исключении из дела доказательств, полученных с нарушением закона. В подавляющем большинстве случаев речь шла о фактах неоспоримых. Например, я просил суд исключить из дела целый ряд документов, поскольку они не переведены на русский язык. Думал, что в ответ суд заявит о «несвоевременности» ходатайства. Но судьи пошли еще дальше, заявив о его «немотивированности»! В другом случае речь шла о протоколах обысков в офисном центре в подмосковной Жуковке. 9 октября 2003 года туда приехала следственная бригада Генпрокуратуры с силовой поддержкой и солдатами-срочниками в качестве понятых. Приехавшие собрали всех обитателей здания, включая официантов, построили в шеренгу и задали вопрос: «Есть среди вас адвокаты?»

Получив один утвердительный ответ, следователи выставили адвоката вон, чтобы не мешал торжеству законности, и, не имея надлежащих санкций на обыск, перевернули вверх дном кабинеты адвоката Дреля и депутата Госдумы Дубова. В соответствии с федеральным законом об адвокатской деятельности и адвокатуре обыск в любом адвокатском образовании может быть проведен только на основании судебного решения. В этом случае такого решения Генеральной прокуратурой истребовано не было. Для возбуждения же уголовного дела в отношении депутата Государственной думы и последующего проведения в отношении него следственных действий требуется согласие Государственной думы. После этого дело возбуждает лично генеральный прокурор.

Однако никакого уголовного дела против депутата Дубова на момент проведения обыска в его помещении не существовало. На приведенные доводы прокурор смог возразить только то, что «никаких процессуальных нарушений допущено не было». А суд в очередной раз безоговорочно с ним согласился.

Вымыслы были положены и в основу арестов наших подзащитных. Когда встал вопрос о заключении под стражу Лебедева, прокуратура, аргументируя такую необходимость,

заявила о наличии у него недвижимости за границей. Естественно, защита сразу же предложила представить более точные сведения — в какой стране, какая именно недвижимость. Уличенные в профессиональной недобросовестности, обвинители далее этот довод не использовали. Хотя Лебедев оказался к тому времени уже в «Лефортове».

Глядя на происходящее, у меня складывается впечатление, что Мещанский суд обладает собственным УПК, Генеральная прокуратура — своим, причем секретным. Вот только у адвокатов какой-то недоброкачественный УПК, который продается на всех лотках…

— Как реагируют на это Ваши доверители?

— Платон Лебедев смотрит на ход процесса без иллюзий; он, как и его друг Михаил Ходорковский, заботится о защите своего доброго имени и уделяет большое внимание тому, чтобы сохранить репутацию в глазах всего цивилизованного мира. Он по-прежнему полагает, что уголовное дело сфальсифицировано от начала до конца. Его огорчают неприкрытые попытки властей ограничить в правах его и Ходорковского, а также предоставление судом прокурору беспредельных возможностей демонстрировать в процессе свою вседозволенность. Я, например, не помню, чтобы суд сделал хотя бы одно замечание Дмитрию Шохину за высказывания типа: «Враньем это называется» или «Защите представить нечего, кроме смешных инсинуаций». А в ходе допроса одного из свидетелей защиты прокурор Шохин договорился до того, что назвал подсудимого Лебедева «субъектом», а одного из защитников — «так называемым адвокатом».

— Многие чрезмерно эмоциональные действия и высказывания прокурора наталкивают на мысль, что он далек от беспристрастности…

— При упоминании Великобритании Дмитрий Шохин даже меняется в лице. Мало того, что туда уехали основные свидетели, а британские врачи присылают заключения о том, что Лебедев болен. Так еще именно в Англии зарегистрирована офшорная фирма «Статус сервис лимитед», при посредничестве которой, как полагает Генпрокуратура, Лебедев уклонялся от уплаты налогов.

— А почему дело рассматривается так долго? И как получилось, что выступление стороны обвинения заняло почти полгода, а защите удалось управиться гораздо быстрее? — В нормальной судебной практике «хозяйственное» дело никогда не рассматривается быстро. Обычно назначается одно-два заседания в неделю. А дело по обвинению Ходорковского(*) и Лебедева уникально не только своим объемом

(без малого 400 томов), но и тем, что заседания проходят ежедневно. Свидетели обвинения шли один за другим, так что их даже не успевали заслушивать. Допросы были весьма обстоятельными, с представлением документов. Потом мы узнали, что некоторые свидетели обвинения приезжали в Москву, а их отправляли обратно, потому что не успевали допросить.

При этом у прокурора не было никакой необходимости зачитывать протоколы допросов свидетелей на предварительном следствии. Закон на этот счет содержит четкое указание: такие протоколы оглашаются, только если есть существенные противоречия между выступлением свидетеля на суде и его же показаниями на предварительном следствии. Прокурор настаивал на том, что такие противоречия имеются, суд давал ему разрешение зачитать протоколы допросов, и в результате показания свидетеля как бы загоняли в рамки, очерченные предварительным следствием. А такие действия квалифицируются как нарушение и отечественным, и международным законодательством. Цитирую резолюцию ПАСЕ по «делу ЮКО-Са» от 25 января 2005 года: «Суд систематически позволял прокурору зачитывать протоколы предварительных допросов свидетелей и оказывать давление на свидетелей в зале суда, чтобы они подтвердили эти протоколы».

— А зачем прокурору тогда вообще вызывать свидетеля на допрос, если он и так рассказал все, что нужно обвинению, на предварительном следствии?

— Свидетеля вызывают в суд для того, чтобы он сообщил известные ему сведения всем участникам процесса. В случае если появляются дополнительные или уточняющие вопросы, мы можем их задать. А вот в тактике допроса, проводимого прокурором, прослеживалась линия: шаг влево или шаг вправо от заранее установленных для свидетеля показаний недопустим. Допрос должен отвечать определенным процессуальным критериям. Например, когда в рамках допроса задаются вопросы, явно выходящие за пределы обвинения, это вызывает нашу безусловную тревогу. Хотя суд на это смотрел сквозь пальцы. Почему у суда не вызвало никакой реакции, когда из сути вопросов, поставленных перед свидетелем, прямо следует намек, а то и прямое утверждение прокурора: «Знаете, а у нас и на вас есть материал…» Недавно недовольство Шохина вызвал случай, когда после уточняющих вопросов Ходорковского(*) один из допрашиваемых дал показания, не устроившие сторону обвинения. В итоге государственный обвинитель озаботился возможностью подсудимого оказывать давление на свидетелей даже при его нахождении под усиленным конвоем в клетке.

Мещанский суд с подачи прокурора мгновенно решил подержать за это Михаила Борисовича(*) в СИЗО еще три месяца.

— На этом прокурор постоянно обвиняет в затягивании дела именно сторону защиты…

— Затягиванием прокурор называет случаи, когда мы представляем документы, которые считаем важными, или заявляем ходатайства. Кстати, Генпрокуратура так и не согласилась на прекращение эпизода с «Апатитом» по причине истечения 10-летнего срока давности — а это сэкономило бы много времени. Следует напомнить и о том, что нас и наших подзащитных ограничили в сроках ознакомления с материалами огромного уголовного дела. Вот если бы судьи нам открыто сказали, что торопятся, или прокурор рассказал бы, что ему поставили задачу завершить процесс в такие-то сроки, — другой разговор. Хотя сейчас наблюдается какая-то малопонятная спешка, когда суд пытается выиграть время даже за счет урезания необходимых нам встреч с доверителями в следственном изоляторе, предназначенных для подготовки к судебным заседаниям.

— Когда Вы ожидаете вынесения приговора?

— Мы готовимся к выступлению подзащитных в суде, которое продлится 2–3 дня как минимум. Затем защита будет выступать в прениях сторон. Прения, в свою очередь, тоже займут 2–3 дня. Кроме того, гособвинитель Дмитрий Шохин может ходатайствовать о дополнении судебного следствия. В случае согласия суда на это также уйдет какое-то количество времени.

В связи с изложенным мы думаем, что приговор может быть вынесен уже в марте.

Подкаст «совещательная комната», посвященный 20-летию начала «дела ЮКОСа»
Ведущие — журналисты зоя светова и вера челищева. 2023 Год

В. Челищева: Всем привет! Это подкаст «Совещательная комната». Это мы, его ведущие: я — Вера Челищева.

З. Светова: И я — журналист Зоя Светова. Всем привет.

В. Челищева: Ровно 20 лет назад, в июне 2003 года началось так называемое «дело ЮКОСа» — события, связанные с уголовным преследованием владельцев и сотрудников одной из самых успешных на тот момент нефтяных компаний. Это дело, безусловно, оказало значительное влияние как на политическую жизнь и деловой климат в России, так и на наше отечественное правосудие. Во многом то, что мы сегодня имеем в наших судах, кажется, это последствия «дела ЮКОСа». Я перечислю лишь основные факты этого дела коротко. Из-за него в нашей стране закрепился известный термин «Басманное правосудие» — это когда судят предвзято, с обвинительным уклоном и фактически без доказательств. Сама компания Михаила Ходорковского(*)(он сегодня признан иностранным агентом) была уничтожена, а ее ключевые активы достались государственной компании «Роснефть». Одним из первых в июне 2003 года был арестован Алексей Пичугин по делу о якобы заказных убийствах, он сидит до сих пор. Затем в июле того же года, 2003-го, по обвинению уже в экономических преступлениях был арестован Платон Лебедев, а в октябре — сам Ходорковский(*). И государственная машина завертелась, под каток попали, то есть были арестованы и потом отправлены в колонии, свыше двух десятков сотрудников компании. Один из сотрудников, Василий Алексанян, скончался после двух с половиной лет в российском СИЗО, уже на свободе, но вскоре после освобождения. Еще один рядовой сотрудник, находясь под следствием, покончил жизнь самоубийством. Сегодня наш гость адвокат Константин Ривкин, который работал защитником на двух главных процессах по «делу ЮКОСа» в России, он представлял интересы Платона Лебедева как на первом процессе в Мещанском суде, где слушалось дело об уходе от налогов, так и на втором процессе в Хамовническом суде, более скандальном процессе, где рассматривалось обвинение в краже всей нефти ЮКОСа.

Константин Евгеньевич, здравствуйте. Первый вопрос как к практикующему адвокату с многолетним стажем, специализирующемуся главным образом на экономических делах. Скажите, какие нарушения, допущенные в «деле ЮКОСа», как на стадии предварительного следствия, так и на стадии суда, какие новеллы, а по сути незаконные практики, которые силовики обкатали на «деле ЮКОСа», в дальнейшем получили широкое распространение и стали применяться повсеместно к другим обвиняемым по экономическим статьям?

— Арсенал был достаточно богатым, сложно это систематизировать. В свое время мы его обобщали и сообщали нашим вышестоящим судебным инстанциям, Европейскому суду по правам человека. Что-то из нами сказанного услышали, что-то нет. Если говорить о квинтэссенции, то мне бросилось в глаза, что в «деле ЮКОСа» проявилась вопиющая правовая вседозволенность, когда для следователей не было никаких юридических препятствий и они вытворяли (я, пожалуй, другое слово здесь не подберу) все, что им заблагорассудится, невзирая не только на нормы закона, но и на элементарный здравый смысл. И тот же подход затем демонстрировали как судьи, кто рассматривал дела Ходорковского(*) и Лебедева по 1-й инстанции — это был сначала Мещанский районный суд города Москвы, а потом Хамовнический, — так и вышестоящие судебные инстанции.

Я хочу для иллюстрации привести очень демонстративный пример, для понимания сути которого не нужно знать вопросов нефтедобычи, финансов и всего прочего. Когда дело поступило в Мещанский суд, защита перед этим была ограничена в сроках ознакомления с собранными следствием материалами, хотя дело Лебедева насчитывало 163 тома, а дело Ходорковского(*) — 227. Поэтому наши подзащитные не знали всего, что находится в этом огромном по объему делу. В один из первых дней в суде Лебедев подозвал меня к себе и попросил обратить внимание, что в обвинительном заключении на определенной странице записано, что кроме всего прочего, вина Лебедева подтверждается неким служебным письмом с его подписью. Но сам он ко времени, которым датировано письмо, в этой организации уже не работал и его подписать поэтому не мог. По этой причине он попросил меня проверить, что на самом деле находится в уголовном деле в указанном в обвинительном заключении месте. Я открываю уголовное дело и вижу, что в письме фамилия Лебедева там вообще не названа, указан совершенно другой человек. Стало понятно, что как минимум это ошибка, а как максимум — злоупотребление следователей, кто таким образом увеличивали

сущность и считали, что это доказательство.

На ближайшем судебном заседании я встаю и, не очень стесняясь в выражениях, говорю — уважаемый суд, обратите внимание, каким образом формируется обвинение: дается ссылка на письмо, якобы подписанное Лебедевым, а на самом деле письмо есть, а подписи Лебедева там нет. Суд меня внимательное выслушал, дело доходит до прений, встает прокурор и в числе прочего говорит: а вина Лебедева доказывается письмом за его подписью. Я изумился и, выступая, употребляя почти нецензурные слова, сказал, что я думаю о таком прокуроре, который говорит очевидную глупость, фальсифицирует доказательства. Каково же было наше изумление, когда при оглашении обвинительного приговора все услышали включенную в него ту же фразу: вина Лебедева подтверждается его подписью под письмом от такой-то даты, находящимся в уголовном деле!

Но если вы думаете, что данная эпопея этим же и закончилась, то вы ошибаетесь. Поскольку эта фраза кочевала из одного решения вышестоящей инстанции в другое и дошла даже до Верховного суда РФ, где уважаемый член высшего судебного органа страны, отвечая защите на надзорную жалобу, написал, что в числе прочего вина Лебедева подтверждается его подписью под этим злосчастным судом.

Вот и возникает вопрос: как с таким безобразием бороться? Тем более что подобные подходы берутся на вооружение следователями и судами и широко до сегодняшнего дня тиражируются.

У меня в этой связи перед глазами стоит картинка — тот же самый Следственный комитет РФ, который находится в Москве на Техническом переулке. События примерно двухгодичной давности. Мы с коллегами изучили материалы законченного расследованием уголовного дела, весьма удивились плохому качеству собранных доказательств, о чем прямо сказали следователю по особо важным делам. На что получили откровенный и циничный ответ: не беспокойтесь, господа адвокаты что вы переживаете, сейчас практически любое дерьмо, направленное нами в суд, заканчивается обвинительным приговором…

Здесь я ставлю многоточие, таким образом попытавшись ответить на ваш вопрос.

З. Светова: Мы с Верой бывали на судебных заседаниях по «делу ЮКОСа». И видели, что сотрудников ЮКОСа в российских судах всегда, как правило, защищали одни из самых известных и самых сильных адвокатов. В процессах сидели целые команды юристов, которые при публике в

открытых процессах профессионально разбивали доказательную базу следствия. Но все процессы заканчивались не в пользу обвиняемых. То есть «дело ЮКОСа», на мой взгляд, породило еще вот это абсолютное игнорирование защитников, института диктатуры как такового. То есть адвокат сегодня в понимании суда — это просто предмет интерьера. Есть они, нет их, без разницы, у судьи все давно написано. Скажите, а Вы и Ваши коллеги не потеряли еще смысл в своей профессии, видя, как на все Ваши профессиональные усилия суды очень часто демонстративно закрывают глаза?

— Спасибо. Задан очень хороший и весьма актуальный вопрос. Действительно, у некоторых коллег порой опускаются руки, когда они защищают явно для них невиновного человека, а прокурор вместо анализа доказательств (не существующих на самом деле) в прениях говорит только: считаю, что вина доказана, и прошу назначить 8 лет свободы, и судья, весь процесс делавший вид, что слушает стороны, игнорируя позицию защиты, дает наказание порой даже больше, чем просит прокурор: это я не придумал, лет 5 назад у меня был такой случай.

Тем не менее я всегда, даже по самым безнадежным делам, руководствуюсь известным принципом: делай что должно, и будь что будет. Закон определяет адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам. Представьте весьма распространенную, к сожалению, ситуацию — человек попадает в условия следственного изолятора, он арестован. Кто, как не адвокат, разъяснит ему сложившееся положение, предостережет от опасных, неоправданных или незаконных шагов, поможет сформировать и отстаивать позицию защиты? Будет, наконец, надежным каналом связи с родственниками и друзьями того, кто попал в беду?

И в этом случае хороший профессионал сможет минимизировать те проблемы, с которыми столкнулся его подзащитный. Не говоря уже о том, что иногда, как это ни парадоксально в современных условиях, в судах случаются оправдательные приговоры или прекращаются уголовные дела на предварительном следствии.

И еще один нюанс, характерный для так называемых «резонансных» дел, к которым относилось, без сомнения и «дело ЮКОСа». Здесь важно в целях отстаивания справедливости и защиты репутации наших доверителей показывать общественности, людям, которые приходят на процесс, что на самом деле представляют эти дутые обвинения и что на самом деле представляют собой люди, которые сражаются за

справедливость и за истину.

Вот этот случай с подписью Лебедева я приводил в своих выступлениях неоднократно как весьма яркий. Однажды это произошло в интервью на «Эхо Москвы», куда в ходе передачи поступали вопросы и реплики слушателей. По завершении ведущая ознакомила меня с тем, что написала группа молодых людей. Там было сказано: мы начинали слушать вашу передачу как враги Ходорковского(*) и Лебедева, но когда услышали жуткий пример с письмом, кардинально поменяли свое мнение и стали их союзниками.

Так что, на мой взгляд, адвокат, как врач, столкнувшийся с тяжелым, запущенным случаем, не должен опускать руки.

В. Челищева: «Дело ЮКОСа» вылилось в ряд судебных решений не только российских судов, но и в разбирательство в Европейском суде по правам человека и международных арбитражах. Так, самым скандальным и громким стало решение Международного арбитража в Гааге, который в 2014 году обязал российские власти выплатить ЮКОСу $50 млрд компенсации за незаконную экспроприацию собственности. Россия неоднократно обжаловала это решение. Тем не менее какие-то аресты имущества происходили. Сейчас дело находится в Апелляционном суде Амстердама. Как-то все очень затянулось. Знаете ли Вы что-то о том, когда будет окончательное решение и будет поставлена точка?

— У меня нет таких сведений. К сожалению, подобные процессы длятся годами. Я могу только подтвердить, что уголовные дела ЮКОСа, по которым осудили Ходорковского(*) и Лебедева, со всей очевидностью свидетельствовали о намерениях экспроприировать собственность нефтяной компании. Напомню, что сразу несколько экс-премьер-министров России (Гайдар, Касьянов и Степашин) заявляли, что ЮКОС использовал общеизвестные и совершенно легальные способы оптимизации налогообложения при сделках с нефтью и нефтепродуктами. Тем не менее именно такие сделки и финансовые операции легли затем в основу обвинения об уклонении от уплаты налогов по первому делу и о хищении всей добытой нефтяной компанией нефти по второму.

З. Светова: А закрыто ли само «дело ЮКОСа»? Насколько мы знаем, по количеству томов оно самое большое за всю историю российской юриспруденции. Из этого большого дела отпочковывались отдельные уголовные дела в отношении тех или иных сотрудников компании. В 2019 году еще тогда генпрокурор Чайка подтвердил факт расследования очередного уголовного дела в отношении компании ЮКОС, о

котором до этого в своей манере выпустил анонс в виде разоблачительного фильма «Кровавая империя Михаила Ходорковского(*)» телеканал НТВ. Тогдашний советник Чайки, бывший следователь по «делу ЮКОСа» Салават Каримов рассказывал гражданам, что экс-владельцы ЮКОСа вывели из России порядка $51 млрд… А потом все затихло. «Дело ЮКОСа» еще живо?

— Я легко отвечу на этот вопрос, держа перед глазами официальное уведомление. 13 февраля 2023 года из Следственного комитета за подписью следователя по особо важным делам, фамилия которого мне ни о чем не говорит (я имею в виду, что его не было в бригадах, которые работали по первым делам), пришло ко мне в офис уведомление, которое я зачитываю: уведомляю вас о том, что 10.02.2023 предварительное следствие по уголовному делу № 18/41-03, по которому вы представляете интересы — и здесь указана фамилия одного из моих подзащитных, — продлено заместителем председателя Следственного комитета РФ до 02.09.2023, а всего до 266 месяцев (!!).

Я взял калькулятор, разделил на 12 месяцев, и получилось, что это дело расследуется уже 22 года и его собираются продлевать и далее. К сожалению, я не могу прокомментировать, что они там такого расследуют, потому что меня давно по этому делу в Следственный комитет не приглашали. Фигуранты «дела ЮКОСа» либо давно уже отбыли наказание, либо находятся за пределами Российской Федерации. По моим наблюдениям, данное дело как чемодан без ручки — и нести тяжело, и бросить жалко, поскольку благодаря ему целый ряд следователей поднялся в должностях, некоторые стали генералами, получают неплохую заработную плату. А в деятельности одной из самых крупных в стране нефтяных компаний всегда можно найти в чем покопаться и придумывать все новые подозрения или обвинения.

В. Челищева: Что лично Вас больше всего поразило в «деле ЮКОСа», и как адвоката и как человека?

— В ходе работы по этому делу мне однажды пришел в голову и стал порой использоваться термин «процессуальный цинизм» как характеристика деятельности правоохранительных органов и судов.

Как человека меня поразила невероятная стойкость обоих наших подзащитных — как Михаила Ходорковского(*), так и Платона Лебедева. Их мужеству можно только позавидовать, и это что-то невероятное. Они несгибаемые. Помните, как у Маяковского: гвозди бы делать из этих людей.

И еще одно наблюдение, отличающее данное дело. Нефтяная

компания ЮКОС была огромной организацией по числу работавших в ней людей разных специальностей и управленческого уровня. Значительная их часть была допрошена в ходе проводившегося следствия, нередко в весьма жесткой манере (вспоминаю случай, когда из протокола допроса было видно, что один из свидетелей в весьма активной, если не сказать агрессивной, манере допрашивался в больнице, когда находился на излечении). Так вот. Даже те, кому грозила или уже наступала по воле следствия уголовная ответственность, не кривили душой, не шли на поводу у обвинения и рассказывали под протокол, а потом и на суде, как на самом деле работали механизмы нефтяной компании и ее дочерних предприятий, донося до следователей очевидную мысль — об отсутствии какого-либо криминала, искусственно выдуманного в целях отъема процветающей и прибыльной структуры. Практически предателей среди них никого не было. Они стояли за истину, за правду, за своих руководителей, что для меня было приятным потрясением.

З. Светова: И у меня последний вопрос: а что потеряло правосудие после «дела ЮКОСа»?

— На эту тему можно говорить много и долго, но если выделить основное, я бы сказал так: упал авторитет отечественного права в глазах российского и мирового юридического сообщества; опустилась практически до нуля вера наших предпринимателей, что обращение в суд принесет пользу и восстановит справедливость.

В. Челищева: Вы по итогам второго процесса написализамечательнуюкнигу «Ходорковский(*), **Лебедев, далее везде. Записки адвоката о деле ЮКОСа, и не только о нем». Это целая библиотека для предпринимателей и юристов, а также для людей неравнодушных. Скажите, как пришла мысль, что об этом надо писать, рассказать как все было, какие происходили безобразия?**

— Я рад слышать, что вам книга понравилась. Немного «надувая щеки», могу сказать, что и сейчас некоторые адвокаты говорят мне, что, прочитав некоторые разделы книги, они что-то взяли себе на вооружение. То есть я не зря потратил время. На самом деле не мне пришла в голову такая мысль написать книгу. Когда закончился второй процессе по «делу ЮКОСа», и в России, и за границей на различных встречах ко мне поступали вопросы: не хочу ли я описать увиденное? И поскольку после восьми лет работы по этому огромному делу у меня наступила пауза, я уединился на даче и решил потрудиться над собранными материалами. Самой большой проблемой была систематизация весьма объемной фактуры и документов, а также собственных

мыслей, наблюдений, выводов.

Получилось то, что получилось, и, как мне кажется, вроде как неплохо.

Если на вас едет бульдозер
Адвокат Константин Ривкин о том, как не ошибиться с выбором защитника

Все время после ДТП, связанного с актером Михаилом Ефремовым, мы наблюдали в режиме прямого эфира судебную драму, одним из главных героев которой был адвокат Ефремова Эльман Пашаев. Его линия защиты, по мнению многих, навредила не только обвиняемому, но и потерпевшим. Часто ли адвокаты вредят? Как выбрать адвоката и не ошибиться, что будет, если перестать ему платить, как защитник строит отношения с семьей обвиняемого и что такое «идеальная жена подсудимого»?

Об этом говорим с одним из самых известных российских адвокатов — Константином Ривкиным. Он участвовал в обоих процессах по «делу ЮКО-Са», представлял интересы экс-министра обороны России Анатолия Сердюкова, защищал активы ряда российских и иностранных компаний. Кроме того, Константин Евгеньевич являлся членом квалификационной комиссии Адвокатской палаты Москвы.

— Недавно Эльмана Пашаева лишили статуса адвоката. Как человек, долгое время принимавший решения в квалификационной комиссии, что Вы думаете про все это дело?

— Есть общее адвокатское правило, которого я стараюсь жестко придерживаться: адвокат не имеет права комментировать чужие дела. К сожалению, в связи с Ефремовым, Пашаевым, Добровинским оно было нарушено, в том числе нашими мэтрами и руководителями, за что я их заочно упрекаю: «Коллеги, вы уж либо отменяйте это правило, либо не уподобляйтесь тем, кого сами же критикуете».

Я четыре года был членом квалификационной комиссии, а сейчас являюсь членом Совета Адвокатской палаты. Тема дисциплинарной практики для меня понятна, но давайте обсуждать ее безотносительно ситуации с Ефремовым и Пашаевым.

ЕМУ ПЛАТЯТ 3 КОПЕЙКИ В ДЕНЬ — ОН И РАБОТАЕТ НА 3 КОПЕЙКИ

— Хорошо, давайте безотносительно. Были ли когда-либо за время работы в квалификационной комиссии случаи, чтобы адвокат «топил» подзащитного?

— Мне кажется, что любой адвокат искренне верит в то, что помогает своему клиенту. Другое дело, что он может повести себя непрофессионально, превратно истолковать свои обязанности и, таким образом, навредить.

Но есть единичные случаи. Например, адвокат недоволен размером оплаты, но из уголовного дела он, как правило, не может выйти по собственной инициативе. Тогда он начинает либо уклоняться, либо оказывать такую помощь, которую и помощью-то не назовешь. Вот это скорее вредительство, чем квалифицированная юридическая помощь, как ее трактует закон об адвокатуре.

— То есть основная причина вредительства — несогласие по оплате?

— Ну, нет, конечно! Бывает «засланный казачок». Теоретически здесь может быть 2 варианта: первый — когда правоохранительные органы засылают своего адвоката по заключенному с кем-то соглашению и он приходит для того, чтобы выведывать и передавать информацию конкурентам или тем людям, кто заинтересован в посадке. Второе — когда есть наблюдатели, которых послали тоже посмотреть, они делают вид, что оказывают помощь, а на самом деле на кого-то работают на стороне. Такое бывает, я подтверждаю.

— Есть два вида защитников: адвокат по соглашению (нанятый за деньги) и по назначению (бесплатно предоставляемый государством). По назначению — это всегда неважный адвокат? Но Вы ведь и сами работали по назначению.

— Да, и это был великолепный опыт. Я начинал следователем и судебную стадию знал плохо, руками, так сказать, ее не щупал. А потом стал работать адвокатом по назначению, что принесло мне огромную пользу. Работал добросовестно, даже судьи порой удивлялись.

Бывало, говоришь: «Дайте дело почитать». — «А тебе зачем?» — «Как это зачем? Я сейчас выступать буду».

Я ответственно заявляю, что есть очень большое количество адвокатов по назначению, которые работают профессионально.

У меня в первые адвокатские годы было одно интереснейшее дело по уклонению от уплаты налогов — на стыке налогового, банковского и гражданского законодательства. Налоговая полиция (которую я терпеть не могу до сих пор из-за некачественной работы) направила дело в суд. Подсудимый был человеком достаточно грамотным и самостоятельным, но судья, ознакомившись с материалами, сказал ему: «Вы в одиночку не справитесь, вам нужен защитник». Пришла заявка в адвокатскую

коллегию (тогда еще не было никакой автоматизированной системы распределения дел) — и назначили меня. Потом этот самый мой подзащитный, поняв, что я разбираюсь в таких делах, заключил со мной соглашение. В итоге был оправдательный приговор.

Относительно нынешней практики работы по назначению проблем хватает. Например, судодень стоит очень мало, да и того иногда не выплачивают. В некоторых регионах были даже забастовки, когда адвокатам начислялись деньги, но они их не получали.

Понятно, что когда у адвоката есть соглашение, где ему платят долларами, но при этом он подписался еще и на работу по назначению за 3 копейки в день, то он и работать будет на 3 копейки. Если, конечно, это недобросовестный человек. Ну лень ему встречаться с клиентом, ходить в следственный изолятор, изучать материалы дела.

— А как вообще становятся адвокатами по назначению?

— В Москве, например, человек подает в Адвокатскую палату заявку о том, что хочет работать по назначению. Его включают в список, и когда от следователя или от суда в автоматизированном порядке поступает запрос, то по общему правилу отказаться уже невозможно. Адвокат прибывает, предъявляет ордер, знакомится с подзащитным и начинает работать.

Однако тут есть другая техническая проблема. Если добросовестный адвокат по назначению отработал на предварительном следствии, то по логике вещей ему надо идти и в суд. Но на этом этапе номер уголовного дела меняется, в следствии он один, а в суде присваивается другой. В результате судья делает новую заявку, и получается, что на этапе следствия дело ведет один адвокат, а в суд приходит другой, не знакомый с материалами дела.

Федеральная адвокатская палата уже давала разъяснения о необходимости соблюдения преемственности, но чисто технически это пока сложно, воз и ныне там.

ТЫ ВЫБИРАЕШЬ АДВОКАТА — АДВОКАТ ВЫБИРАЕТ ТЕБЯ

— Когда у человека случается беда, он уязвим, беззащитен и готов на что угодно. А уж если это человек богатый и знаменитый, то к нему защитники, наверное, бросаются, толкаясь локтями. Как выбрать адвоката и не ошибиться?

— Лучше всего как надежного врача, по знакомству.

Обзвоните всех, кто лично сталкивался, кто скажет: «Я с ним работал, я убежден в его квалификации и порядочности». И даже если такой адвокат не возьмется сам, он кого-то толкового посоветует, потому что от этого тоже зависит деловая репутация рекомендующего. И «на берегу» надо договориться с адвокатом, как и о чем он перед вами отчитывается, ведь вы хотите точно знать, что происходит. Хотя здесь тоже бывают проблемы.

Соглашение часто заключается в пользу третьего лица. Например, арестовали сына, а соглашение заключили родители. И вот я начинаю оказывать помощь сыну, а мама стремится все контролировать: «Вы должны мне всё рассказывать, я же вас наняла». А вот тут — извините.

За деньги — отчитаюсь, за то, что сходил к сыну в изолятор и передал привет, — отчитаюсь, а остальное — не ваше дело.

Судить о качестве защиты может только тот, кому я непосредственно оказываю помощь.

Вообще, идеальный вариант — это когда есть авторитетный человек, который не только адвоката рекомендует клиенту, но и клиента адвокату. И если клиент ведет себя неправильно — растерялся, испугался, не знает, куда бежать, или просто ветер у него в голове гуляет, то тот, кто рекомендовал тебе с ним работать, должен как следует на него рявкнуть.

— А может адвокат сам отказаться от подопечного, на том основании, например, что подопечный систематически врет?

— Адвокат, который заключил соглашение на защиту, от этой защиты отказаться не может, хотя бывают исключительные случаи.

Я однажды как член квалифкомиссии поддержал адвоката, который не только отказался от защиты, но и дал показания на своего подзащитного. Казалось бы — ужасный случай, вон из адвокатуры. Начали разбираться. Выяснилось следующее. Этот защитник еще раньше был знаком с обвиняемым, оказывал ему юридическую помощь. И теперь обвиняемый в получении взятки придумал такую версию: «Слушай, Вася, а давай ты скажешь, что те деньги, которые я взял, это на самом деле твои деньги, ты мне их дал взаймы, и подтвердишь это следствию». Адвокат говорит: «Родной, ты что, упал с большой высоты? Я же не хочу статью с пола поднять».

И тогда подзащитный написал следователю заявление с изложением своей версии событий. Адвокат вынужден был прийти по вызову следователя на допрос и опровергнуть всю возводимую на него напраслину. А затем, естественно, отказался от защиты, потому что как ее дальше вести? В результате и квалифкомиссия, и совет палаты одобрили действия адвоката и

отказали жалобщику, который хотел свою ответственность переложить на защитника.

ДАВАЙТЕ ЗАНИМАТЬСЯ ДЕЛОМ, А НЕ САМОУТЕШЕНИЕМ

— Но, наверное, чаще бывает обратное. В деле «Нового величия» я наблюдала, как адвокат, подзащитный и его родные становятся фактически одной семьей. Это хорошо или плохо?

И вообще, насколько адвокат должен заниматься утешением и психологической поддержкой своих подзащитных?

— У меня практически со всеми бывшими подзащитными до сих пор хорошие, добрые отношения. Но при этом я всем сначала говорю, и клиентам тоже, что я жесткий, вредный адвокат, я буду говорить гадости при наличии к тому оснований. Потому что чаще всего наш контакт начинается с того, что человек мне рассказывает, какой он белый и пушистый и как на него наехали нехорошие люди. Начинаешь изучать дело, и волосы на голове шевелятся. Это ты-то белый и пушистый? Особенно если речь идет о современном российском бизнесе. Для дальнейшей эффективной работы следует лишить доверившегося мне человека лишних и вредных иллюзий, сосредоточившись при этом на критике обвинения и фигурирующих в деле доказательств. С учетом качества нашего следствия для этого обычно находится богатая пища.

С родственниками бывает особенно тяжело. Попадается мужик — крепкий, грамотный, без истерик и битья головой об стенку. И вот приходит к вам его мама, которая всю жизнь простояла у станка, а сынок выбился в топ-менеджеры. Она не может понять, как же это ее идеальный сын, свет в окошке, раз — и в тюрьме: «Как же такое возможно в нашей стране, в нашей России?..» Я говорю: «Родная моя, Мария Ивановна, а вы газеты читаете, телевизор смотрите? Каждый день кого-то арестовывают и судят». Нет, она ничего не смотрит, ничего не читает. Вот и приходится, помимо утешений, заниматься «политпросветом» и разъяснением современных реалий нашей юридической действительности.

Другой раз, много лет назад: бабушка с внуком живет одна, папы нет, мама где-то в Америке на заработках. Бабушкина любовь безгранична. Парень попадает в плохую компанию, грабеж, сняли куртку с какого-то парня, избили. Я взялся за это дело, и бабушка начинает мне рассказывать, что бедный Васенька просто так пошутил, когда они курточку сняли. Я все злые слова

внутри себя прожевал и сказал: «Если хотите со мной работать, не надо мне сказки рассказывать. Эта шутка на языке уголовного кодекса как раз и называется “грабеж”, за который ваш внук может получить реальный срок лишения свободы. Поэтому давайте заниматься делом, а не самоутешением». Бабушка меня услышала, и дело для Васеньки закончилось условным наказанием.

Молодые адвокаты, по моим наблюдениям, теперь вообще чураются общения с родными. Отчасти их можно понять. Им нужно въезжать в детали сложного и запутанного дела, а тут им мозги канифолят всякими расспросами, сомнительными идеями и предложениями. Не каждому хочется такое выдерживать.

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

— Вы и вправду резкий человек.

— Просто моя задача — дать правильные инструкции по защите от конкретного обвинения, а не обеспечить психологический комфорт. Порой эти две задачи несовместимы.

Когда на вас едет бульдозер, можно защищаться либо противотанковой гранатой, либо другим бульдозером, другого варианта не дано.

Моя задача как профессионального адвоката — помочь человеку и его семье сориентироваться в этом темном процессуальном лесу, объяснить, что надо делать, а чего делать ни в коем случае не стоит.

Нет, я не психолог, но если говорить об отношениях с семьями, то мне вообще всегда везло с женами моих подзащитных. С одной, вы знаете, можно было просто икону писать. Потрясающая была женщина, я до сих пор восторгаюсь ей.

У нее в тот момент было двое маленьких детишек. Она практически все отставила в сторону и занималась только судьбой арестованного мужа. Такая самоотверженность, такое желание помочь! Собранная, умная, грамотная, все время сохраняла присутствие духа. Мне потом друзья этой семьи рассказывали, что она во всех компаниях, на всех вечеринках, когда народ гуляет и веселится, всегда сидела и смотрела на него не отрывая глаз. Никто, кроме него, ей не был нужен. Преданная женщина.

А он все-таки сел. Как раз в тот момент происходили изменения в УК, и судья под сурдинку дала даже на 1,5 года больше, чем было можно по статье. Я, правда, потом в Президиуме Мосгорсуда это отбил, он уехал в колонию в Калужскую область, потом вскорости вышел по УДО.

Сейчас они родили третьего ребенка, он успешно работает. Регулярно звонит, поздравляет с праздниками и говорит: «Приглашение ко мне на дачу для вас постоянно открыто».

«ЧТО ТЫ ПЕРЕЖИВАЕШЬ? Я ЖЕ ПОД СТРАЖЕЙ, НЕ ТЫ»

— Правильно я понимаю, что нет более страшных врагов, чем судья и адвокат? Казалось бы, судья должен быть беспристрастен, а на самом деле он как будто только и ищет, как бы вас ущипнуть побольнее. Это вообще нормально?

— Мне не нравится слово «враги», давайте скажем корректно: процессуальные оппоненты. У меня никогда не было никаких драк и скандалов, хотя я порой выступаю резко. Однажды в процессе у небезызвестного судьи Басманного суда Москвы Карпова, который не отпускал обвиняемых под домашний арест, я сказал прокурору и следователю: «Представьте себе, по примеру нередких случаев последнего времени с разными правоохранителями, что вы тоже арестованы. Где бы вам было лучше — дома или под стражей?» Я думал, он прервет меня, но он лишь под конец заседания очнулся и сказал: «Ну, товарищ адвокат, что-то вы перегнули палку».

Профессиональных людей они уважают, хотя это не особо влияет на их решения. Два замечательных адвоката — Елена Липцер и Елена Львова — рассказывали мне, что после процесса в Мосгорсуде одна из судей подошла к ним и сказала: «Вы так хорошо выступаете, приходите к нам почаще». И они ей в ответ, чуть ли не хором: «И? Хорошо выступали — а результат-то где?!» Судья этак потупилась и говорит: «Ну вы же понимаете…» Если бы вы знали, как меня коробит вот это «вы же понимаете…».

Я защищал одного вице-губернатора, которого не отпускали под домашний арест. Говорю наедине судье: «Иван Иваныч, у него здесь жена, бывшая жена, дети и внуки от обоих браков. Недвижимости за границей нету. Куда он денется? Зачем нам с вами каждый судебный день ждать, когда конвой привезет его из СИЗО?» А судья мне честно отвечает: «Он был арестован до того, как я взял это дело, и я боюсь менять меру пресечения. 1 % из 100, что он сбежит — тогда я останусь без мантии». Я сказал: «Спасибо большое за это разъяснение, тогда я не буду тратить время и бегать собирать характеристики и поручительства». И правда, он своей прямотой сэкономил мне время.

Давайте скажем прямо: судьи думают не о великих идеях правосудия, а о себе, о своей семье, о том, что ее надо кормить, о том, чтобы у него не отменили приговор, не лишили работы и все было комфортно по жизни и хорошо.

— А было когда-нибудь, чтобы человек бежал из-под домашнего ареста?

— С моими подзащитными такого не случалось, но вообще бегут, бывает. А почему? Они в суд наш не верят.

Если ты стал подсудимым, на 99 % станешь затем осужденным, а не оправданным.

Столкнешься с глухим прокурором, со слепым судьей, который вынесет приговор, где «дважды два равно восемь». Вот и думает человек: лучше сбежать и побыть какое-то время на свободе, иногда даже долго.

Если бы у нас статистика, как в судах присяжных в царской России, была в 40 % оправдательных приговоров, я думаю, все стремились бы в суде отстаивать свою невиновность, честность и порядочность.

Но и сейчас есть люди уникальные. Один мой питерский коллега защищал оперативника, то есть человека, который со всей нашей кухней знаком по полной программе. И сидит этот оперативник в СИЗО. Дело хлипкое, на соплях, а тут следователи предлагают некий неплохой путь решения ситуации, даже с частичным прекращением дела. Адвокат прибегает на радостях к оперативнику и кричит: «Смотри, как здорово! Отличный вариант! Нужно соглашаться!» А тот говорит: «Никаких вариантов, я буду добиваться полной реабилитации». Мой коллега очень изумился, а тот оперативник ему сказал: «А что ты переживаешь, я же сижу под стражей, не ты».

В итоге дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, и человека освободили прямо в зале суда. Хотя это исключительный случай, гораздо выше была вероятность плохого приговора. Но мужественные люди все-таки есть.

ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ ПЛАТЯТ, ЭТО ТВОИ ПРОБЛЕМЫ

— Вы занимаетесь в основном защитой по хозяйственным делам, ваши клиенты — обычно очень обеспеченные люди. Бывает ли, что Вы без денег работаете?

— Если адвокат работает по соглашению, то оно по закону предусматривает оплату. Но сейчас в резонансных, интересных делах популярна такая форма, как символическая плата, например 1 рубль. Генри Маркович Резник, например, такое практикует.

Но, конечно, адвокаты часто работают вообще бесплатно. Приходит бабушка или молодая девчонка, оказавшиеся в дикой, несправедливой ситуации, ну какие деньги ты с них будешь брать? Иногда спрашивают: «Сколько вам заплатить за

консультацию?» Говоришь: «Не надо, вам деньги больше пригодятся».

По крупным хозяйственным делам, конечно, никто бесплатно работать не станет. Но если это политика — «Болотное дело» или «Новое величие», — то это явно не про деньги, а скорее про убеждения.

Есть обратная больная тема у нас в адвокатуре: когда клиент в одностороннем порядке перестает платить. Иногда это просто профессиональные мошенники, которые привыкли «кидать» людей. Но бывает, что у клиента реально кончаются деньги. При этом по закону мы не можем бросить дело. Как тогда поступать?

Одни считают, что доверителя нельзя оставить ни при каких обстоятельствах. Но мы в Москве полагаем, что подобная ситуация должна быть заранее предусмотрена в договоре как основание его расторгнуть.

На эту тему были жаркие споры, например, в Адвокатской палате Санкт-Петербурга, в Москве, в Краснодаре. Должен ли защитник продолжать защищать? Мы же тоже люди. У меня есть знакомая — прекрасный юрист. Она говорит: «У меня муж не работает, трое детей и собака. Если у меня 5 дней в неделю идет процесс и мне не платят, то кто будет кормить мою собаку, мужа и детей?» Этот интересный вопрос я задавал моим оппонентам, но ответа так и не услышал. В традициях адвокатской профессии так: перестали платить — твои проблемы, продолжай работать. А чем семью кормить, рассказами о традициях?

«ГОТОВ ЗАПЛАТИТЬ, ЛИШЬ БЫ НЕ ИМЕТЬ ЭТОГО КЛИЕНТА»

— Как Вы вообще пришли в эту профессию — через родителей?

— У меня отец был с инженерным образованием, он работал в сфере атомной энергетики, а мать — строитель. То есть ни юристов, ни милиционеров не было. Для родителей стало некоторым потрясением, когда я подал документы в московскую Высшую школу МВД СССР. Я учился в 1978–1982 гг., потом я работал следователем, а затем я поступил в адъюнктуру (аналог аспирантуры) Академии МВД СССР.

— Эта Высшая школа считалась, наверное, не самым престижным местом? Был ведь МГУ.

— В МГУ я бы точно не прошел, а эта школа — сейчас университет, тогда она только-только была создана и, кстати, там был великолепный профессорско-преподавательский состав. Все они, между прочим, отдавали должное тогдашнему министру

внутренних дел Щелокову. Он хоть и скверно кончил, однако авторитет милиции в свое время поднял на большую высоту — в плане зарплаты и всего прочего. В том числе в привлечении в учебные заведения МВД сильных профессоров.

Был забавный случай. Отслужив срочную службу, я пришел вставать на учет в военкомат, уже определившись с дальнейшей учебой. В кабинете две женщины приняли у меня документы, потом я замешкался, а они думали, что я уже вышел. И слышу, как одна другой говорит: «Это каким же надо быть дураком, чтобы после армии идти в милицию». Я возвращаюсь и говорю: «Простите, это вы про меня?» Они очень смутились.

— Вы были тем самым следователем, которого в советских фильмах показывают? Который сидит в кабинете за столом, в погонах, и допрашивает подозреваемого?

— Только без погон. Нет, естественно, мне присваивались звания, но следователям очень не нравилось носить форму. Приходил очередной приказ, мы два дня носили ее, а потом всё равно снимали. Ну что, оперативник пойдет на задержание в форме? Мы хоть и не оперативники, но тоже не любили этого.

Зато в Следственном комитете, где я по делам часто бываю, я наблюдал другое отношение, особенно в Техническом переулке, где частенько дают звание генералов. Им только-только пошили вот эту форму от Юдашкина, я захожу, а там блеск, золотые погоны, как на балу, все друг перед другом хвастаются: «А я успел в ателье заказать», «А мне ушивают», «А у меня и так хорошо сидит»… Ну, наверное, в генеральской форме приятно сидеть в кабинете, а в остальных случаях она не нужна.

— Золотые погоны — хоть какая-то радость. А так — никакой романтики, скука, зубрежка, казенщина. Как молодой человек может об этом мечтать?

— Ну на работе у моих родителей тоже романтизма, в моем понимании, было ноль. Папа на реакторе, матушка всю жизнь с какими-то процентовками. А юрист работает не с железками, не с цифрами, а с живыми людьми, у каждого из которых — своя трагедия. В юности, может быть, я и не отдавал себе в этом отчета, но сейчас понимаю, что влечет именно это.

И все время открывается какая-то новая сфера жизни. То погружаешься в земельные отношения, то в тарифообразование, в банкротство, плюс порой такие персонажи проходят, либо ты от них чему-то учишься, либо сам их учишь, либо наводишь справки и видишь, что это такой поганец, с которым вообще лучше дела не иметь. Я в свое время придумал формулу: «Готов заплатить, лишь бы не иметь этого клиента».

— Разве не любой человек имеет право на адвокатскую

защиту?

— Любой. Но у адвоката в идеале должна быть специализация. У меня был однокашник по Высшей школе, тоже с красным дипломом закончил. Меня помотало, а он сразу попал на высокий уровень, стал работать следователем в Главном следственном управлении Москвы, затем после выслуги тоже ушел в адвокаты. Он мне один раз звонит и говорит: «Слушай, давай мы возьмем на двоих дело двух наркоманов». Я отказался, он обиделся. Не представляю себя защищающим наркомана, а он не понял, почему я отказался.

Я всю сознательную жизнь занимался экономической преступностью. Стал следователем по хозяйственным делам, написал диссертацию по той же тематике. Есть очень талантливые адвокаты, которые берутся за все подряд — и за гражданские дела, и уголовные. Лично я себя не вижу занимающимся делами по наркотикам или по ДТП или ведущим дело в арбитраже. Но среди универсальных защитников попадаются действительно очень знающие люди.

— У Вас есть ролевая модель? Адвокат, на которого хотелось бы быть похожим?

— Мои герои — это адвокаты-ораторы. Вот это вот та зависть, о которой надо говорить «белая». Я 10 лет преподавал и имею порядочный опыт публичных выступлений, а все же есть у меня коллега, которого не хотел бы сейчас называть, потому что у нас с ним отношения хоть и хорошие, но непростые и часто конкурентные.

Однажды награждали группу адвокатов, нас всех пригласили на сцену при огромном скоплении народа, и каждый должен был произнести благодарственное слово. Я сказал что-то формальное, а потом выступил он. Не знаю, подготовленная это была речь или импровизация, но мне стало стыдно, что я так не могу. Перед такими людьми снимаю шляпу.

Опубликовано в интернет-СМИ «Правмир» в 2020 году

Станет ли свидетель Сердюков обвиняемым?
На вопросы главного редактора «Совершенно секретно» отвечает адвокат бывшего министра обороны

Дело Оборонсервиса набирает обороты. Уже названы имена нескольких обвиняемых. Однако высших руководителей Министерства обороны среди них нет. Бывший министр Анатолий Сердюков до сих пор проходит по этому делу как свидетель. Надо сказать, что с момента своей отставки он не дал ни одного публичного комментария по делу. Молчали и его защитники. Сегодня «Совершенно секретно» публикует первое интервью адвоката Анатолия Сердюкова — Константина Ривкина — о расследовании дела Оборонсервиса.

— Вы на протяжении нескольких лет были адвокатом экс-владельца ЮКОСа Платона Лебедева. Вы отказались от работы с Лебедевым ради защиты экс-министра обороны?

— Одно решение никак не связано с другим. Я действительно занимался защитой Платона Лебедева 8 лет и свои обязанности выполнил. Дело, о котором мы говорим сейчас, просто новая работа. Кстати, если быть точным, то это не защита, а представление интересов. По так называемому делу Оборонсервиса мой клиент Анатолий Эдуардович Сердюков проходит как свидетель. Я оказываю ему правовую помощь с ноября прошлого года. Вместе со мной также работает известный адвокат Генрих Падва.

— Если Анатолий Сердюков только свидетель, то зачем он пригласил таких серьезных и, думаю, недешевых адвокатов?

— Очевидно, что он хотел заручиться помощью профессиональных юристов, так как ему приходится периодически общаться со следователями. Согласитесь, что любой человек в такой ситуации заинтересован в правовых консультациях. За прошедшие месяцы нам не раз приходилось сопровождать его на допросы, участвовать в некоторых других следственных действиях, кроме того, мы консультировали Анатолия Сердюкова, когда он давал объяснения в рамках доследственных проверок, которые проводит Военная прокуратура. Естественно, мы отслеживаем в доступных нам пределах ход предварительного следствия и анализируем

становящиеся известными факты. Благо следствие постоянно подогревает интерес к этому делу, давая прессе информацию о новых эпизодах и проводимых при расследовании процессуальных мероприятиях.

— Похоже, Вам не нравится, что журналисты получают доступ к информации. Не могу с Вами согласиться, это дело имеет такой резонанс, что его прозрачность приобретает не только юридическое, но и политическое значение.

— Я вовсе не против прозрачности. Но мне не нравится, когда серьезный разговор подменяют диким коктейлем криминальной, люмпен-истеричной и альковной тематики, как это было сразу после возбуждения дела Оборонсервиса. И главное — в этой вакханалии утонули голоса тех, кто задавал очень существенные (не только для моего клиента, но и для общества) вопросы. В чем истинные причины опалы Сердюкова? Отчего так внезапно прозрела военная юстиция? Сейчас ситуация несколько изменилась, хотя искаженные сведения продолжают систематически появляться в публикациях.

— Вы говорите об искажениях? Или Вам, как адвокату Анатолия Сердюкова, не нравится жесткий тон публикаций?

— Я говорю именно об искажениях.

— Можете привести примеры?

— Конечно могу. Например, была широко растиражирована информация о якобы изъятой у бывшего руководителя Департамента имущественных отношений Минобороны Евгении Васильевой коллекции уникальных картин известных художников.

— Что, художники оказались неизвестными, а картины неуникальными?

— Пресса писала о полотнах кисти Айвазовского, Репина, Левитана с намеком, что они были вывезены из Культурного центра ВС РФ. На самом деле у Васильевой было изъято 36 картин, привезенных ею с прежнего места жительства, из Петербурга, работ классиков там нет, как нет и картин, принадлежащих Министерству обороны. Точно так же СМИ распространяли дезинформацию о якобы 13-комнатной квартире.

— И квартира оказалась малогабаритной «хрущевкой»?

— По данным БТИ, жилая площадь квартиры Васильевой на Остоженке не превышает 120 квадратных метров, в ней 4 комнаты плюс подсобные помещения. Квартиру эту Васильевой купил отец еще до того, как она заняла крупный пост в Минобороны. К той же категории лжесенсаций относятся и сведения об арестах заграничных счетов Васильевой, опровергнутые затем не только ее адвокатами, но и самими следователями. Складывается

впечатление, что истерия в прессе по данному делу не только искусственно и регулярно подогревается, но и организуется из единого центра. Кстати, не могу не отметить, что и при изложении существа обвинений по делу Оборонсервиса тоже далеко не все так однозначно, как это представляют общественности следственные органы.

— Насколько я понимаю, основные обвинения, предъявленные фигурантам этого дела, связаны с распродажей активов Министерства обороны по заниженным ценам, что привело к многомиллиардному ущербу. Цены, по которым распродавалась военная недвижимость, названы и не опровергнуты. Речь идет о неадекватных суммах — это очевидно не только специалистам.

— Именно такую картину пытаются нарисовать представители следствия, умалчивая о весьма существенных деталях, позволяющих взглянуть на ситуацию совсем по-иному. Чтобы мои доводы были более понятны, начну со справки. Оборонсервис — это не одно предприятие, а многопрофильный холдинг, представляющий собой вертикально интегрированную структуру, чьи низовые организации разбросаны по всей стране. Эффективная деятельность такого холдинга возможна лишь при условии нормальной работы всех его звеньев. Теперь представьте себе, что в реальных условиях часть входящих в Оборонсервис предприятий находится в предбанкротном состоянии, по причине отсутствия денег не поставляются запчасти для ремонта военной техники, начинаются забастовки из-за невыплаченной заработной платы, населению отключают электроэнергию… Разве в такой ситуации разумный хозяин, изначально имея намерение избавиться от своих непрофильных и проблемных активов, станет торговаться с потенциальными покупателями? Тем более если его регулярно «вызывает на ковер» руководство страны и требует принять меры для снятия в регионах социального напряжения. Другими словами — если маме-папе для сложной операции ребенку срочно нужны деньги, разве они будут думать, как бы подороже продать свои подержанные, да и не сильно нужные «жигули»?

— Мне кажется, Ваше сравнение не слишком корректно. У гипотетических мамы-папы, о которых Вы говорите, кроме подержанных «жигулей», ничего нет, а у Министерства обороны огромный и к тому же растущий бюджет, в рамках которого можно решить куда более серьезные проблемы, чем невыплата зарплаты на отдельном предприятии.

— Не думаю, что Вы правы. Бюджет серьезный, но и нерешенных проблем немало. Но я бы обратил Ваше внимание на

следующее: даже несмотря на то, что сделки проводились в условиях дефицита времени, во всех случаях реализации имущества предварительно были затребованы заключения профессиональных оценщиков. Нет ни одного случая, чтобы активы продавались ниже стоимости, определенной при такой оценке. Хотя на самом деле по закону она вовсе не требовалась: согласно гражданскому законодательству здесь действовало правило свободы договора с абсолютно легальным правом установления продажной цены на основании взаимного соглашения сторон. Поэтому ни о каком «занижении» в принципе не может идти речи. Интересно, что по этому поводу такая авторитетная газета, как «Ведомости» (№ 134 от 29.07.2013), провела опрос представителей риелторских агентств и все они подтвердили, что продажные цены на реализованную недвижимость «вписывались в погрешность оценки».

Я бы еще как-то мог понять, если бы обвинители, утверждая, например, что некое здание на самом деле стоит не 700 миллионов, за которые оно продано, а миллиард рублей, заявили, что Главная военная прокуратура или Следственный комитет сами готовы скинуться и выкупить его по той самой «рыночной» цене. Но пока этого нет, как и не было конкретных покупателей по таким ценам, позиция следствия представляет собой, как говорят шутники, не более чем теоретическое размахивание руками.

Буквально на днях Минобороны назвало цифры, из которых следует, что из 256 назначавшихся в 2010–2012 годах аукционов по продаже высвобождающегося имущества 2/3 не состоялось из-за отсутствия покупателей. Очень красноречивый ответ фантазерам, декларирующим некие мифические «рыночные» цены.

— Я, в отличие от Вас, не знаю этого дела в деталях. Зато хорошо представляю себе, с какой легкостью у нас в стране находят нужных оценщиков и не запрещенные законом методы, когда государственное имущество надо быстро сбыть в частные руки. Вы уверены, что тут не было никакой корысти? Или, говоря юридическим языком, коррупционной составляющей?

— Как юрист, я бы предпочел говорить о конкретных обвинениях или хотя бы подозрениях. На данный момент, насколько я знаю, ни о какой коррупционности в деле Оборонсервиса речь не идет.

— Евгении Васильевой, которая, собственно, и осуществляла распродажу активов Минобороны, предъявлены серьезные обвинения в злоупотреблениях. Но

удивительно — наш суд, который исправно отправляет обвиняемых под арест, вдруг продемонстрировал гуманность. Не проявив ее, к примеру, по отношению к участницам Pussy Riot. Чем объяснить такое добросердечие судей?

— Я бы не стал иронизировать по этому поводу. Отвечая на Ваш вопрос, для начала приведу цитату из выступления Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на одном из заседаний в Совете Федерации: «Неадекватно состоянию преступности широко применяется в качестве меры пресечения содержание под стражей. Удовлетворяется свыше 90 % ходатайств следователей о заключении под стражу… На наш взгляд, негативную тенденцию необходимо пресечь уже сейчас, не дать ей возможности развиться и укрепиться». Действительно, многие юристы — и ученые, и практики — крайне озабочены тем, каким путем развивается современное российское правосудие, имеющее в значительной степени репрессивный характер. Именно для борьбы с такими искривлениями за последнее десятилетие в уголовный закон были внесены изменения, направленные на замену заключения под стражу альтернативными мерами пресечения. Слава богу, что дело сдвинулось с мертвой точки: за весь 2012 год вместо помещения в СИЗО российские суды в 347 случаях применяли залог и в 1508 случаях — домашний арест. Парадокс в том, что, когда эти вполне разумные меры стали весьма робко внедряться в жизнь, появились недовольные такой гуманизацией. Хотя совершенно ясно, что в современных российских реалиях смысл помещения человека в условия изоляции — это прежде всего оказание на него психологического давления с целью сломить волю арестованного.

Возвращаясь к ситуации с Васильевой, скажу, что правильным и никак не противоречащим закону было бы изменить нескольким другим арестованным по тому же делу женщинам меру пресечения на более мягкую, не связанную с лишением свободы. В действительности наблюдается иное, задержанным предлагается альтернатива: или идешь в тюрьму, или говоришь то, что мы хотим от тебя услышать.

— Только ли случаи продажи недвижимости привлекли внимание прокуроров?

— Не только. Порой создается впечатление, что сквозь призму Уголовного кодекса сейчас рассматривается едва ли не вся деятельность Министерства обороны за последние годы.

— Я бы не исключала, что Министерство обороны это заслужило.

— Повторюсь, я юрист, а это уже не вопросы права, а публицистика… Давайте все же вернемся к конкретике. Вот

показательный пример — закупка партии итальянских машин фирмы IVECO. Поясню, что бронированные автомобили IVECO итальянского производства (переименованные у нас в «Рысь». — *Ред.*) приобретались в рамках государственной программы вооружения на 2011–2020 годы. Машина зарекомендовала себя с положительной стороны и сейчас принята на вооружение многими армиями стран НАТО. Уникальной особенностью IVECO является высокая противоминная стойкость, позволяющая выжить экипажу при наезде даже на противотанковую мину. Распоряжением Правительства РФ за подписью Владимира Путина в декабре 2011 года единственным поставщиком таких автомобилей для российских вооруженных сил было определено ОАО «Оборонсервис». Видимо, именно это обстоятельство впоследствии и стало причиной повышенного интереса Военной прокуратуры к сделке. Выяснилось, что по согласованию с Государственным таможенным комитетом на часть автомобилей, предназначавшихся для вывоза раненых с поля боя, была применена нулевая ставка таможенной пошлины. Узнавшие об этом прокуроры с таким подходом не согласились, решив, что ставка должна быть 20 %, и усмотрели здесь криминал в виде умышленного уклонения от уплаты таможенных платежей. Естественно, что возбуждение уголовного дела по данному эпизоду сопровождалось очередным «барабанным боем» в прессе, рассказавшей о якобы выявленных новых прегрешениях в ведомстве Сердюкова. Хотя сделка до конца еще не закрыта, целевое назначение всей партии бронемашин, допускающее их разнообразное использование, до сих пор не определено, но уже по настоянию органов военной юстиции немалая сумма, выделявшаяся на покупку автомобилей, вернулась государству в виде таможенных платежей по полной ставке. В чем здесь, скажите, преступление, если имеет место экономия бюджетных средств при полном отсутствии хоть каких-либо оснований полагать, что они использовались не по назначению, а примененная ставка пошлины была одобрена Государственным таможенным комитетом?

— Я понимаю, что Вы оцениваете все эпизоды, всплывающие в деле Оборонсервиса, с точки зрения адвоката Анатолия Сердюкова. И все же позволю себе неполиткорректный вопрос. Вас не смущает то, что у Вашего клиента в период его работы на посту главы Минобороны репутация была скверная — и в армии, и вне ее?

— Во-первых, вы правы — я адвокат и моя задача не оценивать репутацию клиента, а оказывать ему правовую помощь. Во-вторых, я бы не стал так однозначно говорить о дурной

репутации. Простите, но это опять скорее публицистика. И наконец, я могу привести некоторые цифры и сведения, которыми располагаю, чтобы каждый сам мог для себя если не сделать выводы, то хотя бы задуматься над тем, насколько эффективным министром был Анатолий Сердюков. В 2007 году, когда Сердюков стал министром, кредиторская задолженность ведомства составляла 207 млрд рублей. Долги подведомственных Минобороны предприятий также исчислялись миллиардами. Тягостная картина наблюдалась на предприятиях, затем вошедших в состав холдинга «Оборонсервис»: износ почти половины основных фондов — на критическом уровне, около трети пребывает на стадии банкротства или в предбанкротном состоянии. При этом перед Сердюковым руководством страны была поставлена задача оптимизации числа военнослужащих, существенного сокращения бюджетных расходов на содержание армии, в том числе освобождение Минобороны от активов, не задействованных в обеспечении функций министерства.

В ходе проведения реформы вооруженных сил, если говорить только об Оборонсервисе, за период времени с 2008 по 2011 год его чистая прибыль выросла в два раза, в отношении 94 предприятий удалось предотвратить банкротство, было реализовано около 600 объектов холдинга, обременительных для ведомства, при этом погашены задолженности и ликвидирован бюджетный дефицит.

— Задолженности могли бы, видимо, быть погашены и побыстрее, если бы не весьма странные траты, которые позволял себе министр обороны. Я об истории базы отдыха, которая принадлежала родственнику Анатолия Сердюкова и куда были вложены бюджетные деньги.

— История не вполне такая, как ее описывают СМИ, и сейчас могу сказать, не раскрывая всех подробностей, что завершилась она в итоге с существенной выгодой для Минобороны. На базу отдыха, расположенную на острове Школьный в Астраханской области, в 2011 и 2012 годах несколько раз прилетали руководители нашей страны — президент и премьер-министр. Отдыхали там, ловили рыбу. Это место им действительно подсказал Сердюков, сам большой любитель рыбалки. И тем самым в некотором роде взял на себя ответственность за свою рекомендацию, заботясь о том, чтобы первые лица себя комфортно чувствовали. К тому же и сам он там бывал в числе тех, кто сопровождал руководителей государства. Хотя, вопреки утверждениям прессы, никогда не являлся ни прямо, ни косвенно владельцем базы, которую с легкой руки журналистов уже окрестили «дачей Сердюкова». Стоит ли удивляться, что силами

Минобороны в нескольких не терпящих отлагательства случаях накануне предстоящих визитов на территории и вокруг нее наводился надлежащий порядок, в том числе и во исполнение распоряжений Федеральной службы охраны, обеспечивавшей безопасность высокопоставленных гостей?

У нас вызывала недоумение суперактивность военно-следственных органов, проявляющих совершенно не входящий в их компетенцию интерес к месту и обстоятельствам проведения встреч Верховного главнокомандующего — Президента РФ, премьер-министра РФ и министра обороны РФ. Думаю, что, если бы такое же времяпрепровождение происходило на ведомственном объекте МО, подготовительные мероприятия не вызвали бы подобного ажиотажа. Когда же руководители страны выбрали для себя удобную им частную территорию, это впоследствии вызвало высадку на остров целого десанта прокурорско-следственных работников. Их любопытство к бытовым условиям пребывания на базе упомянутых отдыхающих простиралось столь далеко, что, как мне рассказали очевидцы, один из следователей, увидев на кромке бассейна лежащие в кучке плавательные принадлежности, совершенно серьезно спросил: «И которые здесь плавки Сердюкова?»

Вероятно, если бы «плавки Сердюкова» были обнаружены и идентифицированы, то их бы доставили в Москву и приобщили к уголовному делу в качестве суперважного вещественного доказательства. Насколько я понимаю, следователи пытаются связать эту историю с Сердюковым и найти для него в связи с этим хоть какую-нибудь статью Уголовного кодекса. Причем занимаются этим довольно усердно. Рассказывали, как по завершении допроса одного из свидетелей тот вместе со своим адвокатом был вынужден заниматься вычеркиванием из текста составленного следователем протокола вписанных туда и не произносившихся на самом деле слов «по указанию Сердюкова».

— Вы намекаете на то, что следствие особо предвзято к Анатолию Сердюкову и ставит своей задачей во что бы то ни стало его посадить? Что-то я не припомню осужденных такого уровня в России, тем более на реальные сроки.

— Дело не в Сердюкове, а в том, что отечественную правоприменительную практику отличает обвинительный уклон. И вероятно, Вы правы — больнее это бьет по рядовым людям. Дело Оборонсервиса исключением не является.

Обратите внимание — в декабре 2012 года председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин в интервью сказал: «Что касается конкретного громкого дела Оборонсервиса, мы сейчас назначаем сложную финансово-экономическую

экспертизу с привлечением крупных специалистов. Мы не можем просто так взять и сказать, что эти женщины и Анатолий Сердюков что-то украли. Я поставил задачу перед следователями провести целый ряд экспертиз, чтобы сделать вывод о правонарушении. А может, наоборот, они скажут, что такова была конъюнктура рынка: не будем забывать, что есть целый ряд спорных юридических вопросов, например такие, как продажа объектов недвижимости по определенной стоимости».

Парадокс (мягко говоря) описанной ситуации заключается в признании того, что следственные органы, еще не назначив решающие для существа дела базовые экспертные исследования и даже при этом не исключая возможности их последующего вывода об абсолютной правомерности действий фигурантов уголовных дел, уже к тому времени не только сформулировали и выдвинули обвинения, но и заключили людей под стражу. С момента интервью Бастрыкина прошло свыше полугода, однако, насколько я знаю, ни участвующие в деле адвокаты, ни их подзащитные никаких заключений экономических экспертиз в глаза не видели. Однако за это же время было арестовано еще несколько человек.

Естественно, что в такой ситуации появляется обоснованное опасение, что экспертизы, о которых говорил глава СК, поручены не авторитетным и беспристрастным государственным учреждениям, а специально подобранным частным экспертам с установкой подогнать выводы под уже многократно продекларированные следствием «заниженные» цены. О какой непредвзятости тут можно говорить?

Справедливости ради следует отметить, что недавно следствие действительно попыталось проявить объективность и вынесло постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по явно надуманному эпизоду с приобретением за счет средств благотворительного фонда мебели для кадетского училища. Ни ущерба государственным интересам, ни нарушения закона в материале, представленном оперслужбами, обнаружено не было. Какой тут сразу поднялся шум: посмотрите, например, правительственную «Российскую газету» за 20 августа 2013 года. Налицо неприкрытая попытка столкнуть лбами органы предварительного следствия с Военной прокуратурой, МВД и ФСБ. Причем вынесение неугодного определенным силам процессуального решения преподносится едва ли не как измена Родине. Итог предсказуем: руководство Главного военного следственного управления отменило «отказное» постановление.

К сожалению, я и далее могу привести неединичные примеры обвинительного уклона российского следствия, в том числе в

делах по «экономическим» статьям, которыми я в основном занимаюсь. Это и необоснованное вмешательство следственных органов в работу коммерческих структур — когда следствие утверждает, что качество предусмотренных договором работ было низким, а у заказчика никаких претензий нет. Это и ставший за последние годы модным пересмотр людьми в погонах стоимости активов, которые законный собственник реализует через гражданско-правовые сделки. Это и объявление криминалом экономии государственных бюджетных средств — как это было в случае с IVECO. И в этом же ряду — более чем сомнительные методы получения нужных следователям показаний.

— Вооруженный такими серьезными адвокатами, Анатолий Сердюков испытал на себе такие методы? Неужели?

— Сердюков — нет, а вот ключевая для стороны обвинения фигурантка дела — назовем ее N — да. Насколько можно судить по имеющимся в распоряжении защиты процессуальным документам, именно на ее показаниях во многом базируются обвинения, выдвинутые против ряда лиц, привлеченных по делу Оборонсервиса. После возбуждения уголовного дела N добровольно вместе с супругом приехала в Москву из Санкт-Петербурга, чтобы ответить на появившиеся у следствия вопросы. Это искреннее, очевидно, желание помочь правоохранительным органам разобраться привело, тем не менее обоих в изолятор временного содержания. Посмотрите протокол: с женщиной, матерью двоих несовершеннолетних детей, муж которой также оказался за решеткой, в течение 6 часов «беседовала» целая бригада в составе следователя и оперсотрудников от ФСБ и МВД. Результатом этого многочасового общения стали всего несколько страниц текста, зато в нем появились столь желанные следствию признания, истинность которых вызывает обоснованные сомнения.

— У Вас получается, что работающие по делу Оборонсервиса следователи — сплошь кровожадные, а обвиняемые, как и сам Анатолий Сердюков, «белые и пушистые».

— Вовсе нет. Те прокуроры и следователи, которых я лично наблюдал в ходе работы по этому делу, вели себя вполне корректно. Но несмотря на это, я не приемлю искусственных обвинений, криминализирующих обычную бизнес-практику. А также методы психологического давления, больше похожие на угрозы и шантаж. Кстати, и оперативные мероприятия вызывают массу вопросов. Регулярно находящихся в СИЗО арестованных в отсутствие их адвокатов посещают оперативники и уговаривают

дать выгодные для следствия показания, пугая большими сроками наказания либо ублажая обещаниями выпустить на свободу. Жалобы на такие действия никакого результата не приносят. Или, к примеру, целому ряду вызывавшихся в следственные органы свидетелей было сообщено, что на протяжении довольно длительного периода времени их телефонные разговоры фиксировались с помощью технических средств. Кое-кому из допрашиваемых давали слушать фрагменты таких записей и затем предлагали их под протокол прокомментировать. Соответственно, получается, что либо силовые ведомства, прекрасно зная о совершавшихся под их контролем «хищениях», потворствовали криминалу и не вмешивались, либо они сознавали абсолютную правомерность происходивших у них на глазах сделок и финансовых операций и не усматривали никаких оснований для реагирования. Я лично склоняюсь ко второй версии. Оставляя за скобками вопрос, кто же и с какой целью запустил в данной ситуации машину уголовного преследования.

— Вы хотите сказать, что прослушивали и действующего министра обороны РФ?

— Я этого не говорил. Но если во время очередного допроса нам предъявят такие аудиозаписи, не сильно удивлюсь.

— Вы готовы к тому, что от представления интересов Анатолия Сердюкова Вам придется перейти к его полноценной защите в качестве обвиняемого?

— Считаю, что реальных оснований для подобной перспективы нет.

Опубликовано в ежемесячном издании «Совершенно секретно» в 2013 году

Интервью журналу «Бизнес-курс» (Омск), выпуск от 1 апреля 2015 года

Адвокат Константин Ривкин: «Бизнес замочили, теперь взялись за чиновников»

Активный бизнес выгнан за границу, и российская правоохранительная система определила себе новую жертву — пласт чиновников. В этом убежден московский адвокат Константин Ривкин, присоединившийся к команде защиты первого заместителя председателя правительства Омской области Юрия Гамбурга. Автор книги «Ходорковский, Лебедев, далее везде: Записки адвоката о "деле ЮКОСа", рассуждает с «БК» о судьбе российского правосудия и приходит к выводу, что путь только один — подвергнуть весь судейский состав люстрации.

— Константин Евгеньевич, после прочтения Вашей книги у меня сложилось впечатление, что Вы беретесь за дела, только когда уверены в невиновности подзащитного…

— Я берусь за дело только в том случае, если оно мне профессионально интересно. А уж о виновности или невиновности клиента можно судить, только непосредственно погрузившись в дело. Однако ведь приходится принимать решение о работе с клиентом еще до знакомства с материалами. И нередко бывает, когда человек уверяет в том, что он чуть ли не ангел. Потом, после изучения материалов, обнаруживается, что клиент далеко не такой белый и пушистый, каким хотел казаться. И ты сидишь — на ушах лапша, в голове исключительно нелитературные выражения… Так и тянет спросить: «Иван Иваныч, зачем же вы сделали вот это и вот это???» Но как Вы понимаете, уже согласившись защищать клиента, адвокат по закону не может выйти из процесса без согласия подзащитного.

— В вашей практике были такие моменты?

— Конечно. Постоянно. Иллюзии насчет клиента очень часто развеиваются на первом же этапе. У нас и бизнес не ведется в белых перчатках, и работа чиновников сопряжена с нормативными документами, допускающими массу разночтений — с этим необходимо тщательно разбираться. Я себе и выбрал стезю изучения экономических правонарушений, где далеко не всё так однозначно, как в делах бытовых — Маша ударила Люсю кирпичом. В этих делах нередко приходится выяснять, Маша ли ударила Люсю, не наоборот ли и был ли вообще кирпич… В хозяйственных делах, на которых я специализируюсь, исход всегда 50/50 — имело место быть преступление или нет. И в

большинстве резонансных дел всё нередко перевернуто с ног на голову. Раз Вы читали мою книгу, то должны помнить, что в обоих делах ЮКОСа было именно так. Украсть нефть у самих себя — ну это же полная шизофрения.

— После разгромных «юкосовских» дел не возникло настолько сильное разочарование в профессии, что захотелось ее покинуть?

— Мне покинуть не хотелось. Но вынужден констатировать, что какая-то часть моих высококвалифицированных коллег действительно оставили эту стезю, сменив деятельность или уехав за границу. С изумлением узнав, что одна из моих напарниц по «делу ЮКОСа» собралась выехать из России, я спросил ее: «Лена, ну как же так?» На что она ответила мне — «Я просто устала биться об стену…» Что касается меня, то могу сказать, что мне везет на клиентов, которые не считают адвоката каким-то фокусником или шулером, а понимают, что обращаются за правовой помощью. Мои услуги как адвоката востребованы, и я рад заниматься своим делом. К тому же я бы не сказал, что наша позиция такая уж безобидная и беспомощная. По тем же «юкосовским» делам мы выиграли и в Верховном суде и в Европейском суде по права человека, и Гаагский суд нашему российскому суду по голове настучал, а это уже что-то. Разочарования у меня нет, есть просто понимание реалий, которое, кстати, не внушает никакого оптимизма.

— А вот спустя пару лет после выхода Вашей книги, судебная система изменилась, на Ваш взгляд?

— В системе появился маленький элемент гуманизации. Видимо, в связи с тем, что пересажали уже такое количество человек, решено, что нужно если не остановиться, то хотя бы поставить запятую.

Радует все большая распространенность применения практики домашнего ареста. Однако кардинальных каких-то сдвигов нет. Накануне председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев заявил, что обвинительного уклона в нашей судебной практике нет. А я предлагаю посмотреть недавние выступления Путина и ранее — Медведева, которые считают, что он почему-то есть… Вот известное высказывание, приписываемое Черчиллю: «Есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика». И когда мы берем, как это сделал Лебедев, в рассмотрение судебную статистику, то дело не в этих циферках, а в том, что обвинительный уклон-то никуда при этом не делся. Внешне есть какие-то сдвиги. Вот взять дело в вашем Центральном суде (имеется в виду дело в отношении Юрия Гамбурга. — *Прим. ред.*). Внешние атрибуты — вежливость, формальная внимательность —

в наличии. Однако когда доходим до решения вопросов, которые я считаю священной коровой судебной системы — заключения под стражу, исключения недопустимых доказательств, — сразу становится понятным, что цена этим поверхностным признакам — ноль, минус единица. Хотя, конечно, в комфортных условиях и работается легче, не так как в первом юкосовском деле, наполненном агрессией. В результате новелл, вносимых в закон, всё время появляется очередная виньеточка на теле уголовно-процессуального кодекса. Сейчас, например, пытаются восстановить дореволюционную должность следственного судьи. Но если сейчас судья, который выносил решение по «делу ЮКОСа», займет такой пост, то ровным счетом ничего ведь не поменяется… Есть, конечно, и меры, действительно соответствующие здравому смыслу, но я не устаю повторять: Россия — страна парадоксов, любые адекватные институты извращаются на нашей почве, превращаясь в абсолютную противоположность. Если на Западе действительно независимый суд и во главу угла общество ставит законопослушание, то у нас любые разумные полномочия становятся очередным оружием в руках Марьиванны, облаченной в судейскую мантию. Правосознание людей, составляющих сейчас наши законы или применяющих от имени власти, начинает активно фонтанировать только тогда, когда они сами садятся на скамью подсудимых. Это очень интересно сравнивать. Какой широкий спектр возмущения, негодования, помноженное на реальное знание закона, открывается у этих людей, когда они оказываются «по другую сторону баррикад»! Так и хочется спросить: «Марьиванна, ну чего же ты сама так не оценивала, когда была на посту?»

— Кстати, о статистике — сейчас процент оправдательных приговоров составляет всего 4,5 %. Как Вы считаете, эти цифры соответствуют действительности?

— Безусловно соответствуют. Только радует ли это?

— Ну вообще-то это больше, чем в предыдущем году.

— Ах, ну да. Что называется — труп слегка вздрогнул… Сейчас проведу параллель, чтобы все стало понятно. В «плохой» царской России количество оправдательных приговоров доходило до 40 %. В «жуткие» сталинские времена — до 10 %. В советское время они совсем исчезли, потому что считалось, что партия, к которой принадлежали и судья, и сторона обвинения, ошибаться не может. Когда у нас появился институт суда присяжных, количество оправдательных приговоров возросло, кажется, до 25 %. Если бы еще нынешние 4,5 % были вынесены при идеальной работе следствия, я бы восхитился. А так, ежедневно сталкиваясь с обратным…

— Что-то может переломить эту тенденцию?

— Известны случаи, когда в некоторых странах полностью меняли судейский пласт. В одном из интервью на радио я предложил провести люстрацию всего корпуса у нас, полностью набрав иностранную команду — людей с западным менталитетом и правосознанием, которые не знают, что такое не исполнять закон. Такие проекты, кстати, очень основательно рассматривались в некоторых постсоветских странах. На следующий день сам ужаснулся своим словам — любой иностранец ведь испортится у нас… Честно говоря, сейчас я не вижу никаких реальных инструментов, способных изменить сложившуюся ситуацию. На самом деле у нас был очень хороший уголовно-процессуальный кодекс на момент принятия, получивший в свое время высокую экспертную оценку Совета Европы. Он деградировал уже попав в руки судей, которые стали действовать по принципу «эту статью я читаю так, эту эдак, а третья меня и вовсе не касается». Знаете, если внимательно почитать статью, касающуюся заключения под стражу, то окажется, что сидеть должна лишь десятая часть тех, кто сидит сейчас. Вот как сейчас приводят доводы по Гамбургу — он может сбежать. Барщевский в одной из передач верно сказал, что не сбежать может только труп… А я в одном из процессов в Басманном суде Москвы не выдержал и на аргументы обвинения «подсудимый может то, может это» сказал следующее: «Следуя вашей логике, нужно кастрировать всю мужскую часть населения, потому что каждый ее представитель может являться потенциальным насильником». Судья посмеялся, но заключение под стражу оставил в силе. По смыслу закона должны быть реальные доказательства того, что человек собирался скрыться от следствия — сняли с яхты, нашли план побега… А у нас это звучит — «о, смотрите, у него же есть ноги».

— И загранпаспорт…

— Да, кстати, про заграничный паспорт особенно интересно. Я в каком-то из судов даже обращался к присутствующим в зале: «Поднимите руки те, у кого нет загранпаспорта…»

— Как Вы думаете, на заключение г-на Гамбурга под стражу повлияло исчезновение г-на Меренкова?

— Когда на вас едет бульдозер, у вас есть два способа его остановить — убедить прораба дать команду бульдозеристу «стоп!» или найти в кармане противотанковую гранату… Так что если на вас УЖЕ направили этот бульдозер, ТЕПЕРЬ неважно, сидит ли в кустах Меренков, идут ли по улице демонстранты с плакатами «Свободу Юрию Деточкину!»… Машина просто едет, и ей наплевать на то, что происходит вокруг.

— В своей книге Вы также много рассуждаете о печальной судьбе бизнеса, оказавшегося заложником безграничной власти налоговых органов и Следственного комитета с покровительства государства. Изменилось ли что-то за последние пару лет?

— По моим наблюдениям, после того, как закончили «мочить» бизнес, взялись за чиновников. То есть сначала обобрали, обстригли до голой попы бизнес, и большинство предпринимателей сбежали за границу, остальные выстроились по стойке «смирно». Последних преследовать уже смысла нет — нечего взять уже, до сбежавших не дотягиваются руки. Теперь все взоры обращены на чиновников. Это неудивительно, сама их деятельность связана с насквозь коррумпированной системой. Был у меня один приятель, работавший много лет в правоохранительной системе, в одном из ведомств. Рассказывает мне, что уволился, поскольку пришел новый начальник и прямо так говорит: «Ты мне каждый месяц отстегиваешь вот такую сумму». Он спрашивает: «Где ж я ее возьму?» Начальник: «Где хочешь, там и собирай». Пришлось уйти. Человек приходит уже в систему, которая функционирует определенным образом. Тем, кто там пытается быть законопослушным, очень сложно.

— То есть, получается, виновата сама система, ее устройство?

— Система — это и есть люди. Вы наверняка знаете известный исторический анекдот: «Вот, сталинские времена были плохими — репрессии»…

— Но кто же тогда написал миллионы доносов? Да, знаю.

— Так что плохих времен не бывает, бывают плохие люди. Люди попадают в определенные исторические условия, но даже здесь вольны выбирать, как им поступать. Я согласен, что порой люди ведут себя не так, как нужно, но в нашем случае (имеется в виду дело Гамбурга. — *Прим. ред.*) один нормативный акт рассматривается так, другой наперекосяк, а есть начальник, который говорит: «ты должен, должен, должен», плюс куча проверяющих. Земельные отношения вообще одни из самых сложных. С одной стороны, не ошибается тот, кто ничего не делает. С другой, надо понимать, что^ есть уголовное преступление, а что служебный недочет. Мне тут, кстати, приводили пример из вашей губернии — о некоей должности, которую сменило пять человек, по каждому из которых потом возбудили по уголовному делу.

— Министра экономики? Министра имущественных отношений? У меня несколько вариантов…

— Возникает такой вопрос — это что, специально подбирают

жуликов на эту должность? Думаю, нет. Думаю, сама эта должность подразумевает возникновение правовой неопределенности, которая способствует появлению таких ситуаций. Есть еще проблема, которую я называю ценовым криминалом. С 2003 года, кстати, в связи с «делом ЮКОСа», правоохранительные органы взяли на вооружение это клацканье зубами в отношении цен. «Продали дорого!» «Почему тот, кто заплатил много, не заплатил меньше?!» Я как адвокат ставлю вопрос ребром — вот вы говорите много, мало, да приведите того, кто купит за указанную вами цену. По делу Оборонсервиса продали здание за 600 млн. Пришел оценщик от следствия и сказал, что оно стоит 1,5 млрд. Вот бы военные следователи скинулись и приобрели его за такую сумму… Все бы согласились! А пока что это просто теоретическое размахивание руками.

Об авторе

Ривкин К.Е. родился в 1958 году в Москве. После окончания школы служил в Советской армии. Затем поступил в Московскую Высшую школу МВД СССР, которую в 1982 году с отличием окончил. Работал следователем, учился в очной адъюнктуре Академии МВД СССР, после защиты кандидатской диссертации преподавал криминалистику в одном из вузов системы МВД РФ.

В адвокатуре с 1996 года — сначала в Московской городской коллегии адвокатов, а с января 2002 года член Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры». Занимается преимущественно защитой клиентов по уголовным делам экономической направленности и должностным преступлениям.

Входил в состав команд защитников М.Б. Ходорковского(*) и П.Л. Лебедева по обоим так называемым делам ЮКОСа, в последнем являлся координатором (руководителем) группы защитников Лебедева. Представлял интересы министра обороны РФ А.Э. Сердюкова, был его защитником в период расследования органами военной юстиции дела Оборонсервиса. Участвовал в деле по обвинению в получении взятки руководителя Главного следственного управления Следственного комитета РФ Д.П. Довгия, осуществлял защиту по делу о превышении должностных полномочий первым заместителем губернатора Омской области Ю.В. Гамбургом. Является защитником топ-менеджера компании «Ренова» Б.Ф. Вайнзихера, президента «Банка Москвы» А.Ф. Бородина. Представляет интересы ряда иностранных физических и юридических лиц, чьи права затронуты расследованием уголовных дел, находящихся в производстве российских правоохранительных органов.

В ходе своей адвокатской и научной деятельности побывал в таких странах, как Великобритания, Германия, Грузия, Латвия, Литва, Франция, США, Турция, Чехия, Швейцария.

Согласно рейтингу, опубликованному в октябре 2004 года в журнале «Профиль», № 36, Ривкин К.Е. относится к числу наиболее известных адвокатов России. В соответствии с рейтингом международного ежемесячника «Совершенно секретно» (апрель 2012 года), он вошел в число тридцати лучших адвокатов страны.

Ривкину К.Е. присвоена ученая степень кандидата юридических наук и ученое звание «доцент». Имеет научные публикации по актуальным проблемам криминалистики, уголовного процесса и уголовного права, а также истории, теории и практики деятельности адвокатуры. В соавторстве им

подготовлены «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ», «Комментарий к закону об адвокатской деятельности и адвокатуре», несколько изданий учебника «Криминалистика».

Является автором книги «Ходорковский(*), Лебедев, далее везде. Записки адвоката о “деле ЮКОСа”, и не только о нем» (2013), сборников «Адвокатскими тропами» (2011), «Адвокатинки» (2016) и «Адвокатинки-2» (2018).

Неоднократно избирался членом Совета Адвокатской палаты города Москвы в период 2007–2012 гг. и 2019–2023 гг., работал в ее квалификационной комиссии (2012–2017 гг.).

Профессиональные заслуги адвоката К.Е. Ривкина отмечены орденом Федеральной палаты адвокатов РФ «За верность адвокатскому долгу» (2006); серебряной медалью им. Ф.Н. Плевако (2011); Национальной премией в области адвокатуры и адвокатской деятельности в номинации «Деловая репутация» (2012); медалью Федеральной палаты адвокатов РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени (2023).

Фотографии

В Совете Адвокатской палаты г. Москвы состава 2009–2011 г.г. В первом ряду следа направо: Е.И. Ефимова, Г.М. Резник, А.В. Живина, Н.В. Канишевская. Во втором: К.Е. Ривкин, С.И. Орешкин, Р.Ю. Зиновьев, В.Н. Буробин, Ю.Л. Клячкин, И.А. Поляков И.А., В.Я. Залманов, М.В. Крестинский.

Выступление на курсах повышения квалификации в ФПА РФ с вице-президентом ФПА С.И. Володиной и президентом ФПА РФ Е.В. Семеняко (2013).

С патриархом российской адвокатуры Г.П. Падвой: советы молодому адвокату (2004)

Советы адвокату, но уже не столь молодому (2011)

Второй процесс по «делу ЮКОСа» в Хамовническом суде г. Москвы (2009)

Интервью прессе у Московского городского суда (2011)

Обсуждая актуальные проблемы адвокатуры: с первым вице-президентом Адвокатской палаты Ленинградской области А.Н. Денисовой (Грузия, Тбилиси, 2019)

Жаркая теоретическая дискуссия с вице-президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Ю.М. Новолодским (Чехия, Прага, 2018)

На судебном процессе в Омске (2015)

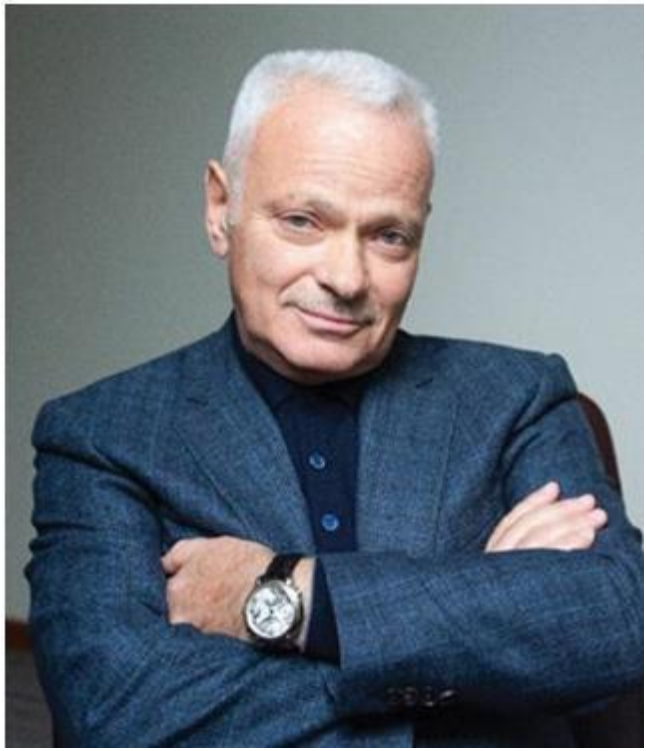
Выступления на Балтийских юридических чтениях с коллегами А. Пиховкиным, С. Краузе, А. Чертковым (слева направо) (Санкт-Петербург, 2022)

Во главе жюри студенческого конкурса «Адвокатура: сквозь века», организованного 12 мая 2023 года на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова

Напутственное слово успешно сдавшим адвокатский экзамен, на заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы (2022)

В перерыве XXI-й Отчетно-выборной конференции Адвокатской палаты г. Москвы (7 апреля 2023 г.). Слева направо: Н. Кипнис, С. Купрейченко, И. Поляков, К. Ривкин, В. Клювгант.

В тёплой компании: с председателем Московской городской коллегии адвокатов А. Живиной и первым вице-президентом Адвокатской палаты г. Москвы Г. Резником.



Председатель Адвокатской конторы «Аснис и партнеры» Александр Аснис

Председатель Межреспубликанской коллегии адвокатов Роберт Зиновьев

Школьные годы чудесные…

Отдавая долг Родине в Советской армии (1977)

Принятие присяги при поступлении в Московскую Высшую школу милиции МВД СССР (1978)

Преподаватель кафедры криминалистики Юридического института МВД РФ К. Ривкин (1995)

Цветы учителю — Заслуженному деятелю науки РФ, профессору В.П. Лаврову в день его рождения (2018).

Первое адвокатское удостоверение

Удостоверение члена Совета Адвокатской палаты г. Москвы

Основатель Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры» Георгий Каганер в своем рабочем кабинете

Поездка в Архангельский областной суд (2012). С коллегами и будущим Нобелевским лауреатом Дмитрием Муратовым (*). Слева направо: Л. Вазеркина, В. Челищева, А. Мирошниченко, Д. Муратов, Е. Липцер, К. Ривкин

Презентация книги «Ходорковский (*), Лебедев, далее везде. Записки адвоката о деле ЮКОСа, и не только о нем» (Москва, 2013)

После успешного завершения дела с полученным гонораром (шутка)

В отделении Организации Объединенных наций в Женеве, Швейцария (1922)

В Тбилиси в дни проведения конференции по защите прав адвокатов с экс-главой Ассоциации адвокатов Грузии З. Хатиашвили и адвокатом из Санкт-Петербурга Н. Жирновой (2022)

Командировка в Америку не может обойтись без заезда в Голливуд (2010)

На презентации книги В. Челищевой (в центре) «Как меня убивали», посвященной руководителю юридического управления НК ЮКОС В. Алексаняну (1971–2011). Слева — журналист З. Светова

Г.М. Резник на заседании совета палаты вручает диплом к серебряной медали им. Ф.Н. Плевако (2011)

С Национальной премией в области адвокатуры и адвокатской деятельности в номинации «Деловая репутация» (2012)

Друг и однокашник по Академии МВД СССР Владимир Мазурский

Поздравления в связи с 65-летием автора в Адвокатской палате г. Москвы. Слева направо: С.Б. Зубков, И.А. Поляков, К.Е. Ривкин, А.В. Сучков (январь 2023)

notes

Примечания

1

Здесь и далее по тексту лица, признанные иностранными агентами, обозначены знаком (*).

2

Книга вышла в издательстве «Этерна» в 2013 г. Предисловие адвоката Г.П. Падвы.

3

Кони А.Ф. Избранные произведения. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 39.

«Новая адвокатская газета», 2011. № 12.

5

В банкетном зале присутствовали действующие госчиновники и генералы. Надо было видеть их лица при произнесении этих слов. — *Прим. авт.*

6

См.: *Анисимов В.Ф.* О современности традиций присяжной адвокатуры. Сборник «Адвокатура. Государство. Общество». М., 2015. С. 118–119.

Мельниченко Р.Г. Дисциплинарная ответственность присяжной адвокатуры. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 149.

Корчаго Е.В. Проблемные аспекты нового проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Московский адвокат. 2018, № 1. С. 17.

9

См.: Постановление Совета судей РФ от 27 апреля 2006 г. № 156 «Об утверждении правил поведения работников аппарата судов».

10

См.: Сообщение о конференции Совета адвокатов и адвокатских объединений стран Европейского союза (Ереван, март 2018 г.) на сайте ФПА РФ: http://fparf.ru/news/all_news/news/47345/

Корчаго Е.В. Проблемные аспекты нового проекта Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Московский адвокат. 2018, № 1. С. 18.

12

Гессен И.В. История российской адвокатуры. М.: Эксмо, 2021. С.182.

13

Макалинский П.В. Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность Санкт-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866–1888). СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1889. С. 355, 371.

14

Теория адвокатуры / Воробьев А.В., Поляков А.В., Тихонравов Ю.В. М.: Грантъ, 2002. С. 325–326.

15

Там же. С. 325.

16

Пилипенко Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. 2-е изд. М.: Норма, 2013. С. 153.

17

См.: *Баев М.О.* Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 21; *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий. Краснодар: Кубанский университет, 1986. С. 11.

18

Аналог нынешнего губернатора. – *Прим. авт.*

ДигестыЮстиниана. ТомI.КнигиI–IV.М.:Статут,2002.С.171.

Молло Ф.Э. Правила адвокатской профессии во Франции. М.: Издательство Н.П. Шубинской, 1894. Цит. по: Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX века). СПб.: Юрид центр Пресс, 2004. С.50.

21

Защите по назначению в российской присяжной адвокатуре член Совета АП Москвы А.В. Сучков посвятил одноименную статью, размещенную на сайте Адвокатской палаты города Москвы: https://www.advokatymoscow.ru/press/ viewpoint/11028/. В настоящей работе, исходя из обозначенной темы публикации, автору представляется целесообразным напомнить о тех же исторических событиях, осветив ряд дополнительных деталей.

Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Цит. по: *Ануфриев В.М., Гаврилов С.Н.* Организация и деятельность адвокатуры в России. М.: Юриспруденция, 2001. С. 77.

23

Макалинский П.В. Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность Санкт-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866–1888). СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1889. С.159.

24

Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского Совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. СПб.: Типография В. Демакова, 1875. Часть 1. С. 155–156.

25

Гессен И.В. История русской адвокатуры. Иллюстрированное издание. М., 2021. С. 177.

26

Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского Совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. – СПб.: Типография В. Демакова, 1875. Часть 1. С. 149.

Кони А.Ф. Избранные произведения: Приемы и задачи обвинения. М.: Юридическая литература, 1956. С.58.

28

Дисциплинарное производство за 1926 год. М.: Правовая защита, 1927. С. 99.

29

Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов / Сост. П.А. Огнев. М.: Московский общественный НИИ судебной защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах МГКА и МОКА, 1971.

30

Резник Г.М. Адвокатура в постсоветском обществе // С драйвом по жизни. Том 1. Воспоминания, речи, выступления. М.: Граница, 2018. С.309

31

Петрухин И.Л. Отчет о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской городской коллегии адвокатов // Рассказывают адвокаты. М.: Издательство ИГ И П РАН, 2000. С.114–115.

Колоколов Н.А. Адвокат по назначению: нюансы работы // Уголовный процесс. 2022. № 10.

33

Черкунова Т.В. «Карманный» адвокат – служитель стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России, 2021. № 3. С. 60.

Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. С. 108.

35

Чурилов Ю.Ю. «Карманный адвокат» // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 36–40.

Бугаренко А.И. Предоставление адвокатами бесплатной юридической помощи // Адвокатура. Общество. Государство. Сборник материалов VII ежегодной научно-практической конференции. М.: Информ-Право, 201 ˚С. 12.

Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 1, 2, 3 (111, 112, 113). М., 2013. С. 62–71.

Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 5–6 (55–56). М., 2008. С. 18–23.

39

Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 8, 9, 10 (118, 119, 120). М., 2013. С. 28–39.

Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы. 2003–2004 гг. М.: Новая юстиция, 2011. С. 87–93.

41

Профессиональная этика адвоката. 3-е изд. М.: Адвокатская палата Московской области, 2017. С. 88.

Дисциплинарная практика Адвокатской палаты Ульяновской области: Сборник материалов. М.: Американская ассоциация юристов, 2009. С. 39–60.

https://www.advokatymoscow.ru/press/viewpoint/11381/

https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/11469/

45

Разъяснение № 15 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам участия адвокатов в делах по назначению от 18 октября 2021 г.

Бюллетень Верховного суда РФ, 2009, № 7. С. 26.

Судебная практика по уголовным делам / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Юридические программы, 2004. С. 257.

Бюллетень Верховного суда РФ, 2008, № 8. С. 17–18.

49

Определение от 4 апреля 2006 г. № 100-О.

Определение от 4 апреля 2006 г. № 100-О.

Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. С. 38.

Гессен И.В. История русской адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. В 3-х тт. М.: Издательский Совет Присяжных Поверенных, 1914.

53

Описавший данный случай тот же В.В. Птицын так его прокомментировал, упомянув Францию: «*Но, видно, то, что является обыкновенным для французских адвокатов, не по плечу представителям нашей присяжной адвокатуры. У нас инцидент этот разрешился тем, что совет, на помощь обиженному судьей адвокату, откомандировал своего члена. И пошли они вдвоем писать и подавать, куда там полагается, разные "прошения" о том, как судья "учинил им поношение, и притом зело великое", как поется в песенке. Кляузы эти протянутся год или больше и кончатся ничем или каким-нибудь разъяснением, ничтожным по значению и результатам*».

Член Совета Н.Н. Шнитников выступил с особым мнением. Разделяя озабоченность отложением судебных дел, «что для клиентов невыгодно», он в то же время указал – петербургская адвокатура должна была выразить свою солидарность с рабочими и негодование к власти более открыто. Забастовка в этом отношении являлась средством подходящим, но способ должен был быть избран другой.

Лубшев Ю.Ф. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный). М.: Норма, 2002. С. 88–89. См. также: *Пилипенко Ю.С.* Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. 2-е изд. М.: Норма, 2013. С. 218; *Гуляев А.П.*, *Ривкин К.Е.* и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями: Научно-практическое издание. М.: Норма, 2004. С. 72.

Заключение Квалификационной комиссии опубликовано в Вестнике Адвокатской палаты за 2015 г. Выпуск № 2 (128). С. 27–63.

См.: Обзор дисциплинарной практики АП МО за второе полугодие 2013 г.

Wiretapping, Tape Recorders, and Legal Ethics: An Overview of Questions Posed by Attorney Involvement in Secretly Recording Conversation, August 9, 2012.

59

Имеется в виду законопроект о внесении изменений в закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», инициированный Министерством юстиции РФ в конце 2021 г.

Имеется в виду статья Ю. Новолодского «Отказ адвоката от защиты по причине неоплаты его труда недопустим», опубликованная 8 ноября 2018 года в «Адвокатской газете».

Приводимые в сборнике выборные и иные должности указываются на момент публикаций или изготовления фотографий.

Имеется в виду статья «Политика сама влезает в право».